

Содержание

М.Р.Арунова, П.Е.Ковальчук К ВОПРОСУ О ПРОБЛЕМАХ ГРАНИЦ АФГАНИСТАНА.....	4
А.Б.Борисов ИСЛАМСКИЙ КОМПОНЕНТ ОБЩЕСТВЕННОЙ МЫСЛИ В СТРАНАХ МАГРИБА.....	14
И.В.Гордеев ФАКТОРЫ, ОПРЕДЕЛЯЮЩИЕ НЕФТЯНУЮ ПОЛИТИКУ СТРАН БЛИЖНЕГО, СРЕДНЕГО ВОСТОКА И СЕВЕРНОЙ АФРИКИ.....	42
В.И.Гусаров СЕВЕРНАЯ АФРИКА: ПОЛВЕКА НЕЗАВИСИМОГО РАЗВИТИЯ.....	51
И.В.Жмуйда ИНОСТРАННЫЙ ЧАСТНЫЙ КАПИТАЛ В ПАКИСТАНЕ.....	70
Барух Киммерлинг ФОРМИРОВАНИЕ И КРИЗИС ИЗРАИЛЬСКОГО СЕКУЛЯРИЗМА.....	82
Н.А.Кожанов ЗАКОН ИРИ «О ПООЩРЕНИИ И ЗАЩИТЕ ИНОСТРАННЫХ ИНВЕСТИЦИЙ» 2002 ГОДА (ПРЕДПОСЫЛКИ ПРИНЯТИЯ, ЕГО СОДЕРЖАНИЕ И ЗНАЧЕНИЕ)..	132
С.Н.Кузнецов ГЕОПОЛИТИЧЕСКОЕ ПОЛОЖЕНИЕ ПАКИСТАНА И РЕГИОНАЛЬНАЯ СРЕДА....	140
Р.Г.Ланда ПОЛИТИЧЕСКИЙ ИСЛАМ И ЖЕНЩИНЫ-МУСУЛЬМАНКИ.....	161
П.Н.Мамед-заде ПОЗИЦИЯ АРАБСКОЙ РЕСПУБЛИКИ ЕГИПЕТ ПО ВОПРОСУ РЕФОРМИРОВАНИЯ ООН.....	174
Д.А.Нечитайло ИСЛАМ В СКАНДИНАВИИ.....	182
И.А.Свистунова О ВЛИЯНИИ ИРАКСКОГО ФАКТОРА НА РАЗВИТИЕ ОТНОШЕНИЙ ТУРЕЦКОЙ РЕСПУБЛИКИ С ИРАНОМ.....	204
Р.Р.Сикоев ЧЕТЫРЕ УСЛОВИЯ «АФГАНСКОГО ДОГОВОРА» В КОНТЕКСТЕ ИСТОРИИ АФГАНИСТАНА.....	218
О.Г.Тяпышев О СПЕЦИФИЧЕСКИХ ТЕНДЕНЦИЯХ В ЭКОНОМИКЕ АФГАНИСТАНА НА ВОССТАНОВИТЕЛЬНОМ ЭТАПЕ.....	232
Владимир (Зеэв) Ханин «РУССКАЯ» ОБЩИНА, ВЫБОРЫ И ВЛАСТЬ В ИЗРАИЛЕ: ИТОГИ И ПЕРСПЕКТИВЫ.....	245
А.Н.Андреев (приложение) К ВОПРОСУ О ВОССТАНОВЛЕНИИ СУДЕБНО-ПРАВОВОЙ СИСТЕМЫ АФГАНИСТАНА.....	274

М.Р.Арунова, П.Е.Ковальчук

К ВОПРОСУ О ПРОБЛЕМАХ ГРАНИЦ АФГАНИСТАНА

Недостаточная закрытость афганских границ, а на некоторых участках их практическая «прозрачность» порождают серьезную озабоченность приграничных государств и многих других стран Азии и Запада, в том числе и России. Это во многом связано с проблемой потока контрабанды наркотиков из Афганистана.

Какова наркоситуация в самом Афганистане в последнее десятилетие и ныне? Заметим, что в этой стране издавна существовала традиция высеивания опийного мака и производства наркосодержащих веществ. В 80-е годы, хотя руководство НДПА принимало серьезные меры по борьбе с наркоугрозой, производство опия в стране не сокращалось, чему способствовали большой спрос на мировых рынках, низкие затраты на возделывание этой культуры и благоприятные природные условия.

В результате в 90-х годах Афганистан вышел в мировые лидеры по производству опиатов и изготавливаемых на их основе наркотиков. Рекордный урожай был собран в 1999 г. в период правления талибов – 4560 тонн. В стране функционировали десятки лабораторий по переработке сырья, где работали, в том числе, и приглашенные с Запада специалисты. В 2002 г. под мак было засеяно 74 тыс. га и произведено порядка 3400 т опия-сырца, что составило 75% мирового выхода этой продукции. В 2003 г. Афганистан продолжал оставаться лидером производства опия: выход с засеянных уже 80 тыс. га приближался к 3600 тоннам. Объемы производства наркотических веществ в 2004 г. вновь выросли (4200 т опия), при этом происходила качественная переориентация этого сырья на изготовление героина, который занимал 77% общего объема незаконного экспорта из Афганистана. Значительно возросли посевные площади, используемые под выращивание наркосырья (свыше 131 тыс. га). Доходы от производства и контрабанды наркотиков в 2004 г. составили, по оценкам ООН,

не менее 2,8 млрд. долл. США (рост на 22% по сравнению с уровнем 2003 г. – 2,3 млрд. долл.).

По оценкам ООН, в 2005 г. урожай опия-сырца в Афганистане составил 4100 т при официально объявленном снижении на 21% посевных площадей в целом по стране (с 131 тыс. до 104 тыс. га). Высокий уровень производства наркотиков был обусловлен благоприятными погодными условиями и ростом урожайности опийного мака, а главное – экономической привлекательностью культивирования мака. Значительно повысилась урожайность в южных, центральных и восточных провинциях при одновременном росте посевных площадей на севере и западе Афганистана. Заметим, что наблюдаемый бум наркопроизводства на севере страны чреват увеличением наркопотока в Россию, а затем через ее территорию на Запад.

Доходность культивирования опиатов к 2005 г. выросла до 5400 долл. с гектара, а в целом по стране – на 560 млн. долл. В связи с повышением цен на опий-сырец (с 92 до 102 долл. за килограмм) возрос и средний доход фермерских семей (с 1700 до 1800 долл. в год).

Руководство Афганистана предпринимает определенные, но недостаточно эффективные меры по борьбе с наркопроизводством. В январе 2002 г. Временная администрация Афганистана объявила о запрете на выращивание опийного мака, что, однако, существенно не изменило положения дел.

В декабре 2004 г. в Афганистане было создано Министерство по борьбе с наркотиками, которое возглавил пуштун Х.Кадери. В рамках этого министерства сформирован фонд поддержки крестьян, отказавшихся от выращивания опиатов. Донорами фонда являются государства, наиболее страдающие от афганской наркоугрозы, – страны Евросоюза, Иран и Пакистан.

В ноябре 2005 г. Президент ИРА Х.Карзай провел совещание с губернаторами и начальниками полиции наркопроизводящих провинций, главной темой которого стала ликвидация наркокультур. Губернаторы Балха, Гильменда и Кунара объявили о начале в своих провинциях крупномасштабных акций по борьбе с выращиванием опийного мака. При этом власти объявили, что за выращивание мака крестьян будут привлекать к уголовной ответственности.

Продолжаются мероприятия по изъятию опиатов. За 2005 г. Министерство по борьбе с наркотиками совместно с МВД Афганистана конфисковало 161 т наркотиков и прекурсоров. Лик-

видировано 188 лабораторий, в провинциях Заболь, Балх, Гильменд и Кабул сожжено 10 т наркосырья. Общее число задержанных за наркопреступления с января по октябрь 2005 г. составило 516 человек. 391 контрабандист осужден. Налаживается работа трехсторонней афгано-пакистано-американской комиссии по обмену информацией. Кроме того, Афганистан подписал меморандум о взаимопонимании с «COLOMBO PLAN GROUP», куда входят 25 стран Азиатско-тихоокеанского региона. Документ предусматривает финансирование создания в стране 25 центров подготовки религиозных деятелей, которые должны будут проводить антинаркотическую пропагандистскую работу с прихожанами мечетей.

В настоящее время афганское правительство совместно с представителями США разрабатывают комплекс мер борьбы с наркоугрозой, включающий арест наркодельцов, поставляющих героин по маршруту Афганистан – Восточная Европа и далее. Одновременно внутри страны предполагается лишить государственных полномочий ряд высших чиновников, в том числе губернаторов. В рамках этой программы уже отстранен губернатор Гильменда Ш.М.Ахунзаде. Однако в большей степени преследованиям подвергаются мелкие торговцы и крестьяне.

Агентство США по контролю за наркотиками организовало в Кабуле постоянные курсы повышения квалификации специалистов антинаркотической полиции и судебных органов. Подготовку на этих курсах уже прошли 200 сотрудников этих служб.

Россия, со своей стороны, выступила инициатором разработки международной комплексной стратегии по борьбе с афганской наркоугрозой, включающей в себя все стадии производства и незаконного оборота наркотиков – от посевов опийного мака до сбыта готовой продукции. Ряд важнейших положений документа удалось закрепить на состоявшемся в июне 2003 г. под председательством России специальном заседании СБ ООН, посвященном афганской наркопроблеме.

Выведенная Россией идея создания антинаркотических «поясов безопасности» по периметру афганских границ нашла поддержку на состоявшейся 8–9 февраля 2004 г. в Кабуле международной антинаркотической конференции. Однако в ходе ее работы выявились разногласия в подходах к проблеме у ряда заинтересованных стран. ООН, ЕС, Германии и КНР отстаивают как приоритетную задачу пресечение наркотрафика из Афганистана, в то время как Великобритания и некоторые

другие страны считают первостепенным шагом уничтожение наркопосевов и героиновых лабораторий. Для России актуальное значение имеет расширение сотрудничества по решению афганской наркопроблемы в рамках СНГ, ОДКБ, ШОС, Центральноазиатского меморандума о взаимопонимании по проблемам наркотиков, Совета Россия – НАТО и Евросоюза. В настоящее время достигнуто соглашение между Российской Федерацией и Исламской Республикой Афганистан о направлении в страну официального представителя ФСКН России (выезд планируется в этом году).

По инициативе американцев был подписан меморандум о взаимопонимании между УНП ООН и Министерством по борьбе с наркотиками (МБН) ИРА, согласно которому функции по изучению и анализу наркоситуации в Афганистане переходят от УНП ООН к МБН. Не следует исключать, что это может привести к получению недостаточно точной оценки происходящего в области культивирования и производства наркотиков в ИРА. США продолжают настаивать на необходимости распыления ядохимикатов на наркопосевы с воздуха, однако в афганском парламенте готовится законопроект о запрете таких мер.

Понятно, что для минимизации наркопотока из Афганистана необходимы большие средства. Проект, предложенный Россией и поддержанный Таджикистаном, о создании пояса безопасности вокруг Афганистана находится в стадии проработки. Государства Центральной Азии, имеющие границы с Афганистаном, в связи с отсутствием необходимых средств не в состоянии самостоятельно справиться с этой задачей.

Мировое сообщество и отдельные страны выделяют финансовые ресурсы для борьбы с производством наркотиков в Афганистане, однако пока не очень охотно идут на поддержку российского проекта.

Как известно, до недавнего времени часть таджикско-афганской границы в районе Горно-Бадахшанской автономной области Таджикистана охраняли российские пограничники: по совместной договоренности Россия постепенно передала охрану границы таджикским пограничникам. Нельзя не подчеркнуть, что совместно российские и таджикские пограничники только в 2004 г. перехватили свыше 8 тонн наркотических веществ, в том числе и героина. Как показала практика, таджикская сторона, будучи не в состоянии самостоятельно ограничить наркопоток из Афганистана, обратилась к ООН с просьбой

оказать помощь в укреплении границы, на что потребуется не менее 100 млн. долл. США.

Оценивая ситуацию на афгано-пакистанской и афгано-иранской границах, следует обратить особое внимание и на другие серьезные трудности в этих странах в связи с ситуацией в Афганистане. Так, Пакистан серьезно заботит пребывание на его территории афганских беженцев (ныне около 1,5 миллионов человек), что обостряет проблемы экономического, социального, политического и даже экологического порядка. Что касается социального состава этих беженцев, то отечественные исследователи, специально занимающиеся этими вопросами (например, И.В. Жмуйда), разделяют их на 4 группы: это кочевники-скотоводы, которые до войны в Афганистане перемещались в зимнее время на территорию Пакистана в поисках корма животным, а позднее из-за войны оставались в Северо-Западной Пограничной Провинции (СЗПП) у родственников и соплеменников. Вторая группа – это крестьяне, лишившиеся земли в результате войны, бедная неимущая часть населения, в том числе малоквалифицированные рабочие; третья группа – средние слои (врачи, учителя, чиновники, мелкие торговцы и предприниматели), а также наиболее влиятельная группа – крупные землевладельцы, состоятельные предприниматели, ханы племен, сардары, богословы, высшие военные чины.

Пребывание беженцев несомненно оказало влияние на экономическую и социальную стабильность, особенно в районах, граничащих с Афганистаном. Имели место захват земель у местного населения, незаконное использование пастбищ, обострилась криминогенная обстановка, вспыхивали вооруженные столкновения беженцев с жителями Пакистана.

Как весьма обоснованно утверждает серьезный специалист по сельскому хозяйству этой страны М.Ю. Морозова, присутствие афганских беженцев, занимающихся отгонным скотоводством, негативно отразилось в первую очередь на состоянии лесных массивов и водоемов – отмечаются резкая нехватка колодезной воды, усиление ветровой эрозии, необратимые процессы почвенной деградации, загрязнение водоемов и атмосферы. Скученность и антисанитария в среде обитания беженцев, прежде всего крестьян, расселенных в палаточных лагерях по 5 тыс. человек в каждом, создают много трудностей – усложняют криминогенную ситуацию, вызывают эпидемии и т.п.

Часть афганских беженцев из числа ремесленников и предпринимателей активно включилась в контрабандную торговлю, которая играет заметную роль в нелегальных экспортно-импортных пакистано-афганских операциях. Они не платят налоги государству, приютившему их, получают высокие прибыли и становятся серьезными конкурентами пакистанских торговцев, в частности, в производстве и торговле сигаретами, коврами, коженными изделиями, бытовой техникой и т.п. Ежегодно Пакистан недополучает миллиарды рупий за счет нелегальных операций. И все-таки прибыль от нелегальной торговли ни в какое сравнение не идет с доходами от оборота оружия и наркотиков, которые расходятся по стране и в основном через морские и авиапорты переправляются во многие страны мира.

Богатые афганцы проводят крупные сделки, в том числе и нелегальные, сосредоточив в своих руках транспортные средства и каналы перевозки в СЗПП и в других районах страны, что, естественно, вызывает серьезное недовольство торгово-промышленных кругов и правительства Пакистана.

Что касается Ирана, то серьезной проблемой для его руководства является наркотрафик из Афганистана. По данным компетентных источников, он идет по всей линии границы.

Основными районами переправки наркотиков являются север – (вблизи Бирджана), юг около города Заболь, провинции Систан и Белуджистан. Еще один район контрабанды наркотиков находится у Серахса, в непосредственной близости от границы с Туркменией. Иран фактически является транзитным каналом для экспорта афганского героина. Поступая сюда контрабандным путем, он не только распространяется в стране, но и через Турцию, порты Персидского залива, аэропорты переправляется в арабские страны, на Балканы, государства Запада. По данным компетентных источников, более 80% наркотиков в этих странах афганского производства.

Руководство ИРИ уделяет большое внимание наркопроблеме. Иранские силы правопорядка проводят широкомасштабную работу по борьбе с контрабандой наркотиков в страну и за ее пределы. Органом, координирующим эту работу, является Штаб, располагающий компьютерной системой, банком данных, где, кроме всего прочего, содержатся сведения о наркодельцах, их деятельности не только в стране, но и на региональном уровне. Генеральный секретарь Штаба и его аппарат

координируют деятельность специализированных комитетов по мониторингу наркотрафика, погранконтроля, каналов сбыта наркотиков, по разведке и т.п.

В стране преобладают силовые методы борьбы с наркотрафиком. За последние 20 лет в столкновениях с бандами наркокурьеров погибло более трех с половиной тысяч иранских граждан.

Важным направлением работы ИРИ по борьбе с контрабандой наркотиков является охрана ее границ, в том числе путем возведения заградительных сооружений, наблюдательных башен, организации передовых постов, дополнительных погранзастав, установления десятков километров колючей проволоки, барьеров из бетонных плит, земляных насыпей и других препятствий. Однако, согласно иранской статистике, силами правопорядка, полиции и народного ополчения перехватывается не более 25% контрабандных наркотиков.

Официальный Тегеран, принимая на себя расходы и тяготы, связанные с блокированием наркопотоков из Афганистана, справедливо акцентирует внимание мирового сообщества и отдельных стран, являющихся основными рынками сбыта наркотиков, на необходимости увеличения материально-технической и финансовой помощи Ирану, активизирует взаимодействие с ООН, другими международными организациями, а также с рядом государств. В качестве близкого партнера в борьбе с наркотиками ИРИ рассматривает Россию, позиция которой, как показала практика, во многом близка или совпадает с иранской. Инициативы России по наркопроблеме широко обсуждались и были приняты на многих международных форумах, конференциях, встречах на различных уровнях, межмидовских консультациях. В преддверии международной конференции в Париже по наркопроблеме и наркотрафику из Афганистана, в которой участвовало более 50 стран, российская сторона направила руководствам ООН и Евросоюза послания с конкретными предложениями выработать комплексную программу в целом.

Эти предложения были одобрены мировым сообществом, что нашло свое отражение в заявлении СБ ООН по итогам его специального заседания, посвященного наркоугрозе, исходящей из Афганистана. Кроме вопросов наркотрафика существуют и другие проблемы, осложняющие ирано-афганские отношения и положение в ИРИ в целом. Они связаны с пребыванием в стране большого числа афганских беженцев. На сего-

дняшний день в ИРИ проживают порядка 900 тысяч зарегистрированных беженцев (по неофициальным источникам, их численность достигает 1,5 миллионов человек). По информации УВКБ ООН, в специальных лагерях живет свыше 30 тыс. человек, остальные, и это признают иранские власти, практически ассимилировались с местным населением. Иранские власти подчеркивают, что затраты на содержание беженцев достаточно высоки (около 8 млрд. долл.). Кроме того, в стране растет недовольство создаваемой афганцами конкуренцией на рынке рабочей силы и тем, что они, пользуясь определенными льготами, имеют преимущества над коренными жителями в сфере бизнеса. Как мы видим, проблемы наркотрафика и беженцев из Афганистана в Иран и Пакистан тесно связаны с ситуацией на границах, проблемами их укрепления и охраны. Именно этими причинами и был вызван созыв международной конференции в Катаре 27–28 февраля 2006 г.

Эта конференция была организована по инициативе Германии, Афганистана и Государства Катар и проходила под председательством Миссии ООН в Афганистане. В конференции приняли участие представители Ирана, Пакистана, России, КНР, Саудовской Аравии, ОАЭ, Кувейта, Бахрейна, Омана, США, Великобритании, Италии, Индии, Норвегии, Турции, Канады, а также представители Евросоюза, комиссии международных организаций и финансовых институтов, в том числе Всемирного банка. Из среднеазиатских государств в конференции участвовал лишь Туркменистан. В составе российской делегации были представители МИД, МВД и Федеральной службы по Контролю за оборотом наркотиков России. Работа конференции проходила в рамках двух рабочих групп – «управление границами» и «региональное сотрудничество».

В ходе дискуссии прежде всего было отмечено, что в связи со значительной слабостью пограничного, таможенного и иных видов контроля по всему периметру афганских границ необходимо оказание международной помощи как собственно Афганистану, так и его соседям. Это в первую очередь – обеспечение материально-технической базы охраны границ, укрепление пограничной инфраструктуры и подготовка кадров.

Все выступавшие подчеркивали вклад своих государств, правительственных и неправительственных организаций в восстановление Афганистана, укрепление его пограничных и полицейских подразделений. Представители Германии, в частно-

сти, заявили о необходимости создания унифицированной системы охраны границ Афганистана с обеих сторон. Члены американской делегации отметили важность структурной перестройки полиции и погранслужбы с тем, чтобы они могли соответствовать современным стандартам. Представитель Евросоюза считает, что внешняя помощь может стать более эффективной, если пограничные, таможенные и другие структуры Афганистана наладят постоянный обмен информацией и практически ежедневное взаимодействие с соседями вдоль всей границы на каждом пункте ее пересечения. Причем эти пункты следует размещать в максимальной близости друг от друга. Делегат Всемирного банка обратил внимание на важность обеспечения «прозрачности» границ Афганистана для законного перемещения людей, товаров, капиталов и оказания услуг. Ради чего необходимо гармонизировать национальные законодательства сопредельных государств, их таможенные, санитарные, визовые и иные правила и процедуры.

Что касается дополнительных финансовых вложений на проекты, связанные с укреплением границ ИРА, представители ФРГ объявили о намерении выделить 2 млн. долл. США на обустройство участка границы в провинции Гильменд (юг), а делегация КНР обязалась предоставить новое оборудование для охраны МВД Афганистана на сумму 3 млн. долл. США. Остальные участники напомнили, что финансовые обязательства по помощи ими уже были взяты ранее на Лондонской конференции по Афганистану, которая состоялась 31 января – 1 февраля 2006 г. Представители государств, граничащих с Афганистаном, заявили о том, что уделяют главное внимание развитию сотрудничества с ИРА в сфере укрепления пограничного контроля на двусторонней основе и в их планы не входит выделение дополнительных финансовых средств, они готовы принимать в них участие лишь как реципиенты.

Участники конференции отметили особую роль Фонда содействия правоохранительным органам Афганистана (The Law and Order Trust Fund for Afghanistan), который функционирует в ИРА с мая 2002 г. Однако ситуация осложняется тем, что на данном этапе работы Фонда отсутствует достаточное финансирование на выплату зарплаты афганским полицейским.

По итогам конференции была принята Декларация об управлении границами Афганистана, призвавшая ИРА и ее соседей приложить усилия по превращению их границ в эффек-

тивный заслон наркотрафику, трансграничному терроризму и нелегальной миграции при одновременном поощрении взаимной торговли и всех форм регионального сотрудничества. Мировое сообщество намеревается оказывать им в этом максимальное содействие. В июне с.г. в Москве планируется проведение международной антинаркотической конференции «Париж-2 – Москва-1».

Кроме того, главы делегаций Афганистана и граничащих с ним Пакистана, Ирана и КНР подписали декларацию о сотрудничестве пограничных служб, призванную придать дополнительный импульс обмену опытом.

Как мы видим, выполнение поставленных участниками конференции задач во многом рассчитано на перспективу и требует детальной проработки и обсуждения. При этом намеченные меры призваны содействовать нормализации обстановки в регионе, а также концентрации совместных усилий для решения серьезных проблем, стоящих перед заинтересованными странами и мировым сообществом в целом.

А.Б.Борисов

ИСЛАМСКИЙ КОМПОНЕНТ ОБЩЕСТВЕННОЙ МЫСЛИ В СТРАНАХ МАГРИБА

Для общественной мысли арабских, в том числе североафриканских государств характерны эклектичность, попытки соединения адаптированных к современности представлений с приверженностью традициям. Подобная противоречивость проявляется и по отношению к исламу – для одних он является доктриной, ограждающей привычный уклад жизни от вторжения пугающих инноваций, для других – средством преобразования окружающего мира, для третьих – идеологией, призванной облегчить приспособление верующих к требованиям современной жизни, наконец, для четвертых – теологической концепцией, которая как бы напрямую даже не связана с мирской жизнью.

Так или иначе, мусульманская религия остается для населения государств Магриба привычной, естественной формой миропонимания, в которую они облачают свои экономические, социальные, политические чаяния. О влиянии, которое продолжает оказывать ислам, свидетельствует тот факт, что, например, в Марокко парламенту, политическим партиям, профсоюзам доверяет 10%, прессе 30% населения, а высказываниям религиозных авторитетов – 45%. Аналогичная картина налицо и в Алжире – 10%, 35% и более 40% соответственно¹.

Ислам выполняет различные по характеру функции – компенсаторскую, т.е. компенсирующую слабость индивидуума или социальной группы перед лицом окружающего мира, и интегрирующую, т.е. способствующую адаптации людей к этому миру и регулирующую их социальное поведение. Принципиально важно, что религиозные нормы рассматриваются как ниспосланные свыше и в силу этого носящие императивный характер. Следование им является в глазах верующих обязательным, гарантируя, что такой путь откроет им врата рая. С другой стороны, исполнение религиозных предписаний избавляет мусульманина от необходимости самому принимать

далеко не всегда простые решения. Надо лишь следовать заветам бога, идти по начертанному им «правильному пути», и человеку будут гарантированы преуспевание в этом и спасение в загробном мире². Ориентируясь на постулаты ислама, индивид действует в соответствии с укоренившимися стереотипами, в привычной для него системе координат. Срабатывает инстинкт самосохранения, человек находит для себя надежную духовную нишу.

Вышесказанное свойственно, естественно, не только мусульманской, но и иным религиям. В то же время принципиальное отличие ислама от других конфессий состоит в том, что он является религией не только потусторонней, но и посюсторонней. Его догматы не просто влияют на образ жизни верующих или определяют их поведенческие нормы, но и содержат достаточно четкие предписания, касающиеся права, политики и – хотя и в меньшей степени – экономики. Отсюда стойкость представления в обществе, что все – и граждане и правители – должны исполнять божью волю, беспрекословно подчиняться ей и следуя установленным Аллахом законам и правилам. Это, в свою очередь, создает возможность использования ислама как религиозно-политической концепции, нацеленной на преобразование общества в случае, если возникает представление, что люди не придерживаются ниспосланных свыше предписаний.

В целом, по мнению ряда исследователей, в частности, тунисского социолога М.Дауади, религия, а также культурные ценности, язык и научные воззрения составляют родовые свойства человека. Все они носят «священно-метафизический», трансцендентальный характер, будучи ниспосланы людям из «сверхъестественного мира», и образуют «человеческую» (в противовес «животной») суть личности, которую бог вдохнул в Адама после его сотворения. Религиозно-культурные представления рассматриваются как основополагающие для существования цивилизации. Распространение такого рода новых воззрений в период арабских завоеваний привело к появлению на пространстве от Персидского залива до Атлантики нового народа, обладающего арабо-мусульманской идентичностью, возникновению цивилизации, являющейся цивилизацией Корана. С другой стороны, попадание в зависимость от чужой системы религиозно-культурных ценностей расценивается как серьезнейшая угроза идентичности нации, угроза более опасная, чем военная оккупация³.

Главный вопрос, ответ на который сейчас ищут мусульманские идеологи, – как верующий должен реагировать на реалии современной жизни, несовместимые с нормами традиционного ислама. С одной стороны, мусульманин обязан подчиняться предписаниям религии, следуя им не только в быту, но и в общественных взаимоотношениях, более того, в таких сферах, как политика, экономика, международные связи. Однако на деле он живет в государстве, построенном по западному образцу, подчиняется законам, составленным на основе не шариата, а наполеоновского кодекса, его дети учатся в школе по учебникам, копирующим европейские. Он понимает, что умма разобщена и ее объединение под властью нового халифа – утопия. Последователи различных религиозно-политических течений пытаются найти ответ на эти мучительные вопросы, но предлагаемые ими рецепты не только во многом различны, но зачастую и прямо противоположны.

Наиболее широко распространенным среди этих течений является реформаторское, ориентированное на адаптацию норм ислама к современности. Его последователи исходят из того, что в сфере практической деятельности в мусульманских государствах над фикхом всегда преобладали эмпиризм и рационализм, а осуществление положений шариата наталкивалось на требования, выдвигаемые социальной средой, и было вынуждено приспосабливаться к ним. В качестве образца для подражания приводятся взгляды тунисского историка XIV в. Абд ар-Рахмана ибн Халдуна, порвавшего с представлениями о том, что божественные законы являются мерилом, более того – двигателем развития человеческого общества, хотя и не отрицавшего роль религии как основы общественного созидания⁴.

Ислам в представлении реформаторов – это не религия, пригодная для всех времен и толкуемая всеми единообразно, а учение, из которого каждое поколение должно черпать то, что соответствует существующим условиям⁵. Некоторые исследователи ислама, в частности тунисец З.Кришен, идут еще дальше, констатируя, что «ислам, как и все остальные великие религиозные традиции, – это то, что люди из него сделали»⁶. Резкой критике подвергается в этом контексте позиция традиционалистов, которые «освободили самих себя от размышлений в то время, как им следовало бы освободиться от невежества»⁷.

Осовременивание ислама означает для реформаторов модернизацию его социальных и политических установок при

сохранении за религией ее роли в общественной жизни. Религиозная мысль в арабском мире, отмечает генеральный директор АЛЕКСО тунисец М.бу Снина, нуждается в обновлении с тем, чтобы она соответствовала требованиям современного общества, содействуя решению его проблем. Но при этом, подчеркивает он, не следует упускать из виду, что «религия – один из основных элементов цивилизации» и эта ее роль должна быть сохранена⁸.

Способом адаптации ислама к современности реформаторы считают возврат к иджихаду, который мог бы использоваться, в частности, для модернизации фикха, а также вынесение выдержанных в аналогичном духе фетв⁹. Более того, высказывается мысль, что верующие, отрицая предыдущее прочтение священных текстов, вправе давать им свое личное толкование, не претендуя, однако, что такое толкование представляет собою абсолютную истину¹⁰. Одновременно внедряется представление о том, что правильность религиозных суждений обеспечивается, в том числе, их соответствием данным биологии, естествознания, социологии, гуманитарных наук¹¹. Важное значение придается правильному, избавленному от исторически привнесенных наслоений прочтению Корана¹². В обоснование необходимости реформы ссылаются на примеры из жизни Мухаммеда. В Медине, указывает тунисский теолог Х.аль-Мухейри, пророк оказался вынужденным решать практические задачи, от которых зависело будущее ислама. Следовало добиться сплочения мусульман и объединения племен, реорганизовать экономику на принципах запрета рыбы, справедливого распределения богатства и заката, создать вооруженные силы, завязать отношения с шейхами аравийских племен, с Персией и Византией. В результате возникло то, что сейчас называют «духом хиджры». Следуя ему, современные мусульмане должны думать прежде всего о том, как своими руками и интеллектом, своим капиталом внести максимальный вклад в развитие стран исламского мира. Именно в этом состоит их долг как правоверных мусульман¹³.

Как пример реформаторского толкования догматов ислама представляют интерес суждения уже упоминавшегося З.Кришена о возможности исполнения женщинами обязанностей имама. Он констатирует прежде всего, что в посвященных пятничной молитве трех аятах 62-й суры Корана ничего не говорится о том, кто именно – мужчина или женщина – могут руководить молитвой, и что сам Мухаммед дал в свое время Умм

Вараке разрешение быть имамом в собственном доме пророка. Признавая, что ряд факихов отрицал в прошлом право женщин на руководство молитвой, З.Кришен одновременно напоминает, что другие, включая такого авторитета, как великий шейх Мухаммед ибн аль-Араби, считали, что женщины вправе быть имамами. Следовательно, единого мнения (иджмы) на сей счет среди богословов не существовало. Отсюда делается вывод, что женщина вправе руководить молитвой¹⁴.

Схожим образом строится и аргументация преподавательницы исламского университета Аз-Зейтуна И.аль-Гарби относительно того, что женщина не обязана носить чадру. Ссылаясь на 60-й аят 33 суры, она подчеркивает, что женщинам в присутствии посторонних мужчин предписывается лишь держать близко к себе часть верхнего покрывала, что в «золотой век» ислама многие женщины, включая внучку халифа Абу Бакра и дочь имама Хусейна ибн Али, не носили паранджу и что в современных условиях отказ от нее является важным элементом эмансипации женщин¹⁵.

В политической области реформаторское толкование ислама ориентирует мусульман на построение развитого, свободного и толерантного общества. «Мы, – подчеркивал в одном из своих выступлений президент Туниса З.А.бен Али, – подтверждаем нашу веру в достоинство человека, принципы свободы, демократии, справедливости и равенства, а также в ценности диалога, сотрудничества, толерантности и солидарности»¹⁶. Примечательно, что подобной точки зрения придерживается в Тунисе не только руководство страны, но и оппозиция. Арабские страны, отмечает член Национального совета Движения демократов-социалистов Дж.аль-Ахдар, должны «приобщиться к универсальным ценностям в том, что касается гражданского общества, демократии, прав человека»¹⁷.

Проведение подобной линии рассматривается как жизненно необходимое. Только общества, проповедующие свободу убеждений, осуществления религиозных обрядов и религиозных взглядов, становятся, указывает М.бу Снина, процветающими¹⁸. Еще дальше идет тунисский политолог Х.Бакуш, считающий, что «присоединиться к новой универсальной цивилизации, являющейся производной от западно-американской цивилизации, это – способ избежать маргинализации и идти по пути прогресса... И это не несовместимо с нашей приверженностью исламу»¹⁹.

В обоснование такой позиции также приводятся ссылки на исторические прецеденты. Так, в решениях проходившего в Тунисе под патронажем тунисского Министерства по религиозным делам и Организации Исламская конференция коллоквиума «Ислам и мир» отмечалось, что мусульманская культура является наследницей блестящих цивилизаций Месопотамии и Египта, утонченных культур Финикии и Карфагена, греко-римской цивилизации и ее приверженцы всегда отвергали гегемонизм и единообразие и исходили из того, что верующий должен следовать мудрости²⁰.

Вместе с тем призывы к восприятию универсальных ценностей сопровождаются существенной оговоркой: этот процесс не должен вести к утрате арабскими странами своей самобытности, в основе которой лежит их приверженность исламу и арабо-мусульманской культуре²¹. Реформаторы ставят перед собой, таким образом, двуединую задачу – с одной стороны, не позволить религии стать преградой на пути модернизации, а с другой – сохранить за нею охранительные функции в культурной сфере.

В политической области главный акцент делается реформаторами на совместимости норм ислама с демократией. При этом приводится следующая аргументация. Утверждения некоторых западных исследователей, что арабы не восприимчивы к либеральным идеям в силу их приверженности мусульманской религии, не соответствуют действительности²². Ислам всегда выступал против деспотизма, который неизбежно ведет к деградации политики, деградации экономики и, в конечном счете, деградации религии²³. Уже Омар бен аль-Хаттаб, один из четырех «праведных халифов», заявлял, что люди рождаются свободными²⁴, в то время как Коран однозначно предписывает следование принципу шуры (совещательности), что применительно к современным условиям подразумевает введение демократических институтов, проведение парламентских и президентских выборов. Правом быть избранным президентом обладают все граждане, включая женщин, поскольку в соответствии с нормами ислама женщины не могут становиться лишь халифами²⁵. Из мусульманской религии, утверждают реформаторы, вытекают и такие общепризнанные демократические принципы, как свобода личности и равенство всех людей перед законом²⁶.

Речь не идет, однако, о полном копировании западной демократической модели. В арабских странах ислам должен ос-

таваться государственной религией, а главой государства должен быть мусульманин. При этом он обязан выполнять вытекающие из ислама нормы «общественного договора» – следовать принципам совещательности, руководствоваться мудростью и справедливостью, исполнять божественные заповеди²⁷. Более того, демократические свободы должны создать благоприятные условия для процветания мусульманской религии, ее «внедрения в умы и сердца людей»²⁸.

Таким образом, речь идет о создании системы, ограничивающей право граждан быть избранными на высший пост в государстве их религиозной принадлежностью, отвечающей, кроме того, восточным традициям патернализма, в соответствии с которыми глава государства призван играть роль «отца нации». Более того, теоретически такая ситуация может вести к превращению ислама в конституцию, стоящую де-факто над конституцией государства (хотя на практике этого пока не происходит).

В сферу экономики реформаторы не вторгаются, полагая, что здесь должны применяться мирские, а не небесные законы. Исключение составляет лишь закят, но и тот – как об этом можно судить по высказываниям, в частности, муфтия Туниса К.Д.Джуэйты – рассматривается не как фактор экономической жизни, а как моральный долг²⁹, что ведет к фактическому приравниванию закята к садаке.

В области международных отношений реформаторы придают большое значение налаживанию диалога цивилизаций, культур и религий. Так на состоявшемся в Тунисе в феврале 2005 г. коллоквиуме, организованном североафриканскими исследовательскими центрами, одной из основных тем выступлений стала важность толерантности, признания права «другого» на иную точку зрения и соблюдения принципов плюрализма³⁰. В аналогичном духе высказывались и участники созданной в Триполи в феврале 2005 г. VII конференции Лиги Всемирный исламский призыв, отмечавшие, что диалог религий позволяет их адептам найти точки соприкосновения и выработать о них правильные представления³¹.

Идея межцивилизационных контактов прочно вошла во внешнеполитические концепции стран Магриба. Арабы, подчеркивал в своем выступлении на открытии XVI сессии Совета ЛАГ на высшем уровне З.А.бен Али, должны наладить сбалансированный и плодотворный диалог со всеми государствами на

базе взаимного уважения, плодотворного сотрудничества, сосуществования со всеми религиями, культурами и цивилизациями³². Более того, новый, более справедливый миропорядок видится тунисскому президенту не только как обеспечивающий безопасность, стабильность и мир, основывающийся не просто на взаимном уважении, возросших возможностях сотрудничества и солидарности между народами, но и на диалоге религий и культур³³. Именно такой диалог, предотвращающий столкновение цивилизаций, должен, считает З.А.бен Али, стать основой нового геополитического баланса³⁴.

Ссылками на межцивилизационное взаимодействие обосновывается и важность сближения стран Магриба с Европой. Союз Алжира и Франции, находящихся на юге и севере Средиземноморья, отмечает ректор Мусульманского института при парижской мечети алжирец Д.бу Бакер, «мог бы скрепить встречу Востока и Запада, к которой призывало столько мудрецов в течение стольких веков»³⁵.

В то же время приверженность идее диалога не означает отказа от усилий по распространению ислама. Более того, предполагается, что он, как отмечалось в решениях уже упоминавшейся VII конференции Всемирного Исламского призыва, должен создать благоприятные условия для знакомства с мусульманской культурой, обучения Корану и пропаганды ислама³⁶.

Реформаторы категорически не приемлют экстремизм и терроризм, рассматривая их как противоречащие нормам мусульманской религии. «Ислам, наша прекрасная религия, — подчеркивает З.А.бен Али, — наподобие всех других религий Откровения проповедует толерантность, справедливость, свободу, равенство, уважение другого и отвергает насилие, экстремизм и исключительность.»³⁷

Подобная позиция и в данном случае обосновывается ссылками на предписания Корана. Так, профессор Аз-Зейтуны М.ас-Сувейхи, напоминая о том, что ислам признает свободу вероисповедания («Нет принуждения в вере»³⁸), подчеркивает, что в Коране нет никаких указаний на то, что вероотступники должны нести наказание в этом мире. Напротив, в нем (сура 47, аяты 25, 27) акцентируется, что кара ждет их в загробном мире. Более того, напоминает М.ас-Сувейхи, в аяте 125 суры 16 однозначно указано, что Бог, а не люди, должен определять, кто является праведником, а кто — вероотступником. В связи со ссылками террористов на хадис, гласящий: «Кто поменяет рели-

гию, тех убивайте», он отмечает, что Коран — это слово Божие, в то время, как хадисы — тексты предположительные, основанные на признании их в свое время улемами. К тому же, указывает М.ас-Сувейхи, Мухаммед никогда не казнил вероотступников, хотя ренегатов было в то время немало³⁹.

Реформаторы не свободны от ностальгии по тем временам, когда Арабский халифат представлял собою великую державу, простирающуюся от Китая до Испании. Налицо и идеализация представлений о нем: халифат рассматривается как государство, в котором царил справедливость, было покончено с притеснениями, расцветала цивилизация. Вместе с тем — и в этом реформаторы коренным образом расходятся с возрожденцами — налицо четкое понимание, что возврат к той эпохе невозможен. Реально, подчеркивают они, речь может идти лишь о наращивании координации деятельности мусульманских государств на международной арене, для чего следует более широко использовать возможности ОИК и повысить ее эффективность⁴⁰.

Религиозный модернизм всегда являлся одной из составляющих официальной идеологии в Тунисе, в которой он сосуществует с социал-демократическими представлениями и с национализмом. Основы этой идеологии были заложены первым президентом страны Х.Бургибой, который — вопреки распространенному мнению — не был сторонником полной вестернизации Туниса. Он не отвергал ислам, не призывал порвать с ним, не считал, что мусульманская религия является причиной экономической отсталости. Но при этом Х.Бургиба выступал за реформирование ислама на основе нового прочтения Корана, что, по его мнению, должно было позволить мусульманам идти по пути прогресса. Его реформаторская деятельность затронула практически все сферы общественной жизни. Были упразднены шариатские суды и повсеместно введена система светского судопроизводства, ликвидированы вакуфы, в ведение Министерства образования переданы Аз-Зейтуна и другие религиозные учебные заведения. Коренным образом изменилось положение женщины — сразу же после получения Тунисом независимости была запрещена полигамия, законодательно установлен минимальный возраст вступления в брак, вопрос о разводе стал решаться через светский суд, причем мог быть поставлен по инициативе как мужа, так и жены, а решение, с кем должны остаться дети, также принимается в судебном по-

рядке. В 1957 году женщинам было предоставлено право избирать и быть избранными⁴¹. В своем стремлении реформировать ислам Х.Бургиба не остановился перед требованием отказаться от двух из пяти «столпов» этой религии. Он призвал не поститься в рамадан, поскольку это наносит ущерб производительности труда, и не совершать хадж, поскольку это ведет к вывозу из страны валюты, а ограничиться паломничеством в Кейруан к мечети Окбы ибн Нафии и гробнице сподвижника пророка Аль-Баляви Брадобрея. В обоснование проводимых им реформ Х.Бургиба ссылался, как правило, на соответствующие суры Корана либо на труды факихов. Одновременно он широко использовал иджитхад, подчеркивая свое право на него как верующего мусульманина. Такая линия президента была поддержана модернизаторски настроенной частью духовенства, принявшей ряд фетв, одобряющих реформы. Х.Бургибе удалось добиться изменения менталитета тунисцев, и в современном Тунисе его подход к исламу продолжает рассматриваться как образец, достойный подражания.

Ислам реформаторской направленности всегда был одной из составляющих официальной идеологии в Алжире, причем даже тогда, когда эта страна придерживалась социалистической ориентации. Более того, с течением времени концепция «алжирского социализма» приобретала все более заметную исламскую окраску. Если в принятой на съезде Фронта национального освобождения в 1964 г. Алжирской хартии провозглашалось, что социализм в Алжире не должен определяться арабо-мусульманскими традициями, а, напротив, ислам должен соответствовать социалистическому выбору страны, то в Национальной хартии, одобренной на референдуме в 1976 г., констатировалось, что «социализм в Алжире порожден не материалистической абстракцией и не связан с какой бы то ни было догматической концепцией... Ислам принес в мир возвышенную концепцию человеческого достоинства, которая осуждает расизм, шовинизм, эксплуатацию человека человеком»⁴². Реформаторское направление в исламе продолжает пользоваться в АНДР популярностью и в настоящее время. В качестве примера можно сослаться на идеологическую платформу буржуазной Партии алжирского обновления, выступающей за модернизацию общества на основе «современного прочтения ислама»⁴³.

Мусульманская религия с самого начала была идеологической базой революционного движения в Ливии. Вскоре после

прихода к власти Совет революционного командования (СРК) ЛАР выдвинул лозунг, что Сентябрьская революция – это также и исламская революция⁴⁴. Несколько позже председатель СРК М.Каддафи заявил, что в Ливии будет строиться «исламский социализм», основанный на догматах Корана, исходя из которых предполагалось не только сохранить частную собственность, но и поощрять деятельность национального капитала в целях ускорения экономического развития страны⁴⁵.

Мусульманская религия наряду с научным социализмом, анархизмом и арабским национализмом стала одним из источников и составных частей разработанной М.Каддафи в 70-х годах «третьей мировой теории», основные постулаты которой изложены в написанной им «Зеленой книге». Вместе с тем, поскольку эта теория претендует на универсальность, будучи призванной обеспечить решение проблем всего человечества, а не только мусульманских стран, прямых ссылок на ислам в «Зеленой книге» не содержится, хотя роль религии в жизни общества исследуется в ней достаточно подробно.

По мнению приверженцев «третьей мировой теории», двумя основными факторами, определяющими ход исторического процесса, являются национальный (он же социальный) и религиозный. М.Каддафи признает, что у каждой нации – своя религия, и считает такое положение дел естественным⁴⁶.

Религиозный фактор способен разъединить нацию, но он способен и сплотить различные нации в единое целое⁴⁷. Главное же – религия наряду с обычаем является источником естественных законов, которым человечество должно следовать, в том числе, в политике и экономике⁴⁸. Но при этом роль религии не абсолютизируется. Более того, религиозный фактор рассматривается как имеющий меньшее значение, чем фактор социально-национальный, который играет системообразующую роль⁴⁹.

Хотя, как явствует из «третьей мировой теории», речь идет о роли религии вообще, т.е. роли любого религиозного учения, М.Каддафи не скрывает, что ислам имеет неоспоримое преимущество перед другими конфессиями. Он убежден, что только Коран дает исчерпывающий ответ на вопросы о происхождении и будущем мира, человека и природы, границах истины, определении понятий «добро» и «зло», поведении индивида и т.д.⁵⁰ Но при этом Коран не является практическим наставлением, а представляет собою источник личной морали и об-

щих правовых принципов. «Третья мировая теория» исходит из его духа в том, что касается анализа и путей обустройства социальной жизни, но при этом дает ему новое толкование⁵¹.

В постулатах «третьей мировой теории» действительно прослеживается заметное, хотя и не афишируемое воздействие ислама. Это признает, впрочем, и сам М.Каддафи, заявивший в феврале 1978 г., т.е. вскоре после провозглашения в Ливии «власти народа», что джамахирийская система вытекает из 38 аята 42 суры, гласящего: «Вы должны держать совет друг с другом»⁵². В таком контексте система местных народных собраний, районных народных конференций и Всеобщего народного конгресса рассматривается как развитие исламского принципа участия общества в управлении. Обращает на себя внимание и то, что, хотя М.Каддафи, проводя мысль о недопустимости создания партий, не ссылается на постулаты мусульманской религии, его взгляды на этот счет совпадают с точкой зрения исламистов, в частности ливийских «Братьев-мусульман».

Влияние ислама прослеживается и в закреплённом в «Зеленой книге» принципе, что земля не является чьей-либо собственностью, хотя любой вправе использовать ее для обработки при своей жизни и жизни наследников⁵³. Это положение явно перекликается с исламским постулатом, гласящим, что земля является собственностью бога. Воздействие религиозных принципов просматривается также в запрете, введенном ливийским лидером на ростовщичество⁵⁴.

Достаточно сильные позиции ислам призван сохранять в Ливии в правовой сфере. В «Декларации об установлении власти народа» зафиксировано, что «Коран является основным законом общества» (т.е. заменяет собою конституцию)⁵⁵. Более того, ливийские законы должны, по мнению М.Каддафи, быть сформулированы на основе Корана, что предотвратит их «произвольное толкование различными шарлатанами»⁵⁶. Влияние ислама налицо, наконец, и в социально-бытовой сфере, что нашло отражение, в частности, в запрете на алкогольные напитки.

Все это не дает, однако, оснований для того, чтобы рассматривать взгляды М.Каддафи как носящие религиозно-политический характер. Положения ислама служат для руководителя ливийской революции не абсолютной истиной, которая должна быть осознана и разъяснена, а лишь своего

рода «отправной точкой» для обоснования и развития выдвигаемых им идей.

Признавая важность диалога цивилизаций и религий, сторонники «третьей мировой теории» полагают, что такой диалог может принести реальные результаты лишь в том случае, если будет осуществлена перестройка всей системы международных отношений. Такая перестройка должна носить не менее радикальный и всеобъемлющий характер, чем предлагаемое М.Каддафи коренное преобразование существующих экономических и политических систем. Она предполагает формирование нескольких крупных группировок государств, таких, как уже существующий Европейский союз, начавший образовываться Африканский союз, но также союз стран Южной Америки и т.п. Это – помимо всего прочего – позволит уменьшить количество государств, что облегчит достижение взаимопонимания между ними. Второй основополагающий элемент – реформа ООН, суть которой заключается не только в передаче Генеральной Ассамблеи полномочий Совета Безопасности, включая придание ее решениям обязательного характера, но и в превращении Генассамблеи во «всемирный парламент, в котором будут представлены различные цивилизации, ценности, общества, континенты и религиозные, идейные и политические взгляды» и обеспечено взаимопонимание и взаимодействие между ними⁵⁷.

Осуждая терроризм как противоречащий догматам не только ислама, но и других «религий откровения», приверженцы «третьей мировой теории» основной упор делают на необходимость ликвидации порождающих этот феномен причин⁵⁸. К ним они относят «несправедливость, гнет, высокомерие, чувство превосходства, унижение»⁵⁹. Покончить со всеми этими негативными явлениями и, следовательно, с терроризмом удастся, впрочем, по их мнению, только после претворения в жизнь постулатов «Зеленой книги».

Что касается джихада, то он рассматривается как законная, хотя и вынужденная мера, к которой прибегают для «отражения империалистической или сионистской агрессии» против мусульманских стран. Но при этом призыв к священной войне будет эффективен, только если он будет исходить от самого народа, а произойдет это опять же лишь тогда, когда в исламском мире будут повсеместно сформированы местные народные собрания и народные комитеты, как того требует

«третья мировая теория». Обращает на себя внимание, что при такой трактовке понимание «джихада» как священной войны против неверных отходит на задний план, уступая место толкованию этого термина как всенародного сопротивления агрессорам.

Если реформаторство уходит своими корнями в давнюю, возникшую вскоре после образования халифата практику адаптации политико-религиозных взглядов к меняющимся внешним условиям, а в своем современном виде восходит к воззрениям Дж.Д.аль-Афгани, А.Р.аль-Кавакиби, М.Абдо, то секуляристский подход к исламу привнесен в арабский мир из Европы, с Запада.

Секуляристы исходят из того, что неспособность противостоять вызовам современности объясняется сохраняющимся у арабов стремлением политизировать ислам и привносить религию в политику. Это ведет их к поиску выхода в прошлом, а не в будущем, к отказу от объективного анализа современности и от выработки адекватной стратегии⁶⁰. Более того, полагают приверженцы секуляристских взглядов, главная причина неудачи попыток реформаторов модернизировать арабский мир заключается в том, что те не осмеливаются пойти на отделение религии от государства⁶¹. Следовательно, делают вывод, к примеру, такие алжирские теоретики и политические деятели, как С.Саади, Р.Малек, Х.аш-Шариф, модернизация и Алжира, и арабского мира, их адаптация к требованиям современности станет возможной лишь при условии отделения религии от политики и в целом от власти⁶².

Особенностью исламского секуляризма является то, что свои взгляды его приверженцы обосновывают ссылками на примеры, почерпнутые из религии. Утверждается, в частности, что именно таких подходов придерживался-де Мухаммед, начавший в мединский период проводить четкую грань между властью религиозного деятеля и светского владыки⁶³. Таким образом, – как это не парадоксально на первый взгляд, – исламские рамки даже для секуляристов остаются наиболее естественными для выражения своих воззрений.

В своих взглядах приверженцы секуляризма исходят из того, что главный структурный элемент человечества – это нация, являющаяся единственной основой существования государств⁶⁴. Данный принцип носит универсальный характер и полностью применим к арабским странам, принадлеж-

ность которых к исламской умме определяющего значения не имеет. Вместе с тем понимание под «нацией» арабской нации с вытекающей из этого приверженностью панарабизму было свойственно лишь ливийцам, да и то только в 60–70-х годах. В остальных странах Магриба под «нацией» подразумевалась нация тунисская, алжирская, марокканская. Именно такое представление прочно укоренилось там в массовом сознании. Хотя налицо были чувства солидарности с народами ближневосточных стран, особенно в связи с арабо-израильским конфликтом, но эти народы рассматривались как «братские», ощущение принадлежности к одной с ними нации в Магрибе не прослеживалось. В начале же XXI в. в общественном сознании начало набирать силу стремление отгородиться от Ближнего Востока с его бесконечными, но при этом не затрагивающими напрямую североафриканские страны проблемами⁶⁵.

В конце XX – начале XXI в. именно в среде секуляристов получили наиболее широкое распространение представления о демократии как политической системе, способной объединить все религиозные, интеллектуальные и политические силы каждой страны и подчинить эти силы решению общенациональных задач⁶⁶. Хотя за образец здесь брался западный опыт, налицо было и понимание того, что форсированный перенос на арабскую почву американской или одной из западноевропейских политических моделей невозможен, что демократизация стран Магриба и Ближнего Востока должна осуществляться поэтапно с учетом их специфики, обусловленной, в том числе, приверженностью населения исламу.

Путь к политической либерализации лежит, по мнению секуляристов, через внедрение в общественное сознание и параллельно в политическую практику принципов плюрализма, через формирование в арабских, да и в других мусульманских странах гражданского общества. Демократическое государство видится им как государство, сохраняющее нейтралитет в отношении убеждений своих граждан и обеспечивающее их равноправие вне зависимости от национальной или религиозной принадлежности. Следование такой линии приведет к возникновению взаимопонимания между властью и обществом и обеспечит политическую стабильность. При этом подчеркивается, что реализация подобной схемы невозможна без отказа общества от господствующих в нем в настоящее время и унас-

ледованных от «эпохи подчинения» представлений и традиций, в т.ч. религиозных⁶⁷.

Отделение религии от государства заключается, по мнению секуляристов, прежде всего в ее отделении от политики. Это не означает, что религиозные деятели не могут участвовать в политической жизни, но они вправе это делать только в личном качестве, обязаны не руководствоваться в своей деятельности исключительно нормами ислама, а строго соблюдать конституцию и существующие законы. Отделение религии от государства невозможно без придания абсолютно светского характера законам о гражданском состоянии, особенно семейному кодексу, а также законам о наследовании. Это, однако, не означает, что гражданский брак не может сопровождаться браком, заключенным в соответствии с религиозными обрядами, или что завещание не может быть в соответствии с личной волей завещателя составлено на основе норм шариата. Мечети, церкви и синагоги продолжают функционировать, мусульманин остается мусульманином, христианин – христианином и иудей – иудеем⁶⁸. Более того, подчеркивается, что ислам должен играть важную, если не решающую роль в культурной сфере, способствуя сохранению национальной самобытности арабов, не позволяя им потерять в условиях глобализации свою идентичность. Таким образом, секуляризм, по мнению его приверженцев, означает не безбожие или отказ от веры, а лишь отдачу божьего – богу, а кесарева – главе государства.

Идеи секуляристов не получили в странах Магриба широкого распространения. Их приверженцами являются, в основном, вестернизированные представители интеллектуальной элиты и истеблишмента. Секуляристские взгляды нередко подвергаются острой критике. Секуляристов упрекают в чрезмерном и «однобоком» увлечении идеей демократизации, игнорировании социально-экономических проблем, невнимании к вопросам внешней политики, но также и в стремлении маргинализировать роль религии⁶⁹.

Обращает на себя внимание отсутствие четкой границы между взглядами секуляристов и реформаторов. Во многих случаях первые заявляют о том, что наряду с отделением религии от государства следует провести и реформацию ислама, вторые, говоря о необходимости адаптировать религию к современности, нередко требуют одновременно существенно ограничить ее роль в политической и социальной жизни.

Что касается политической практики, то здесь грань между секуляристами и реформаторами стирается в еще большей степени, поскольку реально действия последних направлены не на внедрение обновленного ислама в общественную жизнь, а на ограничение его роли. Так, выдвинутая в 1960 г. Х.Бургибой идея об отказе от поста в рамадан, хотя и обосновывалась тем, что при джихаде пост может не соблюдаться, а борьба за экономическое развитие Туниса является разновидностью джихада⁷⁰, представляла собой идею секуляристскую, хотя и упакованную в религиозную оболочку. В современном Тунисе, несмотря на все ссылки З.А.бен Али на ислам, в его политике не прослеживается какого-либо религиозного налета. В Алжире заметным шагом на пути секуляризации стал запрет на изучение шариата в средней школе, введенный, несмотря на то, что ст. 2 Конституции АНДР провозглашает ислам государственной религией⁷¹.

Если реформаторы выступают за адаптацию ислама к современности, то приверженцы другого пользующегося довольно широкой популярностью религиозно-политического течения – возрожденчества – видят решение в адаптации окружающего мира к требованиям мусульманской религии, в исламизации современности. Для возрожденцев характерна самоидентификация исключительно на религиозной основе, отличительной чертой их воззрений является исламоцентризм.

В силу целого ряда причин, анализ которых не входит в задачу данной статьи, возрожденческие взгляды получили достаточно широкое распространение в странах Магриба в 80–90-е годы. Наиболее восприимчивы к возрожденческой идеологии стали низшие и средние слои буржуазии и маргиналы, но также и часть интеллигенции – мелкие служащие, учителя, представители свободных профессий, т.е. люди, получившие высшее образование, обладающие политическим сознанием и способные играть роль лидеров.

Своими корнями воззрения возрожденцев восходят к основателю Ассоциации «Братья-мусульмане» Х.аль-Банне, ставшему основоположником фундаментализма как религиозно-политической доктрины, и к развившим затем его идеи С.Кутбу и А.А.Маудуди. Краеугольным камнем их взглядов является следующий хадис: «Лучшее из поколений – мое, затем – следующее, затем – следующее»⁷². С точки зрения возрожденцев, мусульманская религия – это драгоценность, первоначальный

блеск которой притушили последующие интерпретации, «инакомыслие» (под чем подразумеваются рационалистическая теология, философия, суфизм), разногласия между различными мазхабами, да и сам по себе ход истории⁷³.

Отсюда делается вывод о необходимости вернуться к подлинному, очищенному от последующих наслоений исламу и изменить окружающий мир в соответствии с его догматами. Интегристы, подчеркивалось в этой связи в одном из программных заявлений алжирской «Группы Хаттаба», ведут борьбу «не за возрождение чуждой демократии или завоевание мест в парламенте, а за верховенство слова Аллаха»⁷⁴. Добиться этой цели могут лишь «истинные мусульмане», убежденные, что бог – это цель, Мухаммед – руководитель, Коран – конституция, джихад – путь, а смерть во имя Аллаха – высшее стремление⁷⁵. В качестве мусульманина может, с их точки зрения, рассматриваться лишь тот, кто считает божественную волю в управлении делами личности и общества абсолютным императивом, кто признает – в соответствии с выработанной С.Кутбом формулой, – что «ислам – это всеобъемлющая система жизни», осознает неразрывность связи между божественным и мирским и служит богу каждое мгновение своей жизни⁷⁶. Тот, кто отрицает абсолютную божественную власть (аль-хакимийю), является язычником (мушриком). Что касается современного мира, то он представляет собою мир джахилийи. Он должен быть разрушен, и на его месте построен мир, живущий по божественным законам⁷⁷.

Взгляды возрожденцев на политику и экономику во многом повторяют идеи С.Кутба и А.А.Маудуди.

Интегристские группировки выступают за построение исламского государства в соответствии с догматами Корана и нормами шариата. Вместе с тем между ними существуют различия в том, что касается формы будущего государственного устройства. Так, алжирская Вооруженная исламская группа, ливийская и тунисская секции Партии исламского освобождения призывали к восстановлению халифата⁷⁸. Ливийская группировка «Интегристы» выступала за создание республики хомейнистского образца, алжирский Фронт исламского спасения, тунисская «Ан-Нахда», ливийская «Аль-Джамаа аль-исламийя» считали возможным согласиться на многопартийность, а Ливийская организация освобождения исходила из того, что исламское государство должно основываться на принципах «исламской демо-

кратии»⁷⁹. В Марокко «Аль-Адль ва-ль-ихсан» выступает за ликвидацию монархии и лишение короля статуса «повелителя правоверных», в то время как Партия справедливости и развития полагает возможным сохранить в исламском государстве короля и существующие монархические институты⁸⁰.

Концепция «исламской экономики» строится на взаимодействии трех секторов – государственного, кооперативного и частного. Основой социально-экономического строя должны стать «трудовая собственность» и мелкие и средние частные предприятия. Предполагается ввести запрет на ссудный процент. Социальная справедливость должна обеспечиваться за счет сбора и распределения государством закята, а также ограничения потребностей. В целом речь идет, таким образом, о системе, допускающей существование мелкой и средней буржуазии, но препятствующей образованию крупного капитала.

В области внешней политики возрожденцы выступают, как правило, с панисламских позиций и за всемирное торжество «дар аль-ислама», выдвигая свою собственную глобальную концепцию, которую они противопоставляют западному глобализму. Первоочередной же задачей считается борьба за освобождение Палестины и ликвидацию западного влияния в арабском мире.

Из представления возрожденцев об идеальном обществе как обществе, власть в котором принадлежит богу, чью волю исполняли Мухаммед, а затем праведные халифы, вытекает требование безусловного подчинения «истинных мусульман» воле руководителей интегристских организаций. «Эмир, – подчеркивается в программных документах алжирской ВИГ, – отец для всех нас. Пойдем за ним с закрытыми глазами.»⁸¹

Возрожденцы исходят из того, что лишь «подлинные мусульмане», готовые бороться с язычеством и инакомыслием, образуют умму. Они должны пойти на разрыв (мафсала) с современным святотатственным обществом. За разрывом должен последовать уход от общества (хиджра) – не обязательно физический, но хотя бы моральный. После этого приверженцы «истинного ислама» считаются готовыми к высшей стадии – борьбе (джихаду) против тиранической власти. При этом в качестве тиранов (тугат) рассматриваются не только деспоты, а вообще все, кто отказывается следовать принципам хакимийи⁸².

Ставка возроденцев на джихад логически вытекает из их взглядов, поскольку подгонка действительности под теоретические построения возможна лишь насильственным путем. «Война, – провозглашает ВИГ, – ничего, кроме войны, вплоть до полного уничтожения предателей, безбожников, франк-массонов и лакеев.»⁸³

Подавляющее большинство интегристских организаций отводит важное место террору как средству дестабилизации внутривполитической обстановки, распространения среди населения недоверия к правительству, создания условий для его свержения и прихода фундаменталистов к власти. Для вербовки террористов, включая смертников, они играют на религиозных убеждениях верующих. Акцент делается на бескомпромиссности заповедей божьих, касающихся борьбы с неверными, а также на использовании со ссылкой на коранические постулаты такого сильного в глазах верующих аргумента, как утверждение, что погибшие во имя бога сразу же, не дожидаясь судного дня, попадут в рай и предстанут пред ликом божьим⁸⁴.

Ставка на терроризм особенно характерна для алжирских интегристских группировок, особенно ВИГ, рассматривающих теракты как важнейшую составляющую джихада наряду с вооруженной борьбой против армии и сил безопасности и карательными экспедициями против «неверных»⁸⁵. В Марокко сторонниками террористических методов являются «Салафийя джихадийя» и Марокканская сражающаяся исламская группа⁸⁶. Вместе с тем некоторые фундаменталистские организации не считают терроризм главным средством борьбы за власть. Так, по мнению руководства Национального фронта спасения Ливии, ведущую роль в котором играют «Братья–мусульмане», теракты и саботаж должны подготовить почву для выступления армии, сопровождающегося вторжением подготовленных за рубежом отрядов боевиков⁸⁷. «Любые перемены, – подчеркивал руководитель НФСЛ М.Могарев, – могут исходить только от армии. Внешняя оппозиция не способна вмешаться без поддержки вооруженных сил»⁸⁸. По мнению же руководителя туниской «Ан-Нахды» Р.Ганнуши, основное внимание следует уделять политической борьбе. Для этого исламисты должны активно участвовать в общественной жизни. В отличие от С.Кутба, полагавшего, что ставку следует делать на небольшие по численности, но хорошо подготовленные и законспирированные группы фундаменталистов,

Р.Ганнуши считает главным мобилизацию масс путем развертывания интенсивной пропагандистской работы среди населения и организацию массовых выступлений против правящего режима (демонстрации, кампании гражданского неповиновения и т.п.). Не исключается и возможность прихода к власти в результате выборов, в т.ч. в блоке с неисламистскими политическими партиями. Применение насилия, по его мнению, возможно лишь в качестве ответа на репрессии со стороны властей. Однако масштабы такого ответа должны быть тщательно выверены с тем, чтобы не дать обладающему подавляющим превосходством в силах госаппарату повода расправиться с исламистами⁸⁹. Что касается ПИО, то ее сторонники вообще не считают террор эффективным средством борьбы. Их тактика состоит в проникновении в армию с целью подготовки государственного переворота⁹⁰.

Не все интегристские организации выступают с экстремистских позиций. Так, алжирские «Ан-Нахда» и Движение общества за мир (ХАМАС) считают, что следует ограничиться борьбой за места в парламенте и разъяснительно-идеологической работой среди населения, добиваясь поэтапного строительства в Алжире исламской республики⁹¹.

В целом концепции фундаменталистов представляют собою эгалитаристскую утопию, реализация которой позволит построить общество всеобщего братства, равенства и социальной справедливости, обеспечивающее защиту ислама и сохранение национально-культурной самобытности. Вместе с тем их концепция предусматривает создание тоталитарной политической системы. Использование обвинений в неверии, вероотступничестве, ереси открывает в исламском государстве путь к установлению властями абсолютного контроля не только над жизнью, но и над мыслями людей. Впрочем, в глазах возроденцев подобная схема не выглядит пугающей. Она во многом вписывается в рамки политических традиций в странах Магриба, в течение столетий живших под являвшейся абсолютной властью беев, деев, пашей, султанов. Свою роль играет и то, что гражданское общество в этих странах еще только формируется и принципы демократии, политического плюрализма, свободы мнений и соблюдения прав человека начали лишь совсем недавно укореняться в общественном сознании, да и то главным образом среди образованной части населения.

Части мелкой буржуазии, учителей, преподавателей, низших и средних чиновников, технической интеллигенции свойственна склонность к традиционализму. С их точки зрения, не надо ни реформировать ислам, ни пытаться возродить его в первозданном виде, а следует оставить все, как есть. Для традиционалистов мусульманская религия играет охранительную роль, а нередко является и средством ухода от действительности.

Сохранению традиционалистских взглядов способствуют быстрые изменения в окружающем мире, к которым люди не всегда успевают адаптироваться, связанные с этими изменениями новые, зачастую неожиданные требования, предъявляемые к их профессиональной деятельности, сложности приспособления мелкой буржуазии к «правилам игры», навязываемым бизнесу постиндустриальным этапом развития общества. Немаловажное значение имеет массированное вторжение западной культуры – точнее субкультуры, ведущее к изменению привычной среды существования и к вестернизации нравов. Стремление искать убежище в традиционном, привычном исламе порождается и сохраняющейся в ряде стран Магриба политической нестабильностью и угрозой терактов. Свою роль играет также обстановка в регионе – израильско-палестинский конфликт, оккупация Ирака, давление США на Сирию, воспринимаемые как «заговор против арабизма и ислама»⁹², противостоять которому обыватель, однако, не может.

В отличие от части реформаторов и возрожденцев, склонных минимизировать либо даже вообще отрицать значимость сунны, традиционалисты придают ей весьма большое значение. Для них сунна – единственный путь, ведущий к исполнению заветов бога. Следование ей является абсолютным долгом каждого мусульманина. Недаром, подчеркивают они, сподвижники Мухаммеда были убеждены, что, совершая тот или иной поступок или вынося какое-либо суждение, пророк выполняет волю Аллаха. Сунна для традиционалистов – всеобъемлющая программа практических действий, с которыми она соединена столь же неразрывно, как дух соединен с телом. Они рассматривают сунну как каркас здания ислама, который без нее превратится в картонный домик. Она, акцентируют традиционалисты, является вторым после Корана источником шариата и норм социального и личного поведения. Более того, сунна, по их мнению, «представляет единствен-

ный достоверный комментарий к Корану, позволяющий правильно следовать его предписаниям. Она – ключ, открывающий дверь в мир ислама»⁹³.

Значение, придаваемое сунне традиционалистами, объясняется, с одной стороны, стремлением избежать инноваций, сохранить в неприкосновенности эту важнейшую основу ортодоксального ислама, а с другой, – более подробной разработкой в ней, чем в Коране, правил поведения индивида в повседневной жизни.

Выступая защитниками ортодоксального ислама, традиционалисты пытаются противиться процессам модернизации. В частности, они предостерегают от эмансипации женщин, полагая, что эта идея продвигается американской администрацией, «которая хочет превратить арабских женщин в свою «пятую колонну», способствующую распространению «демократии железа и огня»⁹⁴. Тем не менее особой политической активности традиционалисты не проявляют, ограничиваясь изложением своей точки зрения в средствах массовой информации. Главным для них является следование нормам ислама в быту. Так, по наблюдениям туниского профессора И.аль-Гарби, традиционалисты хотели бы вернуться к ношению женщинами чадры⁹⁵.

Охранительная роль отводится ортодоксальному исламу в идеологии официального Марокко. Акцент в ней делается на том, что после освобождения страны из-под власти аббасидских халифов в X в. и воцарения династии Альморавидов власти Марокко получили титул «повелителя правоверных», который затем перешел к Саадитам и к Алавитам⁹⁶. Подчеркивается, что если в период французского протектората марокканский народ не был, несмотря на все усилия колониальной администрации, доведен до «материалистического единообразия», то это произошло благодаря «его верности, его моральному и духовному внутреннему богатству, хранителями которого выступали алавитские монархи»⁹⁷. Особая роль короля была закреплена в принятой в 1972 г. Конституции, ст.19 которой гласит: «Король, Повелитель правоверных, Высший представитель нации, Символ ее единства, Гарант непрерывающегося характера и преемственности государства, следит за уважением Ислама и Конституции»⁹⁸.

Ссылками на религию король Хасан II обосновывал в свое время выбор им для своей страны особого, третьего пути раз-

вития, подчеркивая, что «наша философия вытекает из Корана, поскольку Всемогущий Господь сказал: «Итак, Мы хотели, чтобы вы были нацией справедливой середины». Мы абсолютно не хотим ни социализма, знаменующего нищету, ни доведенного до крайности капитализма. Мы хотим построить общество, где каждому будет предоставлен шанс увеличить свое благосостояние»⁹⁹.

В марокканской политической традиции сохраняется следование уходящему своими корнями в средневековые принципы «священной присяги» подданных королю¹⁰⁰. В своей политической практике король Мухаммед V, а затем Хасан II следовали не столько современным нормам, сколько традиции «шуры», консультируясь с политическими партиями и неправительственными организациями, но не считая для себя обязательным учитывать высказываемое ими мнение.

Положение, правда, несколько изменилось после прихода к власти короля Мухаммеда VI, избравшего путь политической либерализации и постепенного внедрения в общественную жизнь демократических норм. Тем не менее династия Алавитов продолжает оставаться в глазах многих марокканцев мирским и религиозным символом одновременно.

* * *

Таким образом, в Магрибе в настоящее время преобладает ислам реформаторского толка, которого придерживается большинство политической и интеллектуальной элиты, значительная часть населения в целом. Возрожденчество, хотя и имеет достаточно широкое распространение, все же остается идеологией меньшинства, правда, меньшинства не столь уж незначительного и к тому же политически весьма активного. Тем не менее, если говорить о перспективе, то возрожденческая идеология, ориентированная на прошлое, а не на будущее, вряд ли сможет бесконечно сохранять свое влияние. В этом плане более перспективным представляется реформаторский, адаптированный к современности ислам. Не исключено также упрочение в последующем позиций секуляризма.

Вместе с тем темпы вытеснения экстремистского ислама исламом умеренным будут зависеть от темпов модернизации стран Магриба и искоренения внутренних и внешних причин, способствующих распространению воинственных возрожденческих трактовок мусульманской религии.

¹ Le Monde, 08.04.2005.

² См.: Коран, 1–6; 10–20; 20–76; 33–48; 58–12.

³ См.: Dhaouadi M. Toward Islamic Sociology of Cultural Symbols. Kuala Lumpur, 1996, с. 1, 27, 38, 132, 168, 210.

⁴ См.: Манарат аль-хадара аль-арабийя. Тунис-Триполи, 2004, с. 161, 175.

⁵ Аль-Вифак аль-араби, 2003, № 12, с. 48.

⁶ Réalité, 31.03–06.04.2005, с. 13.

⁷ Аль-Вифак аль-араби, 2003, № 12, с. 48.

⁸ М.бу Снина. Мадарат. Тунис, б./г., с. 48, 51.

⁹ М.бу Снина. Мадарат. Тунис, б./г., с. 49; Аль-Муляхиз, 25.05.2005, с. 19.

¹⁰ Réalités, 24–30.06.2004, с. 14.

¹¹ М.бу Снина. Мадарат, с. 50.

¹² Аль-Араб, 15.02.2005.

¹³ Ас-Сабах, 20.02.2004.

¹⁴ Réalités, 13.03.–06.04.2005, с. 12–13.

¹⁵ Аль-Муляхиз, 23.02.2005, с. 22–23.

¹⁶ Discours du Président Zine El Abidine Ben Ali Président de la République Tunisienne à l'ouverture de la 16ème session ordinaire du Sommet Arabe: Tunis, le 22 mai 2004. Tunis, 2004, с. 6.

¹⁷ Le Quotidien, 13.05.2004.

¹⁸ М.бу Снина. Мадарат, с. 44.

¹⁹ Dialogue des civilisations et solidarité internationale: Association des Parlementaires Tunisiens: Tunis, 25 et 26 septembre 2002. Tunis, 2002, с. 74–75.

²⁰ Conférence internationale L'Islam et la paix: Tunis, 15–17 avril 2003. Tunis, 2003, с. 7.

²¹ См., напр.: Discours du Président Zine El Abidine Ben Ali Président de la République Tunisienne à l'ouverture de la 16ème session ordinaire du Sommet Arabe..., с. 6.

²² См. Аль-Араб, 05.04.2005.

²³ Там же, 09.02.2005.

²⁴ Там же, 12.04.2005.

²⁵ Réalités, 31.03–06.04.2005, с. 14.

²⁶ Аль-Араб, 12.04.2005.

²⁷ Аль-Араб, 09.02.2005, 15.02.2005.

²⁸ Там же, 09.02.2005.

²⁹ Ас-Сабах, 02.02.2004.

³⁰ Аль-Вифак аль-араби, 2005, № 3, с. 53.

³¹ Аль-Араб, 15.02.2005.

- ³² Discours du Président Zine El Abidine Ben Ali Président de la République Tunisienne à l'ouverture de la 16ème session ordinaire du Sommet Arabe..., с. 7.
- ³³ Réalités, 03–09.03.2005, с. 10.
- ³⁴ Conférence internationale L'Islam et la paix..., с. 3.
- ³⁵ Boubakeur D. Les Défis de l'Islam. P., 2003, с. 173–174.
- ³⁶ Аль-Араб, 15.02.2005.
- ³⁷ Discours du Président Zine El Abidine Ben Ali Président de la République Tunisienne à l'ouverture de la 16ème session ordinaire du Sommet Arabe..., с. 4.
- ³⁸ Коран, 2–256.
- ³⁹ Аль-Муляхиз, 15–21.09.2004, с. 14.
- ⁴⁰ Аль-Араб, 11–12.02.2005.
- ⁴¹ Réalités, 22–28.03.2001, с. 13.
- ⁴² См.: Миронова Е.И. Алжир: Смена приоритетов развития. М., 2004, с. 9; Сапронова М.А. Политика и конституционный процесс в Алжире (1989–1999). М., 1999, с. 15–16.
- ⁴³ См.: Сапронова М.А. Политика и конституционный процесс в Алжире..., с. 100.
- ⁴⁴ Mattes H. Qaddafi und die islamistische opposition in Libyen: Zum Vorlauf eines Konflikts. Hamburg, 1995, с. 10.
- ⁴⁵ Рясов А.В. Современная Ливия: Географический и исторический очерк. М., 2001, с. 31.
- ⁴⁶ Аль-Каддафи М. Аль-Китаб аль-ахдар. Триполи, 1999, с. 121.
- ⁴⁷ Шарфан Р., Финих-Занс Ж. Аль-Гарб ва-з-захира аль-Каддафий! Дираса хауля аль-машруа ас-саури аль-либи: Аль-Муаледжа аль-гарбийя. Триполи, 1990, с. 123.
- ⁴⁸ Надва Манила хауля мафхум ад-димукратия фи Аль-Китаб аль-ахдар: Себтембер 1988. Триполи, 1990, с. 187, 266.
- ⁴⁹ Шарфан Р., Финих-Занс Ж. Аль-Гарб ва-з-захира аль-каддафий..., с. 116.
- ⁵⁰ Там же, с. 131.
- ⁵¹ Third World Quarterly, 1984, v. VI, № 1, с. 70–71.
- ⁵² Mattes H. Qaddafi und die islamistische opposition in Libyen..., с. 14.
- ⁵³ Аль-Каддафи М. Аль-Китаб аль-ахдар, с. 92.
- ⁵⁴ Mattes H. Qaddafi and die islamistische opposition in Libyen..., с. 19.
- ⁵⁵ См.: Рясов А.В. Современная Ливия..., с. 43.
- ⁵⁶ Егорин А.З. Ливийская революция. М., 1989, с. 83.
- ⁵⁷ Там же, 04.04.2005.

- ⁵⁸ Аль-Араб, 04–05.03.2005.
- ⁵⁹ Там же, 04.04.2005.
- ⁶⁰ Аль-Муляхиз, 30.03.2005., с. 5.
- ⁶¹ Аль-Вифак аль-араби, 2003, № 12, с. 48.
- ⁶² Аль-Араб, 24.05.2005.
- ⁶³ См.: Аль-Вифак аль-араби, 2003, № 12, с. 48.
- ⁶⁴ См.: Lewis B. Le retour de l'Islam. P., 2001, с. 393.
- ⁶⁵ По материалам, собранным на месте.
- ⁶⁶ Аль-Вифак аль-араби, 2003, № 12, с. 16.
- ⁶⁷ Аль-Араб, 30.03.2005.
- ⁶⁸ Аль-Араб, 17.05.2005.
- ⁶⁹ Там же, 04.05.2005.
- ⁷⁰ См.: Lewis B. Le retour de l'Islam, с. 473–474.
- ⁷¹ Аль-Араб, 24.05.2005.
- ⁷² См.: Réalités, 24–30.06.2004, с. 14.
- ⁷³ Ibidem.
- ⁷⁴ Миронова Е.И. Алжир: Смена приоритетов развития. М., 2004, с. 61.
- ⁷⁵ См.: Абдулатипов Р.Г. Судьба ислама в России. М., 2002, с. 88.
- ⁷⁶ Réalités, 24–30.06.2004, с. 15.
- ⁷⁷ Там же.
- ⁷⁸ Mattes H. Qaddafi und die islamistische Opposition in Libyen..., с. 19, 20; Political Encyclopedia of the Middle East. Jerusalem, 1999, с. 374; The Middle East and North Africa: 2006. L. – N.Y., 2006, с. 122–123, 183–184.
- ⁷⁹ Егорин А.З. Современная Ливия. М., 1996, с. 200–201, 203; Mattes H. Qaddafi und die islamistische Opposition in Libyen..., с. 24; The Middle East and North Africa: 2006, с. 184.
- ⁸⁰ Jeune Afrique / L'Intelligent, 06–12.02.2005, с. 51.
- ⁸¹ Миронова Е.И. Алжир: Смена приоритетов развития, с. 63.
- ⁸² Réalités, 24–30.06.2004, с. 15–16.
- ⁸³ Миронова Е.И. Алжир: Смена приоритетов развития, с. 63.
- ⁸⁴ См.: Коран, 3–169.
- ⁸⁵ The Middle East and North Africa: 2006, с. 183–184.
- ⁸⁶ Ibid., с. 123, 817.
- ⁸⁷ Егорин А.З. Современная Ливия, с. 203; Mattes H. Qaddafi und die islamistische Opposition in Libyen..., с. 24.
- ⁸⁸ Егорин А.З. Современная Ливия. с.203.
- ⁸⁹ Political Encyclopedia of the Middle East, с. 371; The Middle East and North Africa: 2006, с. 122–123.

⁹⁰ Mattes H. Qaddafi und die islamistische Opposition in Libyen..., с. 21.

⁹¹ Миронова М.А. Политика и конституционный процесс в Алжире, с. 102.

⁹² Аль-Араб, 24.02.2006.

⁹³ Там же.

⁹⁴ Аль-Вифак аль-араби, 2003, № 12, с. 16.

⁹⁵ Аль-Муляхиз, 23.02.2005, с. 23.

⁹⁶ Аль-Вифак аль-араби, 2005, № 4, с. 14.

⁹⁷ Hassan II. Le défi. P., 1976, с. 12, 18.

⁹⁸ Ibid., с. 260.

⁹⁹ Ibid., с. 117.

¹⁰⁰ См.: Аль-Вифак аль-араби, 2005, № 4, с. 14.

И.В.Гордеев

ФАКТОРЫ, ОПРЕДЕЛЯЮЩИЕ НЕФТЯНУЮ ПОЛИТИКУ СТРАН БЛИЖНЕГО, СРЕДНЕГО ВОСТОКА И СЕВЕРНОЙ АФРИКИ

Производители нефти и газа, входящие в регион Большого Ближнего Востока, образуют многочисленную группу, насчитывающую в начале XXI в. до полутора десятков стран. Еще относительно недавно – в 70–80-е годы прошлого века на долю государств региона приходилось порядка 1/2 всех мировых запасов, 1/3 мировой добычи и до 1/2 – 3/5 всего мирового экспорта нефти. Отдельные из этих показателей за последние десятилетия заметно выросли (см. Приложение, табл. 1).

Удельный вес государств региона в объеме доказанных мировых запасов «голубого топлива» заметно увеличился за последние три десятилетия, когда быстро повысилось значение газа как важного источника энергии и тепла, а также сырья для динамично развивающейся химической промышленности. Ныне эти государства обладают почти половиной доказанных мировых запасов газа. Причем динамичный рост доли стран региона на перспективу, вероятно, сохранит свое значение: ряд крупных продуцентов жидких углеводородов, таких, в частности, как Саудовская Аравия, Ирак, Ливия и некоторые другие, лишь относительно недавно приступили к масштабной оценке и освоению своего газового потенциала (см. Приложение, табл. 2).

Обладание столь внушительными запасами углеводородов, рост доли в мировых запасах к началу XXI в., сохранение в основном лидирующих позиций в поставках энергоносителей на международный рынок во многом предопределили важнейшие тенденции в нефтегазовой политике стран-экспортеров нефти и газа Ближнего, Среднего Востока и Северной Африки. При всех страновых особенностях и изменениях под влиянием различных факторов конъюнктурного и фундаментального значения на эту политику для последних трех десятилетий были характерны, во-первых, наращивание суммарных объемов до-

бычи (призванной удовлетворить растущий спрос на мировом рынке и собственной экономики, получить необходимые доходы) и, во-вторых, постоянная борьба на нем за приемлемые цены предложения энергоносителей.

Несомненно, на векторы государственной политики в нефтегазовой сфере в этот период оказывали влияние общее состояние мирового хозяйства, основные тенденции его развития, а также весь комплекс международных отношений и связей, прежде всего в регионе Ближнего Востока и Северной Африки и сопредельных с ним районах мира.

Тенденции, господствовавшие в мировом хозяйстве и отразившиеся на нефтяной политике стран-экспортеров на протяжении последнего полувека, характеризовались следующими основными чертами:

- отсутствием устойчивого объема спроса на углеводороды, его перепадами в кратко – среднесрочной перспективе в сочетании с его ростом в долгосрочной перспективе;

- ростом адаптивной способности мирового хозяйства, в особенности с середины 70-х годов, к изменчивой ситуации на рынке углеводородов при сохранении уязвимости мировой экономики от «форс-мажорных» спекулятивных колебаний, вызванных резким ухудшением международного климата в регионе (кризисы 1973 и 2003 гг.);

- устойчиво сильными стимулами, формируемыми мировым хозяйством, к расширению географии добычи энергоносителей, ее производственных мощностей, увеличению емкостей нефтехранилищ и в целом сооружению соответствующей инфраструктуры, диверсификации рыночных инструментов и механизмов, поддерживающих стабильность рынка продавцов углеводородов;

- борьбой тенденций, с одной стороны, к снижению роли ближневосточной нефти на мировом рынке, с другой, к сохранению ее доминирующего положения даже при вступлении на него новых стран-экспортеров.

На сегодняшний день положение стран региона как обладателей львиной доли мировых запасов углеводородов и крупнейших мировых производителей нефти не претерпело качественных изменений. Однако в результате политики основных мировых потребителей углеводородов – промышленно развитых стран, направленной после «революции цен» 1973–74 гг. на ослабление зависимости от ближневосточной нефти, произошли глубокие изменения на мировом рынке углеводородов: ры-

нок производителей уступил место рынку потребителей. Уже в 80-е годы цены на мировом рынке начали определять не столько экспортеры нефти, сколько ее покупатели. Последним удалось разработать и реализовать широкомасштабные программы экономии энергоресурсов, организовать использование альтернативных источников энергии, значительно расширить географию разведки и добычи нефти, и, наконец, резко увеличить добычу и использование газа в качестве топлива и сырья для нефтехимии. Влияние результатов такой политики сохраняется свое значение и в начале текущего столетия.

В результате доля стран региона в мировом энергобалансе несколько снизилась – их потеснили другие производители и экспортеры жидких и газообразных углеводородов – страны Африки, прежде всего Нигерия, а также Россия, Великобритания, Норвегия и некоторые другие.

Наряду с заметным ослаблением позиций на мировом рынке нефти, принятыми странами-потребителями нефти и газа программами и мерами, направленными на экономию энергоносителей и более активное вовлечение альтернативных источников энергии в хозяйственный оборот, на политику производителей в нефтегазовой сфере влияет в сильной степени меняющаяся в них социально-экономическая ситуация: быстрый демографический рост, неустойчивая динамика экономического развития и т.д.

Так, замедленное преодоление однобокой структуры национальных экономик вынуждает даже наиболее крупных производителей в регионе поддерживать высокий уровень добычи углеводородов. Это, в свою очередь, стимулирует сохранение тенденции к наращиванию усилий на разведку новых месторождений с тем, чтобы не утратить позиции владельца крупных мирового значения запасов, с одной стороны, и не поставить под угрозу быстрого истощения находящиеся в эксплуатации месторождения (как отмечают эксперты, эти меры в прошлом не всегда были эффективны). В период низких мировых цен на энергоносители, главным образом в 80–90-е годы, такая угроза носила вполне реальный характер, особенно в отдельных странах Северной Африки (Тунисе, Ливии, Египте). Она вполне актуальна и для ряда нефтеэкспортеров, которые появились на мировом рынке нефти относительно недавно, например, для Йемена и Сирии.

Именно поэтому такие направления в нефтяной политике рассматриваемых государств, как стимулирование диверсификации национальных экономик с помощью инвестирования зна-

чительной части получаемых доходов от экспорта энергоносителей в новые отрасли, а также наращивание усилий по развитию нефтегазового комплекса, строительству новых и модернизации имеющихся мощностей по более глубокой переработке добываемого углеводородного сырья все более актуализируются, а для некоторых из них являются приоритетными.

Сильно сказываются на государственной политике в нефтегазовой сфере кризисные явления в национальных экономиках, особенно заметные в странах с невысоким уровнем подушевого дохода, а таких в регионе – большинство.

Некоторому ослаблению роли экспортеров нефти и газа из числа стран Ближнего, Среднего Востока и Северной Африки противостоит другая группа факторов, также связанная с изменениями в мировой экономике и процессами глобализации, но оказывающая иное, нежели выше отмеченное, воздействие на нефтегазовую политику производителей региона.

Оно выразилось в том, что динамика объема потребления нефти в мире в целом за рассматриваемый период характеризуется ее ростом. Прогноз на длительную перспективу свидетельствует о сохранении такого роста. Здесь в основе лежат факторы фундаментального характера. Хотя у главных потребителей углеводородов – промышленно развитых стран – США, стран-членов ЕС, Японии и других сильно желание сдерживать и даже сократить удельные показатели потребления «традиционных» энергоносителей, в конце XX – начале XXI в. наблюдается быстрое увеличение потребления нефти и газа в Китае, Индии, которое поддерживает динамику мирового потребления (см. Приложение, табл. 3).

Среди факторов фундаментального характера особое место принадлежит мировым ценам на углеводороды. Их динамика представлена данными, содержащимися в таблице 4 Приложения.

Данные таблицы указывают на ряд обстоятельств, которые следует принимать во внимание при оценке влияния мирохозяйственных факторов на политику стран-производителей углеводородов Ближнего, Среднего Востока и Северной Африки, в частности, в отношении государственных и негосударственных нефтегазовых компаний. Во-первых, здесь отмечается исключительно большая амплитуда колебания цен: она составила почти трехкратную величину (от 12–14 долл. за барр. в 1998 г. до 39–42 долл. в 2005 г.). Во-вторых, значительную неустойчи-

вость мировых цен – лишь в 1997 и 2002 гг. цены оставались на уровне предыдущего года, в остальные годы они существенно менялись – росли либо падали на 20–30%, а в отдельные годы – на 40% и более. В третьих, начиная с конца XX в. по 2006 г. устанавливается относительно устойчивая тенденция роста цен, которые в 2005 г. достигли рекордного уровня.

Столь ощутимые колебания мировой конъюнктуры на протяжении длительного периода при относительной устойчивости цен в отдельные годы позволяют прийти к ряду важных выводов. Нефтяная политика рассматриваемых стран претерпевала определенные изменения как под влиянием динамики цен, так и некоторой стабилизации конъюнктуры. Порой она демонстрировала относительную устойчивость и невосприимчивость к колебаниям цен. Изменение цен напрямую влияло на доходы, извлекаемые производителями в нефтегазовой сфере. Их стагнация или падение, как это имело место почти на всем протяжении 80–90-х годов (исключение составили начало и окончание этого периода), происходили на фоне усиления либеральной тенденции в государственной политике, важной составной частью которой являлось активное привлечение иностранного капитала в нефтегазовый сектор, а также снятие в отдельных странах региона некоторых ограничений на деятельность частного местного капитала в ряде сегментов нефтегазового хозяйства. Участие местного капитала в отрасли существенно улучшает инвестиционный имидж страны-производителя, а это, в свою очередь, делает ее более привлекательной для расширения инвестиций со стороны иностранных нефтегазовых компаний.

В таком развитии заинтересованы все страны-производители нефти и газа, но в особенности такие, которые обладают относительно ограниченными запасами разведанных месторождений углеводородов или испытывают острый дефицит внутренних ресурсов, финансовых средств. К их числу следует отнести прежде всего Алжир, Египет, а также группу так называемых малых стран-экспортеров углеводородов – Сирию, Йемен и некоторые другие.

Впрочем, в рассматриваемый период на их фоне были менее очевидны стимулы для привлечения местного капитала в нефтегазовый сектор в малых и небольших по численности населения наиболее крупных экспортерах углеводородов – в Кувейте, Объединенных Арабских Эмиратах, Катаре, Бахрейне. Относительно крупные поступления от экспорта углеводоро-

дов, которые эти страны получали даже при низких ценах на энергоносители, позволяли им финансировать программы развития, пусть и в урезанном виде, и обеспечивать более или менее высокий уровень личных доходов граждан.

Что касается «нефтяного гиганта» – Саудовской Аравии, то в этом плане ситуация здесь была ближе к первой группе, нежели к малым странам.

Похожа по ситуации в КСА картина и в Иране – самом крупном по численности населения государстве региона, которое наиболее уязвимо из-за падения цен на энергоносители. Показательно, что даже при фундаменталистских исламских режимах здесь в последний период также появились первые признаки либерализации в нефтегазовой отрасли, допуска частного капитала в некоторые ее сегменты, связанные главным образом с переработкой углеводородного сырья и сбытом для хозяйственных бытовых нужд.

Ряд приведенных выше оценок, в основе которых лежит динамика цен на нефть на мировых рынках, подтверждает и динамика цен на газ (см. Приложение, табл. 5).

Вряд ли, однако, в ближайшей перспективе следует ожидать быстрых изменений в политике по отношению к местному частному капиталу во всех группах рассматриваемых государств (и это их объединяет). Стимулы для этого в полной мере начнут раскрываться с углублением процесса деэтатизации (при широкой приватизации) их национальных экономик, в ходе более глубоких политических реформ, при достижении большей зрелости и развитости местного предпринимательства.

И, наконец, к особой группе факторов, определяющих нефтяную политику государств региона, относятся проблемы, порождаемые кризисными явлениями в современных международных отношениях. В целом вторая половина XX – начало XXI вв. характеризовались высокой степенью напряженности и продолжительными кризисными явлениями в межгосударственных отношениях в регионе. Ближневосточный конфликт, многолетняя и кровопролитная ирано-иракская война, оккупация Ираком Кувейта и военная операция международной коалиции против Багдада, свержение режима С.Хусейна, гражданские войны в Судане и Алжире, другие вооруженные конфликты в регионе, а также жесткие и продолжительные международные санкции против режимов в Иране, Ливии и Ираке в сильной мере дестабилизировали ситуацию, резко негативно сказывались на инвестицион-

ном климате, существенно ограничивали и даже блокировали приток в регион необходимых финансовых ресурсов, современных технологий, передового управленческого опыта, развитие разносторонних партнерских связей и т.д. В этих условиях, когда даже крупнейшие экспортеры углеводородов испытывали острый дефицит в жизненно важных ресурсах, большинство экспортеров энергоносителей столкнулось с кризисными явлениями в экономике, а в мировом хозяйстве на смену рынку продавцов нефти и газа пришел рынок покупателей, производители вынуждены были корректировать весь спектр своей нефтяной политики. Ее важнейшими составляющими становились интенсивные усилия по привлечению иностранного капитала в нефтегазовую сферу, главным образом в разведку и добычу, либерализация (ограниченная) хозяйственной деятельности в этих отраслях, включая допуск в их отдельные сегменты местного частного капитала, проведение институциональных реформ.

Вероятно, эти направления обновления нефтегазовой политики стран-производителей нефти и газа в регионе Большого Ближнего Востока сохранят свое значение и на обозримую перспективу.

Приложение

Таблица 1
Динамика доказанных запасов нефти в различных регионах мира в период с 1975 по 2004 гг., млрд. т

	1975 г.	1985 г.	1997 г.	2004 г.**	Доля в мировых запасах, %		
					1975 г.	1997 г.	2004 г.
Ближний, Средний Восток и Северная Африка	48,9	52,9	91,6	105,6	55,2	65,0	67,4
Бывший СССР	10,7	8,1	9,1	11,9	12,1	6,5	7,6
Северная Америка	7,6	12,3	10,2	8,8	8,6	7,2	5,6
Азия и Океания	5,5	5,0	5,7	6,4	6,2	4,0	4,1
Западная Европа	3,8	3,8	2,6	2,6	4,2	1,8	1,7
Африка (без Северной Африки)	4,2	3,5	4,2	6,8	4,7	3,0	4,3
Мир	88,7	94,2	140,9	156,7	100,0	100,0	100,0

Источники: BP Statistical Review of World Energy. 1996, с. 4–5; БИКИ. М., 2004, № 81; Arab Oil and Gas. 2001–2005.

Таблица 2

**Динамика доказанных запасов природного газа
в различных регионах мира в период с 1975 г. по 2004 г.*,
трлн. куб. м**

	1975 г.	1985 г.	1997	2004 г.*	Доля в мировых запасах, %			А
					1975 г.	1997 г.	2004 г.*	
Бывший СССР	22,7	42,5	56,7	56,1	35,9	39,2	31,9	75
Ближний, Средний Восток и Северная Африка	19,5	28,3	53,9	79,3	30,9	37,2	45,1	св.100
Западная Европа	5,4	6,9	5,6	5,9	8,5	3,8	3,4	23
Северная Америка	7,9	10,6	8,4	7,3	12,5	5,8	4,2	10
Азия и Океания	3,9	5,7	9,1	13,5	6,2	6,3	7,7	43
Африка (без Северной Африки)	1,6	2,0	5,9	6,2	2,5	4,0	3,5	99
Мир	63,2	98,7	144,8	175,8	100,0	100,0	100,0	100,0

Примечания: * – начало года;

А – отношение запасов к добыче (в годах), округлено до целых.

Источники: BP Statistical Review of World Energy. 1997, с. 20–21;
БИКИ. М., 2004, № 114; Arab Oil and Gas. 2001–2005.

Таблица 3

**Рост потребления нефти в различных регионах мира
в 1995–2020 гг., млн. т**

	1995 г.	2010 г.	2020 г.	Прирост, %
Страны ОЭСР, в том числе:	1832	2159	2262	23,5
Северная Америка	873	1025	1049	20,2
Западная Европа	650	780	850	30,8
Австралия и Япония	308	354	361	17,2
Южная и Восточная Азия	363	662	916	152,3
Бывший СССР, страны Восточной Европы	274	330	390	42,3
Латинская Америка	281	423	519	84,7
Китай	163	355	507	211,0
Ближний Восток и Африка	183	218	280	53,0
Мир, всего	97	145	180	85,6
в том числе запасы	3324	4468	5264	58,4
	129	174	208	61,2

Источники: OPEC. Annual Statistical Bulletin; IEA World Energy Outlook за соответствующие годы.

Таблица 4

**Динамика мировых цен на некоторые основные
сорта нефти в период с 1990 по 2005 гг., долл./барр.**

Год	I	II	III	IV
1990	20,38	23,73	23,85	24,50
1995	16,10	17,02	17,26	18,42
1996	18,52	20,67	21,16	22,16
1997	18,23	19,09	19,33	20,61
1998	12,21	12,72	12,62	14,39
1999	17,25	17,97	18,00	19,31
2000	26,20	28,50	28,42	30,37
2001	22,81	24,44	24,23	25,93
2002	23,74	25,02	25,04	26,16
2003	26,78	28,83	28,66	31,06
2004*	34,87	42,84	38,98**	
2005***	39,13	44,59	41,68**	

Примечания: * – ноябрь;

** – справочная цена «корзины» сортов нефти ОПЕК
(средняя из 7 сортов, включая мексиканскую Истмус;

*** – февраль.

Источник: БИКИ. М., 2004, № 81; 2005, № 34.

Таблица 5

**Динамика цен на природный газ
на рынках основных стран-потребителей в 1980–2015 гг.,
долл./тыс.куб.м ***

Годы	США	Европа	ФРГ	Япония
1980	55	121	...	182
1990	61	91	...	130
2000	154	138	...	169
2001	143	148	139	166
2002	121	109	96	...
2003	198	140	126	...
2004**	221	138	122	...
2010***	116	98
2015***	125	107

Примечания: * – округлено до целых;

** – январь;

*** – прогноз Всемирного Банка.

Источники: БИКИ. М., № 57, 22 мая 2004 г.

В.И.Гусаров

**СЕВЕРНАЯ АФРИКА:
ПОЛВЕКА НЕЗАВИСИМОГО РАЗВИТИЯ**

В нынешнем году исполняется пятьдесят лет государственной самостоятельности трех североафриканских арабских стран: Судана, Туниса и Марокко, ставших независимыми в 1956 г. За пять лет до этого, в 1951 г. независимость обрела Ливия. В 1952 г. подлинной политической независимости добился Египет (формально Египет стал независимым государством еще в 1922 г.).

В 1960 г. независимость получила Мавритания. А в 1962 г. после многолетней вооруженной борьбы свою независимость завоевал народ Алжира. Война за независимость здесь началась 1 ноября 1954 г. и закончилась 5 июля 1962 г. Свои жизни в этой войне отдали более 1,5 млн. алжирцев.

Таким образом, декада с начала 50 до начала 60-х годов стала исходным рубежом независимого развития стран Северной Африки. К моменту достижения государственной самостоятельности эти арабские страны находились на разных уровнях социально-экономического развития. Объясняется это многими причинами исторического, географического и социально-политического характера. Важнейшие среди них – степень развития капитализма, наличие богатых разведанных запасов природного сырья, географическая близость к метрополиям и к Европе вообще, военно-стратегическое положение, существование колоний переселенцев из метрополий и национальных общин из других европейских государств, влияние культур их народов на процесс исторического и социально-экономического развития этих арабских стран.

В результате многовекового и многовекторного воздействия этого комплекса и многих других факторов разные арабские страны пришли к независимости, однако все они оставались слабыми аграрными странами. Поэтому основные различия, имевшиеся между ними, выражались лишь в степени от-

сталости. Свидетельством этому могут служить такие показатели, как, например, численность самостоятельного населения, занятого в сельском хозяйстве арабских стран Северной Африки, и структура их экспорта, в частности, доля в нем сельскохозяйственной продукции (см. табл. 1, 2, 3).

Таблица 1
**Самостоятельное население стран Северной Африки
в 1950-е – 1960-е годы**

Страна	Год	Всего (тыс. чел.)	В т.ч. в промыш- ленности и строительстве, %	В т.ч. в промыш- ленности, %	В т.ч. в сель- ском хозяйстве, %
Алжир	1958	2564,0	11,0	7,3	74,0
Египет	1960	7782,0	12,0	9,3	56,6
Ливия	1964	405,3	20,0	10,7	35,7
Марокко	1960	3254,4	11,0	9,4	56,3
Судан	1956	4915,0	...	10,1	86,0
Тунис	1956	867,5	12,0	5,6	62,0

Источник: Yearbook 1967, Geneve, 1970. По Судану приведены данные, рассчитанные автором по показателям переписи населения этой страны в 1955/56 г.

Анализируя эти цифры, следует иметь в виду, что в различных арабских странах в категорию самостоятельного населения включаются различные возрастные группы. В Судане, например, многие дети, особенно мальчики, начинают трудиться очень рано, еще до 15 лет. В городах работает большинство подростков, не охваченных школьным обучением. А в деревнях и кочевых племенах дети по традиции уже с 5 лет помогают взрослым пасти скот. Поэтому дети в возрасте 5 и более лет включались суданской статистикой в течение многих лет в самостоятельное население. При таких разных подходах к раскрытию содержания одного и того же понятия абсолютные показатели по отдельным североафриканским странам мало сопоставимы между собой. Гораздо более показательны сопоставления долей самостоятельного населения, занятого в промышленности и сельском хозяйстве (см. табл. 2).

Из приведенных данных видно, что в 60-х годах в промышленности арабских стран Северной Африки было занято в среднем около одной десятой части самодеятельного населения. (С учетом занятых в строительстве удельный вес занятых в этих двух отраслях повышался в ряде стран до одной пятой). Это соответствовало крайне отсталому аграрному характеру их экономики. Исключением была лишь Мавритания.

Таблица 2

Динамика структуры занятости в арабских странах Северной Африки в 1960 г. (% по отраслям)

Страна	В сельском хозяйстве	В промышленности и строительстве	В торговле, на транспорте, в сфере обслуживания
Алжир	74,0	11,0	29,0
Египет	56,6	12,0	31,0
Ливия	35,7	20,0	44,0
Мавритания	91,0	3,0	6,0
Марокко	56,3	11,0	33,0
Судан	86,0	...	8,0
Тунис	62,0	12,0	26,0

Подсчитано по: Болотин Б.М., Шейнис В.П. Экономика развивающихся стран в цифрах. М., 1988, с. 281–292; ILO Yearbook, 1967; 1985, Geneva, 1970; 1988.

При этом следует учитывать, что в большинстве стран Северной Африки промышленность в современном понимании до начала 60-х гг. практически отсутствовала. Основная масса самодеятельного населения стран региона была занята в сельском хозяйстве. Та же часть самодеятельного населения, которая находила себе применение в промышленности, не имела, как правило, достаточных знаний, навыков и опыта, чтобы выдвигаться на инженерно-технические должности. Поэтому их занимали обычно иностранные специалисты. На долю же арабов приходился главным образом малоквалифицированный и малооплачиваемый труд.

Для определения уровня социально-экономического развития той или иной страны важное значение имеют и такие показатели, как доли промышленной и сельскохозяйственной

продукции в ее экспорте. Представление об этом дают данные табл. 3.

Таблица 3

Структура экспорта стран Северной Африки в первой половине 60-х годов

Страна	Экспорт в 1960 г., млн. долл.	Доля промышленной продукции, %	Доля сельскохозяйственной продукции, %
Алжир	394,2	18,6	81,4
Египет	568,0	29,0*	71,0*
Ливия	11,5	66,0*	34,0*
Мавритания	2,2	10,7*	89,3*
Марокко	353,7	60,9*	39,1*
Судан	182,1	0,1**	99,9**
Тунис	119,7	37,4*	62,6*

Источник: Handbook of International Trade and Development Statistics UNCTAD.

New York, 1979.

* 1961 г.

** 1962 г.

Остальные данные за 1960 г.

Представленные здесь страны по структуре экспорта отчетливо подразделяются на две группы. К первой из них причислялись Марокко и Ливия, доля продукции сельского хозяйства в экспорте которых была менее 40%. Относительно Марокко это объясняется высоким удельным весом в экспорте продукции горнодобывающей промышленности, в частности, фосфатов. А Ливия в 1961 г. вошла в число нефтедобывающих стран, и это сразу изменило структуру ее экспорта. До 1961 г. структура экспорта и импорта Ливии были аналогичны показателям Мавритании.

Ко второй группе относились остальные страны Северной Африки. У них сельскохозяйственная продукция составляла от 60 до 99% экспорта.

Таким образом, ни в одной из представленных стран не было развитой обрабатывающей промышленности, продукция которой поступала бы на экспорт. Имевшиеся в ряде стран

предприятия горно- и нефтедобывающей промышленности в подавляющем большинстве принадлежали иностранному капиталу и представляли собой фактически инородный анклав в крайне отсталой аграрной экономике региона с неразвитыми производительными силами. Лишь в некоторых из стран работали предприятия легкой и пищевой промышленности, которые можно было назвать современными. В остальных отраслях преобладали мелкие и мельчайшие предприятия, основанные на личном труде собственников и их семей, использовавших примитивные орудия труда.

Неравномерность развития различных отраслей экономики усугублялась неравномерным размещением их по территориям североафриканских стран. Предприятия обрабатывающей промышленности располагались, как правило, в прибрежной зоне, т.е. поблизости от портовых городов, являвшихся пунктами снабжения импортным сырьем и рынками сбыта. Предприятия же горно- и нефтедобывающей промышленности находились обычно в глубине территорий арабских стран, нередко в пустынных и малообжитых районах.

Общая технико-экономическая отсталость арабских стран и вытекавшая из этого с неизбежностью зависимость от бывших метрополий в начале 60-х годов проявлялись и в их социально-экономической отсталости. Это объяснялось указанным выше преобладанием мелких товарных хозяйств с примитивными техникой и технологией, едва обеспечивавшими прожиточный минимум их владельцев. Товарное производство было сконцентрировано преимущественно в крупных населенных пунктах и в тех сельских районах, где оно велось главным образом иностранными колонистами.

Производившаяся в традиционном секторе товарная продукция реализовывалась обычно на местных рынках, что не ликвидировало хозяйственной изоляции одних районов от других во многих арабских странах. На деле это означало отсутствие единого национального хозяйства и его главного признака и составной части – общенационального рынка. Производство же товаров в современном секторе предназначалось для нужд рынков прежних метрополий, с которыми арабские страны по традиции сохраняли тесные экономические связи.

В пределах двух главных видов производства – натурального и товарного – имелось пять укладов: патриархально-общинный, феодальный, мелкотоварный, частнокапиталисти-

ческий и государственный. Многоукладность была и остается по сей день типичной для экономики и социальных отношений стран Северной Африки. Она является еще одним признаком отсталости стран этого региона. Наряду с этим многоукладность означала в начале 60-х годов отсутствие в арабских странах Северной Африки ведущего или преобладающего уклада или способа производства.

К общности исторических судеб стран Северной Африки добавлялась общность географическая и социально-экономическая. Вместе с тем в социально-политическом развитии этих стран с самого начала их существования как самостоятельных государств проявились принципиальные различия.

Все страны Северной Африки после провозглашения независимости оказались перед необходимостью изменения прежней структуры национальной экономики, ее диверсификации, создания основы для высоких темпов роста в будущем, перестройки внешних экономических связей. Ставилась задача создать новые отрасли промышленности, увеличить объем сельскохозяйственного производства, проложить новые коммуникации, модернизировать сферу финансов и кредита, диверсифицировать внешние экономические связи, подготовить национальные кадры различных уровней квалификации, развить энергетическую базу, повысить культурный уровень населения и решить многие другие социально-экономические проблемы.

Выбор подхода к преодолению этих проблем, путей и сроков их решения, мобилизации финансовых и трудовых ресурсов зависел от политики правящих кругов. Она же диктовалась в различных странах Северной Африки различными социальными приоритетами, классовыми интересами, наличием природных и финансовых ресурсов и другими факторами.

За истекшие пять десятилетий страны региона для решения своих острых социально-экономических, демографических, этноконфессиональных и других проблем использовали самые разные методы, подходы и модели развития, нередко меняя их и чередуя, забегая вперед и возвращаясь к прошлому опыту. Эти методы, подходы и модели развития, эволюционные в одних случаях и радикальные в других, обстоятельно описаны в трудах отечественных и зарубежных исследователей, специализирующихся на изучении проблем североафриканских стран. Поэтому формат небольшой статьи позволяет подвести лишь самые общие итоги независимого существования стран севе-

роафриканского региона и высказать некоторые предположения о возможных путях их дальнейшего развития.

За истекшие полвека страны Северной Африки развивались крайне неравномерными темпами.

Таблица 4

Среднегодовые темпы роста ВВП стран Северной Африки в 1960–2000 гг. (в %)

Страна	1960–1970 гг.	1970–1980 гг.	1980–1990 гг.	1990–2000 гг.
Ливия	24,8	3,0	-4,7	...
Тунис	4,2	6,9	3,4	4,7
Алжир	1,8	7,0	2,8	3,5
Марокко	3,9	5,6	4,2	2,3
Египет	4,5	8,5	5,0	1,9
Мавритания	...	1,2	1,7	4,2
Судан	...	5,3	0,6	6,1

Составлено по: 1) Handbook of International Trade and Development Statistics, 1995, UN, New York and Geneva, 1997, с. 436–445.

2) Handbook of International Trade and Development Statistics, 1996/97, UN, New York and Geneva, 1999, с. 324–329.

3) UNCTAD Handbook of Statistics 2002, New York and Geneva, с. 326.

Данные таблицы отчетливо свидетельствуют, что ни одна из стран исследуемого региона в указанные годы не развивалась равномерно и плавно. Темпы роста ВВП в тех странах, где такой рост был, то повышались, то снижались. В Алжире в первой половине 90-х годов роста вообще не было из-за военно-политического конфликта с исламскими экстремистами и вызванной им приостановки функционирования целых отраслей.

А в Ливии на протяжении десятилетия (1980–1990 гг.) шло неуклонное снижение массы ВВП, хотя декадой раньше (1960–1970 гг.) именно Ливия продемонстрировала наивысшие во всем регионе темпы его роста. В те годы это объяснялось открытием месторождений нефти, быстрым ростом ее добычи и экспорта. На протяжении следующей декады 1970–1980 гг. темпы роста ВВП Ливии, как видно из таблицы, снизились более чем в 8 раз. Это уникальный случай, не повторявшийся в дальнейшем ни в одной из стран региона на протяжении XX столетия.

К рубежу XX и XXI вв. главные итоги труда народов входящих в регион стран, выраженные в показателях и душевого

дохода или ВВП на душу населения и в абсолютных показателях валового ВВП, выглядели следующим образом:

Таблица 5

ВВП и ВВП на душу населения стран Северной Африки в 1991–2000 гг. (долл. США)

Страна	1991 г.		1995 г.		2000 г.	
	ВВП на душу населения	ВВП (абс.) (млн.)	ВВП на душу населения	ВВП (абс.) (млн.)	ВВП на душу населения	ВВП (абс.) (млн.)
Ливия	9551	44967	4036	22050
Тунис	1603	13188	2003	18000	2058	19462
Алжир	1714	43940	1473	41400	1760	53306
Марокко	1077	27653	1222	32400	1116	33345
Египет	566	30358	762	47300	1454	98725
Судан	65	1683	370	11516
Мавритания	543	1130	470	1070	351	935

Составлено по: 1) Handbook of International Trade and Development Statistics, UN, 1993, New York and Geneva, 1994, с. 430–433.

2) Handbook of International Trade and Development Statistics, UN, 1996/97, New York and Geneva, 1999, с. 319–323.

3) UNCTAD. Handbook of Statistics 2002, UN, New York and Geneva, 2002, с. 318–319.

Из-за отсутствия цифр по Ливии, которая после 1995 г. не представляет в ООН статистических данных, суммарный ВВП стран Северной Африки в 2000 г. точно подсчитать невозможно. Без Ливии он равнялся 216,4 млрд. долл. Если к этой сумме добавить последние имеющиеся данные по ВВП Ливии за 1995 г., когда он составил, как видно из таблицы 4, 22050 млн. долл., то в итоге суммарный ВВП стран Северной Африки достигал бы в 2000 г. 238,4 млрд. долл. Это меньше, чем ВВП одной Швейцарии, который в том же году оценивался в 239,4 млрд. долл. А население Швейцарии, на тот период насчитывавшее 7,2 млн. чел., равнялось всего 4% совокупного населения стран Северной Африки, составлявшего 176,6 млн. человек¹. Это сравнение свидетельствует о крайне низком уровне общественного производства здесь, о социально-экономической отсталости, которую не удалось преодолеть за полвека, и огромной пропасти, отделяющей страны Северной Африки от промышленно развитых государств.

Процессом, который дал странам Северной Африки на рубеже веков шанс ускорить свое социально-экономическое развитие и сократить разрыв от развитого мира, стала глобализация. По мнению автора, основанному на изучении результатов исследований многих отечественных и зарубежных авторов, под глобализацией можно понимать все более интенсивно развивающееся вовлечение многих отраслей экономики и инфраструктуры самых разных стран в мирохозяйственные связи и в мировое информационное пространство.

В полном объеме процесс, а вернее, процессы глобализации в Северной Африке начались в 90-е годы XX в. после развала мировой социалистической системы, а также краха коммунистической идеологии, на основе которой строилась экономика социалистических стран и их внешнеэкономические связи. До этого временного рубежа рыночные отношения и закон стоимости в Северной Африке, да и вообще в арабском мире, разумеется, действовали. Но происходило это на фоне средневековых феодальных, а порой и дофеодальных пережитков в сфере экономики, а в ряде других – в рамках сознательной экономической политики режимов так называемой социалистической ориентации.

Реальными шагами по стимулированию процессов глобализации и преодолению препятствий на пути действия закона стоимости стал комплекс проводимых в ряде стран Северной Африки мероприятий по приватизации и реприватизации различных государственных и смешанных предприятий и компаний.

Но эти изменения начались не сразу и не внезапно. Им предшествовала сложная эволюция взглядов и представлений правящих кругов, плановиков и экономистов североафриканских стран о месте государства в развитии национальной экономики.

Главной причиной такой эволюции стали усиливавшиеся хозяйственные диспропорции и возникшие на их основе социально-экономические противоречия, в условиях которых в ряде стран Северной Африки наметился переход к политике так называемой экономической либерализации. Ею предусматривались отход от государственного регулирования и ориентация на использование смешанных форм предпринимательства в целях более полной мобилизации потенциала частного хозяйственного капиталистического уклада, увеличения социальной стабильности и превращения хозяйственной системы регулирования в более гибкий механизм, позволяющий при-

вести в действие рыночные силы, стимулировать инициативу собственника.

Одной из главных причин этого была деятельность частного сектора, который, в силу имманентных ему законов, не подчиняется общей народнохозяйственной необходимости, а функционирует на основе законов стоимости и спроса и предложения. Поэтому в разных североафриканских странах государство и ранее, в 50–70-е годы, было вынуждено считаться с этим и разрабатывало и осуществляло с разной степенью эффективности меры по регулированию частного сектора и направления его деятельности в русло, отвечающее общенациональным задачам социально-экономического развития.

Еще одной важной причиной все большего внимания государства к частному сектору стали экономические трудности, все острее осложнявшие развитие североафриканских стран в 80-е годы, особенно из-за «демографического взрыва» и падения мировых цен на нефть. Они ограничивали возможности выполнения уже принятых и утвержденных планов, способствовали увеличению объемов незавершенного строительства. Все это сопровождалось снижением эффективности валовых капиталовложений, недоиспользованием производственных мощностей на многих предприятиях, особенно обрабатывающей промышленности.

Нараставшие хозяйственные диспропорции продиктовали необходимость внесения корректив в экономическую политику североафриканских стран и разработки программ либерализации хозяйства и повышения его эффективности путем стимулирования деловой активности частного предпринимательства.

Так, в Египте закон № 203 от 1991 г. разрешил продавать частникам доли госсектора в смешанных компаниях. В 1996 г. процессы приватизации активизировались. На этом этапе отчуждались главным образом через биржу активы предприятий и компаний, приносивших прибыли. А на третьем этапе, начавшемся в 1999 г., приватизации подлежали менее прибыльные предприятия.

Известный отечественный исследователь Египта Б.Н.Гашев следующим образом характеризует цели приватизации в АРЕ: «Это расширение базы частной собственности как одна из основных задач экономической реформы, начатой на рубеже 80–90-х годов. Выправление перекосов в технической, экономической и финансовой сторонах деятельности,

характерных для госпредприятий. Более оптимальное распределение государственных ресурсов с направлением их в наиболее перспективные и прибыльные компании. Преодоление застоя в убыточных компаниях с ликвидацией их в случае необходимости. Ориентирование государственных и частных компаний на конкурентное соперничество в поисках рыночной ниши, считая сбыт продукции, в особенности на экспорт, одной из основных задач. Уменьшение монополизма, диктующего потребителю высокие цены и навязывающего ему свою продукцию. Облегчение доступа к современной технологии и иностранным денежным фондам и инвестициям. Ослабление бремени, лежащего на государственном бюджете по финансированию инвестиций на текущие производственные нужды госпредприятий, на ремонт, обновление оборудования и на устранение других узких мест. Модернизация производственных структур, рост производства и производительности труда в количественном и качественном отношении»².

Средства от приватизации правительство направляет на погашение дефицита государственного бюджета и выплату внутреннего государственного долга. Приватизации подлежат не все подряд предприятия, а лишь те, которые относятся к специальному перечню и которые вызывают по разным причинам интерес покупателей-инвесторов. К последним относятся, например, цементные заводы и предприятия по производству алюминия.

Приватизация не распространилась на стратегически важные отрасли: военную промышленность, электроэнергетику, нефтепереработку, телефонную связь, страхование, водоснабжение, железнодорожный транспорт, Суэцкий канал, морские порты, Египетскую авиакомпанию. К середине 2000 г. из 314 компаний, в которых имелся государственный капитал, 116, или 37%, были приватизированы. 19 предприятий (6%) после частичной приватизации остались в составе госсектора³. Своего пика приватизация достигла в 2001 г., когда в частные руки перешли многие крупные цементные предприятия. После 2001 г. темпы приватизации замедлились. В числе причин – явное противодействие чиновничьего сословия, теряющего «тепленькие» места в государственных структурах.

К ним можно добавить еще такие, как большая финансовая задолженность госпредприятий, накопленная на протяже-

нии многих лет их неэффективного управления и отсутствие постоянной модернизации в бесконкурентной среде. Доля промышленности в создании ВВП страны в 2001/02 г. составила 33,0% по сравнению с 45% в 1990 г. и 27% в 1965 г. По данным Всемирного банка, за период 1990–2001 гг. эта доля возрастала в среднем на 4,6% ежегодно. Главной причиной этого относительно низкого темпа роста было резкое снижение мировых цен на нефть в 1998 г. и в первой половине 1999 г.⁴

Аналогичные процессы происходят в Алжире. Но и там процесс приватизации продвигается с большими трудностями не только технического и организационного планов. В социальной сфере приватизация вызывает нарастание безработицы, особенно в среде молодежи. Так, по опубликованным официальным данным на середину 2005 г., безработными в Алжире были 17,5% трудоспособного населения, или 1,7 млн. человек, из которых 73% – люди моложе 30 лет⁵.

Таким образом, именно в Египте и Алжире как странах, наиболее продвинувшихся по пути промышленного развития в Северной Африке за годы независимости, в новых исторических условиях была официально осознана необходимость отказа от прежней политики индустриализации под государственным контролем и перехода к политике приватизации на основе развития рыночных отношений, на основе учета действия закона стоимости и закона спроса и предложения.

На ближайшие годы в тех странах Северной Африки, которые примыкают к Средиземному морю, экономическое положение представляется относительно устойчивым и не чреватым какими-либо внезапными потрясениями. Гарантией такой стабильности являются, в частности, растущие доходы от экспорта углеводородов.

Так, доходы Алжира от экспорта нефти выросли в 2005 г. на 45% по сравнению с предыдущим годом и достигли 45,6 млрд. долл. Экспорт природного газа возрос на 13%⁶. Государственный долг Алжира сократился вдвое и составил 16 млрд. динаров. Это дает возможность направлять ассигнования на неотложные социально-экономические нужды, в том числе на создание новых рабочих мест, строительство жилья, школ и других объектов социальной инфраструктуры. Относительно благополучное социально-экономическое положение в данный период в средиземноморских странах Северной Африки позволяет поддерживать здесь видимую политическую стабильность.

По-иному складывается ситуация в Мавритании и Судане – двух беднейших странах Северной Африки, душевой доход в которых, как видно из таблицы № 5, находится на крайне низком уровне. За полвека независимого развития Мавритания и Судан не добились ни процветания или хотя бы относительно благополучного положения, ни политической стабильности.

В Мавритании уже почти три десятилетия с небольшими перерывами не прекращается череда военных переворотов. В 1978 г. здесь был свергнут первый президент страны Моктар ульд Дадда. В 1984 г. в стране произошел новый переворот, получивший название «дворцовой революции».

С 1984 г. во главе правившего страной военного режима находился Маауйя Сиди Ахмед Тайя. Первые президентские выборы на многопартийной основе были проведены в стране в 1992 г. За Тайю было подано более 60% голосов. В дальнейшем он еще дважды – в 1997 г. и 2003 г. побеждал на выборах, однако оппозиция каждый раз обвиняла его в их фальсификации. В июне 2003 г. в стране была подавлена попытка военного переворота, предпринятая группой офицеров бронетанковых войск и ВВС. Два антиправительственных заговора удалось раскрыть в 2004 г.

3 августа 2005 г. Тайя был все-таки свергнут группой высших армейских офицеров во главе с шефом службы национальной безопасности полковником Эли ульд Мохаммедом Валем в результате бескровного переворота. Заговорщики опирались на широкий круг недовольных режимом Тайи и его политикой.

Среди них была арабская часть населения, противящаяся установлению связей с Израилем, и оппозиция, которую режим жестко подавлял, пытаясь представить репрессии как борьбу с исламскими радикалами. Оппозиция упрекала власти в разгуле коррупции, необдуманной политике либерализации экономики и приватизации, присвоении основной массы денежных средств, вырученных от продажи на внешнем рынке сырьевых ресурсов. В первую очередь, речь шла об экспортируемой Мавританией железной руде, обеспечивающей около 80% валютных поступлений страны, а также о продаже лицензий на лов рыбы в мавританских прибрежных водах, которые считаются одной из наиболее богатых биоресурсами зон в мире. Эта критика стала особенно острой после того, как в стране были найдены нефтяные месторождения. Именно это обстоятельство обострило

борьбу за власть и возможность распоряжаться будущими доходами от экспорта нефти*.

Пришедшая к власти 3 августа 2005 г. хунта объявила о создании высшего органа управления – Военного совета за справедливость и демократию, срок полномочий которого определен в два года. Предполагается, что за это время в стране будут созданы условия для формирования демократических институтов.

Для Мавритании межэтнические и межконфессиональные конфликты – явление весьма редкое и исключительное. Один из таких конфликтов произошел в 1989 г., когда сотни человек стали жертвами острого кризиса во взаимоотношениях между коренными мавританцами и выходцами из Сенегала.

В отличие от Мавритании для Судана межэтнические и межконфессиональные конфликты на всем протяжении его существования как независимого государства стали обыденным явлением. Причем если одни конфликты на какое-то время стихают и прекращаются, то другие в это же время вспыхивают и разгораются. В основе их лежат в подавляющем большинстве случаев социально-экономические интересы различных народностей, кланов, племенных объединений, бедность и социальная незащищенность основной массы населения страны. По последним данным, из примерно 33 миллионов суданцев 90% проживают ниже черты бедности⁷.

В феврале 1972 г. было подписано соглашение о предоставлении Югу Судана автономии в рамках единого государства, а также закон об амнистии всем южносуданским повстанцам, которые прекратят военные действия и вернутся к мирному труду. Выходцы с Юга заняли посты в политических и государственных органах страны на разных уровнях. Тогда, в 1972 г., казалось, что проблема Юга – самая острая этнополитическая проблема Судана, наконец, решена. За 17 лет (1955–1972 гг.) гражданской войны между Севером и Югом с обеих сторон погибло около 600 тыс. человек⁸.

Корни проблемы уходили в колониальное прошлое страны и сознательную политику англичан по противопоставлению мусульманского Севера и христианско-языческого Юга, населенного негроидными нилотскими народами. Первые национальные правительства Судана отказывались признавать и закреп-

* Добыча началась 26 февраля 2006 г.

лять в конституции страны региональные права африканского населения Юга, отвергали его самобытную национальную культуру.

В 1972 г. Организация африканского единства убедила суданские стороны подписать в столице Эфиопии мирный договор. Перемирие длилось 11 лет, но в 1983 г. после того, как Хартум объявил о намерении распространить законы шариата на всю территорию страны, в том числе и на немусульманский юг, война возобновилась. Теперь ее вела народно-освободительная армия Судана (НОАС), во главе которой встал офицер суданской армии Дж.Гаранг.

Лишь к 1994 г. региональная Межправительственная организация развития (ИГАД) сумела добиться от правительства и повстанцев подписания декларации, определившей основные принципы урегулирования. К ним отнесли необходимость решить проблемы с автономией Юга, отделения государственной власти от религии, распределение доходов, обеспечения безопасности. Понадобилось три года, чтобы правительство под давлением международного сообщества согласилось ратифицировать декларацию.

Еще пять лет ушли на переговоры, в ходе которых к процессу наряду с ИГАД официально присоединились представители США, Великобритании, Норвегии, Италии, Африканского союза и ООН. Наконец, 20 июля 2002 г. в кенийском городе Мачакос был достигнут долгожданный итог. Центральное суданское правительство было поставлено в такие условия, когда ему не оставалось ничего другого, как признать права южан на независимость и свободу от шариата.

Следующие два с половиной года были посвящены согласованию конкретных аспектов мирного договора. Результатом изматывающих споров стали восемь протоколов. Эти протоколы определяют принципы раздела власти в переходный период, меры безопасности, пределы действия шариата, статус расположенных на границе между Севером и Югом спорных районов Южный Кордофан, Нубийские горы, Южный Голубой Нил и Абьей, принципы раздела доходов от природных ресурсов, ведения экономической и финансовой деятельности. Подписывались они постепенно, по мере согласования, и последние два документа были скреплены подписями 31 декабря 2004 г. В совокупности эти восемь протоколов общим объемом 240 страниц составили договор о всеобъемлющем урегулиро-

вании, который был подписан 9 января 2005 г. в столице Кении г. Найроби.

По завершении переходного периода, который продлится несколько лет, в 2008 г. в Судане намечено провести свободные выборы на всех уровнях, а в 2011 г. референдум о независимости Южного Судана. В настоящее время мало кто из специалистов и наблюдателей, включая автора этих строк, работавшего в Судане, сомневается, что референдум закончится отделением Юга и провозглашением на его территории нового независимого государства.

Но полувековой конфликт между Севером и Югом, унесший два миллиона жизней, не единственный на территории Судана. Мелкие конфликты, главным образом из-за пользования источниками воды и пастбищами, разгорались здесь постоянно. А в 2003 г. в западной провинции Дарфур вспыхнул крупный конфликт, за первые два года которого погибли десятки тысяч человек, а более 1,5 млн. стали беженцами⁹. В данном случае его можно только упомянуть, поскольку подробное рассмотрение причин, хода и последствий этого конфликта выходит за рамки основной темы данной статьи.

Уже три десятилетия не поддается решению конфликт из-за Западной Сахары. Марокко считает эту территорию своей, в то время как поддерживаемый Алжиром и Ливией Фронт ПОЛИСАРИО добивается независимости для населяющих эту территорию жителей. Западносахарская проблема препятствует развитию политического и экономического сотрудничества между странами Северной Африки, в частности, в рамках Союза Арабского Магриба (САМ), образованного в 1989 г. с целью создания зоны свободной торговли в регионе и развития интеграции. Последний саммит САМ состоялся в 1994 г. в Тунисе. Очередная попытка созыва встречи лидеров САМ в мае 2005 г. вновь провалилась.

Итак, во второе пятидесятилетие своего независимого существования Северная Африка вступила с несколькими нерешенными этноконфессиональными проблемами (в Судане, берберская проблема в Алжире и пр.), территориальными спорами (из-за Западной Сахары, из-за испанских анклавов в Марокко и пр.).

Помимо этого, нерешенным в эти полвека остался вызванный «демографическим взрывом» целый комплекс проблем. К нему относятся проблемы миграции и эмиграции, падения

показателей ВВП на душу населения, роста проявлений исламского фундаментализма и экстремизма, наконец, наиболее острая проблема – международного терроризма. О том, как и какими темпами возрастала численность населения стран Северной Африки, свидетельствует приводимая ниже таблица 6.

Таблица 6

**Население стран Северной Африки
и среднегодовые темпы его роста в 1970–2000 гг.**

Страна	Население (тыс. чел.)		Среднегодовые темпы роста (в %%)	
	1990 г.	2000 г.	1970–90 гг.	1990–2000 гг.
Алжир	24960	30291	3,1	2,0
Египет	52426	67884	2,4	1,9
Ливия	4545	5290	4,2	2,1
Мавритания	2024	2665	2,5	3,0
Марокко	25061	29878	2,4	1,9
Судан	25203	31095	2,9	2,3
Тунис	8057	9459	2,5	1,5
Всего:	142276	176562		

Составлено по: 1) Handbook of International Trade and Development Statistics, 1997, UN, New York and Geneva, 1997, с. 436–445.

2) Handbook of International Trade and Development Statistics, 1996/97, UN, New York and Geneva, 1999, с. 324–329.

3) UNCTAD Handbook of Statistics, New York and Geneva, 2002, с. 318–319.

Из этой таблицы явствует, что в 1970–1990 гг. максимальными среднегодовыми темпами в регионе росло население Ливии (4,2%). Несмотря на сложности социально-экономического положения Ливии, на протяжении 70-х годов жизненный уровень ее населения оставался относительно высоким, особенно по сравнению с соседними Египтом и Тунисом. Это обеспечивало Ливии большой приток иммигрантов и высокий уровень рождаемости. В 80-е годы началось снижение иммиграции и рождаемости, которое, как видно из таблицы, продолжилось, и на протяжении следующего десятилетия.

Рекордсменом по абсолютной численности населения среди стран региона был Египет. В декабре 1996 г. на открытии межарабской конференции по народонаселению министр здравоохранения АРЕ сообщил, что более чем 60-миллионное население

Египта занимает всего 5% территории страны. 100 лет тому назад в начале XX в. на этой же площади проживали 6,5 млн. чел.

Таким образом, за одно столетие население АРЕ выросло примерно в 10 раз. Для Египта и других стран Северной Африки это – серьезная угроза их дальнейшему социально-экономическому развитию. Причем главным фактором этой угрозы является не сам бесконтрольный рост населения, а то обстоятельство, что темпы его прибавления опережают темпы роста ВВП.

Кроме того, это ведет к падению жизненного уровня многих социальных слоев, росту социального недовольства, усилению хозяйственных диспропорций, возникновению новых волн эмиграции и пополнению резервов международного терроризма.

Стремясь преодолеть эти негативные тенденции, власти североафриканских стран прилагают активные усилия в экономической и социальной сферах для изменения создавшегося положения. Так, король Марокко Мохаммед VI выступил с «общенациональной инициативой гуманитарного развития общества». Целью ее является борьба с бедностью и другими негативными социальными явлениями. Новый «социальный проект» вписывается в рамки углубления процесса, который предусматривает «расширение демократических свобод, прав женщин, детей и беднейших слоев населения», а план социально-экономического развития станет «краеугольным камнем» всей жизни страны.

Позитивные тенденции наметились в социально-экономической ситуации в Ливии после ее отказа от планов производства оружия массового поражения и признания ответственности за известное «дело Локерби». Благодаря этому США исключили Ливию из списка государств, связанных с терроризмом.

В конце 2004 г. после 40 лет перерыва Ливия вновь выдала лицензии на разведку нефти на своем шельфе, считающемся богатейшим в Африке. Из 15 лицензий большинство досталось компаниям из США. Пять лицензий получила «Оксидентал петролеум», еще одну – «Шеврон-Тексако», доли в четырех участках на разведку получила австралийская «Вудсайд петролеум». Лицензии позволяют вести разведку нефти на площади 127 тыс. кв. км, главным образом в заливе Сидра. Предполагается, что каждая из получивших лицензии компаний вложит в ливийскую экономику около 750 млн. долл. Ливия будет получать свою долю доходов от добычи нефти и вновь войдет в число крупнейших нефтеэкспортеров.

Аналогичная ситуация сложилась, как отмечалось выше, в Мавритании.

В целом можно считать, что за полвека независимого существования, как видно из приведенных выше цифр, страны Северной Африки добились значительных успехов в экономическом развитии. Но отсталость их от развитых стран была настолько велика, что лишь Тунису и Ливии через 50 лет удалось приблизиться по ряду показателей к среднеразвитым странам Южной Европы, но не достичь их уровня.

В социально-политическом отношении средиземноморские арабские страны добились относительной стабильности благодаря своим экономическим успехам.

А вот в Судане и Мавритании, выполняющих своеобразную роль мостов, связывающих Северную Африку с Тропической, социально-политическое положение остается неустойчивым и чреватым новыми крупными и мелкими конфликтами.

¹ Рассчитано по данным UNCTAD Handbook of Statistics New York and Geneva, 2002, с. 316, 318.

² Арабские страны Западной Азии и Северной Африки. М., 2002, вып. 5, с. 385.

³ National Bank of Egypt. Economic Bulletin, Cairo, 2000, № 3, с. 51.

⁴ The Middle East and North Africa. L. and N.Y., 2004, с. 328.

⁵ Пульс планеты. 27.09.2005.

⁶ Пульс планеты. 31.01.2006, с. 8.

⁷ Internationale Politik und Gesellschaft, Bonn, 2005, № 2, с. 151.

⁸ Гусаров В.И. Советско-суданская дружба в середине 70-х: между желаемым и действительностью. М., 2000, с. 24.

⁹ Компас, 2005, № 3, с. 47–48.

И.В.Жмуйда

ИНОСТРАННЫЙ ЧАСТНЫЙ КАПИТАЛ В ПАКИСТАНЕ

Позиции иностранного частного капитала в Пакистане никогда не были сильны. К моменту образования страны в 1947 г. сумма иностранных инвестиций оценивалась в 100 млн. долл. Но эти данные не учитывали собственности английских фирм, находившихся в Пакистане, но имевших штаб-квартиры в Индии, а также индийский капитал, позиции которого в Пакистане были значительными. Необходимо подчеркнуть, что роль английского капитала определялась не столько самой суммой вложений, сколько большей концентрацией капитала, особенно в банковском деле, коммерческими узами, многими связями между метрополией и колонией. С образованием независимой страны позиции английского капитала пошатнулись, правительство Пакистана стало проводить экономический курс, отдавая предпочтение местным инвесторам. И все-таки вплоть до начала 50-х годов английский капитал превалировал по сравнению с другими вкладчиками в сферу обращения, страхования и банковского дела. Ему принадлежали монопольные позиции в производстве джута, чая, табака, в торговле нефтепродуктами, добыче угля и хромитов, в транспорте.

В начале 60-х годов английский капитал начал терять свои позиции: темпы роста американских инвестиций в 2 раза превысили английские, в борьбу за пакистанский рынок включились Япония, ФРГ и некоторые другие страны. Причем в этот же период происходит адресное изменение иностранных капиталовложений, они начинают осваивать новые для Пакистана направления: нефтехимию, фармацевтическую, электротехническую, бумажную, производство искусственного волокна, растительных масел и ряд других. Объяснялось это тем, что тогдашнее руководство страны, поощряя приток иностранного частного капитала, отдавало предпочтение национальной бур-

жуазии и потому ограничивало позиции иностранного капитала в традиционных отраслях в сфере обслуживания. Это было связано также и с необходимостью внешних инвесторов приспособляться к растущему рынку Пакистана, и с борьбой за его овладение. Результатом явилось преобладание потока иностранного капитала в конце 60-х годов в новые для страны отрасли. Эта же тенденция продолжала сохраняться и в 70-е, и в 80-е годы: основные инвестиции делались в автомобильную промышленность, электромашиностроение, нефтехимию, электронику, инфраструктуру и ряд других отраслей.

Оценивая политику правящих кругов страны в отношении иностранного капитала, можно сказать, что она была позитивной во все периоды исторического развития страны. Соблюдая условия государственного регулирования, Пакистан предоставлял инвесторам большой набор стимулов и льгот, которые в определенные периоды (особенно в первые годы правления М.Айюб-Хана) давали положительные результаты. Однако в целом объем иностранных капиталовложений на конец 1967 г. (в границах страны до 1971 г.) составлял всего 346 млн. долл. или 0,32% всех мировых прямых иностранных инвестиций, что явно не удовлетворяло власти. Причины, по которым Пакистан не являлся привлекательным для зарубежных инвесторов, представляются следующие: во-первых, далеко не все отрасли были открыты для вложений (традиционные производства в стране резервировались за национальным капиталом). В конце 60-х годов в 41 отрасли не разрешалось «участие иностранцев в какой бы то ни было форме», в 43 отраслях государство ограничивало участие только передачей технологий (текстильная, производство велосипедов, простых металлоизделий, безопасных бритв, а также лишь отдельных сложных видов оборудования для авиационной и горнодобывающей отраслей). Только в 37 отраслях участие иностранного капитала признавалось «необходимым» (основная химия, стекольная, специальные сплавы и т.д.), т.е. в отраслях, требовавших высокой технологии.

Вторая причина, которая сдерживала приток капитала, определялась существованием до 1972 г. в стране не менее 7 валютных курсов, что осложняло перевод средств из Пакистана за рубеж, получение импортных лицензий и т.д.

Не менее важно и отсутствие разработанных богатых залежей природного сырья, которые могли бы привлечь ино-

странные монополии и способствовали бы получению ими больших прибылей, какие получают ТНК в других странах, а также нехватка квалифицированных кадров, отсутствие трудового законодательства и т.д.

Серьезным тормозом притока иностранных инвестиций была и политическая нестабильность, частая смена режимов, сопровождавшаяся введением военного положения, что вызывало у вкладчиков неуверенность в надежности сохранения инвестируемых средств.

Определенными ограничителями притока капитала были и остаются плохо поставленная информация о сферах выгодного приложения его, о запасах и качестве полезных ископаемых, слабо развитая инфраструктура, административная волокита, коррумпированность чиновников и т.д.

Особенно осложнились отношения с зарубежными инвесторами в период правления З.А.Бхутто, который, хотя прямо и не затронул положение иностранных вкладчиков, однако провел национализацию ключевых отраслей в стране, чем вызвал не только падение доверия к режиму, сокращение притока средств, но и бегство как национального, так и иностранного капитала из страны. В результате общая сумма иностранных капиталовложений сократилась почти на 10%.

В то же время во второй половине 70-х годов произошли изменения в географии движения иностранного капитала в Пакистане. В связи с мировым нефтяным кризисом и обогащением за счет роста цен на нефть стран Персидского залива начался приток частного капитала из этого региона. Только в 1974/75 гг. он составил 144,9 млн. долл., а в 1975/76 гг. достиг 182,6 млн. Чтобы упорядочить выросший масштаб инвестиций и институционально регламентировать его деятельность, в 1976 г. был принят специальный закон об иностранных частных инвестициях (Содействие и защита), которым определялась деятельность иностранных вкладчиков. Согласно этому закону, иностранным инвесторам был предоставлен большой комплекс гарантий, льгот и стимулов, — таких, как гарантии репатриации прибылей и капитала, перевод за рубеж средств от амортизации, обложение налогами, не превышающими ставки для местных инвесторов, освобождение от двойного налогообложения (сейчас Пакистан имеет соглашения с 51 страной) и т.д. Иностранным гражда-

нам и юридическим лицам (компаниям, фирмам и т.п.) разрешено переводить ежемесячно до 50% чистого дохода с полученных средств. Предоставлялись также скидки с налога на продажи, таможенные скидки, льготы при подоходном налогообложении. Иностранцы могли владеть до 65% акций в публично-правовых компаниях. С 1987 г. с целью привлечения иностранного частного капитала и создания смешанных предприятий, использующих сложную технологию, правительство разрешило иностранным компаниям владеть 100% капитала, если будет применена наиболее сложная технология производства. Пересмотрен также размер роялти, выплачиваемый пакистанской стороной за полученную иностранную технологическую документацию в зависимости от сложности применяемой технологии, который был установлен в 1984 г. в размере 5%. В 1985/86 г. максимальная ставка корпоративного налога (для национального и для иностранного капитала) была снижена до 45% и введен ряд других льгот. Власти поощряли и деятельность иностранных банков: им разрешено увеличить их долю во вкладах с 10 до 11,7%, а в ссудах с 17 до 22%¹.

В начале января 1988 г. правительство Пакистана объявило об отмене контроля над частными местными и иностранными инвестициями в новые предприятия 12 отраслей промышленности, включающих электронную, нефтехимическую, цементную, производство черных и цветных металлов, тяжелое, общее и электротехническое машиностроение. Отменен контроль над ценами на большинство видов продукции указанных отраслей. Ранее был отменен контроль над ценами на такие товары, как пищевые масла, тракторы и мотоциклы. Этой мерой правительство пыталось заинтересовать иностранных инвесторов.

Иностранные частные инвестиции делаются в Пакистане в 4 разных формах: иностранные частные займы, репатрируемые инвестиции, не репатрируемые инвестиции и капиталовложения по схеме «плати, сколько ты зарабатываешь». По официальным данным, около $\frac{3}{4}$ составляют иностранные частные займы, остальные три формы инвестиций распределяются между собой примерно поровну².

Как по величине, так и по доле в ВВП прямые иностранные инвестиции в Пакистане за 1999–2005 гг. были ниже других стран Азии, что видно из приводимой таблицы 1.

Таблица 1
Азия. Прямые иностранные инвестиции*

	1999–02	2001–02	2002–03	2003–04	2004–05 (10 мес.)	% от ВВП
Всего (млрд. долл.)	82,2	64,5	79,2	80,4	90,0	10,0
Китай	38,6	46,8	52,7	51,0	54,9	3,4
Индия	2,9	5,5	3,6	5,0	5,3	0,8
Пакистан	0,46	0,48	0,7	0,94	0,89	0,8

* Pakistan Economic Survey 2004–05. Islamabad, 2005, с. 29.

Приток иностранного частного капитала варьировался год от года, однако имел тенденцию к некоторому росту. Так, если за 1988–89 – 1990–91 гг. он составлял несколько более 200 млн. долл. в год, то в последующие годы значительно возрастал, составив в 1991–92 гг. 553,6 млн. и 1532,3 млн. в 1994–95. С начала XXI в. тенденция эта сохранилась: в 2002–03 г. он составил 798 млн., в 2003–04 г. – 950 млн. В 2005–06 г. ожидается его приток в 1 млрд. долл.³

Если действительно приток составит 1 млрд. долл., это будет второй случай за все годы получения иностранных средств, превышавших 1 млрд. долл. В 1995–96 г. он достиг 1532,3 млрд. долл. По мнению пакистанских экономистов, для нормального развития экономики приток должен составлять 2–3 млрд. долл. в год, что позволит сделать ее экспортноориентированной и довести ее долю до 6–7% ВВП, как это было в 80-е годы. Следует подчеркнуть, что в мировом рейтинге из 140 стран Пакистан по инвестиционному потенциалу занимал в 2002–2003 гг. 114-е место. Если учесть размеры страны, население и экономический потенциал, Пакистан пока не имеет широких возможностей для роста инвестиций и характеризуется как страна с «низким потенциалом». Прямые иностранные инвестиции как таковые не могут радикально изменить экономику, если не будет эффективной современной инфраструктуры, высококвалифицированных кадров; гарантирована безопасность жизни людей и собственности; политическая стабильность; господство закона; квалифицированное управление и т.д. И всякое заявление о том, что Пакистан является «раем для инвесторов», равносильно потворству желаниям, а не ре-

альности⁴. Сравнительно невысоки и портфельные инвестиции: за 10 месяцев 2004–05 гг. они составили 135,5 млн. долл. против 131,3 млн. за соответствующий период предыдущего года⁵.

Иностранный частный капитал выступает в разных формах партнерства с местными фирмами, а также самостоятельно, представляя дочерние ТНК.

Преобладающей формой деятельности значительного количества иностранных частных компаний в Пакистане является создание смешанных предприятий с участием, как правило, крупного местного капитала, а иногда государственных организаций. Такая форма участия иностранного капитала дает возможность зарубежным компаниям, не вкладывая в пакистанскую экономику значительных средств, использовать как финансовые, так и материальные ресурсы этой страны, привлекать местный бизнес в наиболее прибыльные для себя сферы производства. Среди смешанных компаний и ТНК можно встретить названия всемирно известных фирм, таких как «Джеймс Финлей», «Юнилевер», «Липтон», «Брук Бонд», «Гэммон», «Империял Кемикл Индастриз», «Глаксо Лэбораториз», «Джонсон энд Филипс (Пакистан) Лтд», «Массей Фергюсон» и др. из Англии; «Калтекс», «Тексас», «Эссо», «Форд», «Дженерал Моторс», «Макс Тракс Инкорпорейшн», «Сайанамид», «Зингер» и др. из США, «Сузуки», «Мицубиси», «Тайота», «Хонда» и др. из Японии; «Сименс», «Филипс», «Байер-Верке» и др. из ФРГ.

По данным на 2004 г., в стране насчитывалось более 500 иностранных компаний, более 300 из которых ТНК, и всего 65 зарегистрированных на биржах. Количество компаний ни в коем случае не отражает их позиций на пакистанском рынке. В середине 80-х годов, например, компании с иностранным участием и ТНК осуществляли в Пакистане почти 90% запродаж фармацевтических товаров и продукции топливно-энергетической отрасли, более 50% табака и пищевых масел; японские фирмы практически монополизировали рынок мотоциклов и легковых автомобилей.

Правящие круги Пакистана создают благоприятные условия иностранному частному капиталу, что видно как по показателям эффективности их деятельности в Пакистане, так и по величине вывозимых прибылей.

Особо следует остановиться на деятельности и позициях ТНК в Пакистане. Основными направлениями их усилий являются финансы, торговля, промышленность и сфера услуг.

Последние два десятилетия проявляется большой и предпочтительный интерес к закупке технологии. Однако не все страны идут навстречу. Япония, например, менее охотно, чем другие страны, передает технологию, ограничиваясь технологией прогрессивной сборки автомобилей и средств транспорта. В 80–90-е годы XX в. в стране функционировало 55 смешанных пакистано-японских фирм в гостиничном деле, сфере услуг, компаниях, занятых продвижением японских товаров на пакистанский рынок, и ряд других. Многие страны, напротив, достаточно широко продвигают свою (часто далеко не передовую) технологию, получая при этом большие прибыли. Многие иностранные компании предпочитают передачу технологии всем другим путям проникновения на местный рынок, ибо это дает им до 35% чистой прибыли в оплату за нее⁶. Пакистан использует такую технологию, ибо собственная научно-исследовательская база развита слабо, национальные патенты внедряются крайне медленно. Это часто связано с намеренной задержкой их применения ТНК, т.к., получив исключительные права, компании стремятся ввозить больше своих товаров по завышенным ценам, а не внедрять патенты в производство. С другой стороны, сложности с передачей технологии возникают из-за слишком ощутимого разрыва между уровнем технологий, используемых в Пакистане и в промышленно развитых странах.

Позиции иностранного частного капитала на внутреннем рынке Пакистана в целом укрепляются. Филиалы ТНК и смешанные компании являются, как правило, самыми крупными по размерам в большинстве новых отраслей, поэтому они имеют возможность диктовать цены на внутреннем рынке. С середины 70-х годов прослеживается явное желание ТНК увеличивать свою собственность в Пакистане, этому способствует политика властей страны, направленная на преимущественное создание смешанных компаний.

ТНК стремятся занять прочные позиции и в банковском деле. Владея 9,5% депозитов ведущих банков, они получают только от одного Государственного банка займы, превышающие 20% ссудного капитала. Таким образом, национальные накопления попадают в руки западных ТНК и способствуют укреплению их позиций в Пакистане.

Нельзя не отметить, что транснациональный капитал использует более совершенную технологию и организацию производства, обеспечивает повышение производительности труда и как следствие этого достигает более эффективных производственных показателей. Среди различного рода призеров, получателей «трофе-

ев» за лучшие достижения мы находим таких представителей ТНК, как «Эксон Кемиклз Пак. Лтд», «Пакистан Барма Шелл», «Рекитт энд Колман оф Пакистан Лтд», «Порке Девис», «Глаксо Лабораториз (Пакистан) Лтд» и ряд других.

Достаточно высокие показатели деятельности ТНК объясняются также насаждением ими «ограничительной деловой практики», позволяющей занимать монопольное положение на рынке, получать монопольную прибыль, подавляя конкурентов или навязывая партнерам выгодные для себя условия обмена. Для получения монопольных прибылей ТНК оговаривают условия дележа рынков и покупателей внутри страны, чтобы исключить конкуренцию, требуют производить закупки сырья и капитального оборудования только у определенных международных корпораций или их филиалов. Метод закупок у головных ТНК или их филиалов, позволяющий устанавливать цены на закупаемое сырье и оборудование выше мировых, ведет к изыманию части прибылей у пакистанских филиалов ТНК без выплаты местной казне налогов, без валютных формальностей, связанных с переводом прибылей из Пакистана.

Что касается адресов получения инвестиций, то в последнее десятилетие XX века здесь произошли некоторые изменения. По темпам роста частных инвестиций первое место занимали США, но по сумме инвестированных средств первенство принадлежало Великобритании (125 млн. и 250 млн. долл. соответственно). Анализ источников получения чистого притока иностранных частных инвестиций показывает, что за 1976–1985 гг. первенство так и осталось за Англией, капиталовложения которой составили 1055,2 млн. рупий или 24,2% всей суммы, второе место сохранили США (725 млн. рупий или 16,6% соответственно), далее идут ОАЭ. В сумме нефтеэкспортирующие страны Ближнего Востока вкладывают более четверти всех иностранных частных инвестиций, однако темпы их прироста по сравнению с 70-ми годами сократились. Если в 1973–1977 гг. они составляли половину всех иностранных частных инвестиций в Пакистане, то в 1977–1982 гг. – уже около ¼. В начале XXI века почти 70% прямых иностранных инвестиций поступало из 6 стран (США, Великобритании, Швейцарии, Японии, ОАЭ и Голландии) и располагалось следующим образом: 54% из США, Англии и Швейцарии (483,4 млн. долл.), из ОАЭ – 7,7%, Японии – 4,3%, Голландии – 3,6%⁷.

Подавляющая часть инвестиций в 70-х и середине 80-х годов шла в промышленность обрабатывающую, горнодобывающую и строительство. Темпы прироста этих отраслей были также наи-

высшими. Причем со второй половины 70-х годов значительно возросли капиталовложения в модернизацию текстильных предприятий, нефтегазовую, автосборочную отрасли, производство удобрений, цемента, ядерную энергетику, электронику, радиотехнику и ряд других. В начале XXI века более 70% прямых иностранных инвестиций направляется в энергетический сектор, телекоммуникации, химическую, фармацевтическую отрасли и производство удобрений, далее идут нефтегазовая отрасль, банковское дело и финансы⁸, о чем свидетельствуют данные таблицы 2.

Таблица 2
Прямые иностранные инвестиции (млн. долл.)

№ п/п	Экономическая группа	2001–02	2002–03	2003–04	2004–05 (июль–апрель)
1.	Энергетика	36,4	32,8	(14,2)	61,8
2.	Химическая, фармацевтическая, производство удобрений	17,8	92,4	28,5	68,9
3.	Строительство	12,8	17,6	32,0	33,8
4.	Горнодобывающая, нефтяная, газовая	274,8	188,2	203,5	165,9
5.	Нефтепереработка, нефтехимия	5,0	3,0	72,4	11,6
6.	Пищевая, напитки и табак	(5,1)	7,0	4,5	15
7.	Текстильная	18,4	26,1	35,4	27,4
8.	Транспорт, хранение, коммуникации	35,2	114,1	230,7	124,3
9.	Машиностроение, кроме электроэнергетического	0,1	0,4	0,7	1,3
10.	Электроника	15,9	6,7	7,5	8,2
11.	Электромашиностроение	10,5	10,5	8,7	3,0
12.	Торговля	3,5	207,5	242,1	206,1
13.	Финансовый бизнес	34,2	39,1	35,6	42,1
14.	Туризм; бумажная промышленность и производство целлюлозы	0,8	1,5	1,8	–
15.	Цементная, сахарная	0,5	1,3	2,3	4,7
16.	Прочие	23,9	49,38	57,9	117,4
	Всего:	484,7	798,0	949,4	891,0

Источник: State Bank of Pakistan.

Отношение пакистанской буржуазии к проникновению иностранного частного капитала в страну носит неоднозначный характер. В широком плане этот приход приветствуется ею, ибо благодаря этому буржуазия имеет доступ к технологии, опыту, качественному сырью и оборудованию, получению высоких прибылей. В то же время определенные круги национальной буржуазии видят в ТНК своих конкурентов и потому противятся усилению их позиций в стране. Примером тому может служить запрет пакистанского правительства еще в 80-е годы под напором местной буржуазии продать акционерный капитал нефтяной ТНК «Барма Шелл» одной из своих дочерних компаний, т.к. это привело бы к дальнейшей концентрации капитала в руках одной из крупнейших ТНК и усилению ее позиций на рынке Пакистана. Другой пример. В 1986 г. пакистанские власти запретили фармацевтическим ТНК поднимать цены на лекарства на 30%. В стране существует и общая оппозиция росту монополистических тенденций, поддерживаемая исламом. Периодически проходят кампании по борьбе с усилением монополистических тенденций, не приводящие, правда, к каким-либо реальным результатам.

Нынешний режим Пакистана продолжает проводить политику «открытых дверей» для иностранных инвесторов, стараясь при этом не повредить интересам национальной буржуазии. Эта политика, хотя и медленнее, чем хотелось бы властям, начинает приносить свои плоды. Идет рост иностранных частных инвестиций, увеличивается количество смешанных компаний. В последние годы увеличился приток капитала в новые отрасли промышленности: особенно в производство радио и видеотехники, электроприборов, информационных технологий, в ядерную энергетику, автотранспорт, добычу минерального сырья, особенно нефти и газа. Многие ТНК планируют вывозить продукцию в третьи страны с предприятий, построенных в экспортно-промышленных зонах. Все отчетливее проявляется тенденция на сбыт продукции с предприятий ТНК, расположенных вне этих зон, на реализацию ее на внутреннем рынке. Расширяется деятельность иностранного частного капитала по организации субподрядных работ пакистанскими фирмами.

Как заявил недавно премьер-министр Пакистана Шаукат Азиз, «барьеры, существовавшие многие десятилетия, уже разрушились, и все сектора нашей экономики открыты для инвестиций. Нет ограничений на акции. Они могут составлять

100% или меньше. Нет ограничений на переводы прибылей, дивидендов, капитала, роялти и других выплат. Не требуются правительственные санкции на большую часть инвестиций»⁹. Премьер определил важность промышленных колоний и экспортно-перерабатывающих зон, которые открыты для иностранцев. Упрощен порядок получения виз, усилена роль Совета по инвестициям – основного стимулятора привлечения капитала. Премьер указал на главные привлекательные стороны для иностранных инвесторов. Это относительно дешевая рабочая сила, низкая стоимость капитала, стабильный валютный курс, сокращение тарифов на импорт сырья, снижение цен в телекоммуникационном секторе, сокращение тарифов на электроэнергию для промышленных целей и принятие ряда мер по сокращению стоимости ведения бизнеса.

В то же время нужна дальнейшая либерализация экономики, укрепляющая сотрудничество частного и государственного секторов, способствующая созданию благоприятного климата для инвесторов и квалифицированного управления экономикой.

Несмотря на невысокий в целом приток иностранных частных инвестиций в Пакистан, заинтересованность зарубежных инвесторов налицо: за последние два года более 100 деловых делегаций из 24 стран мира посетили страну, но результаты их поездок не привели к существенному увеличению притока капитала, так же как визиты за рубеж президента Первеза Мусаррафа, премьера Шауката Азиза и других официальных лиц и делегаций.

По всей видимости, на заинтересованность иностранных инвесторов во вложениях капитала влияют «политическая нестабильность, отсутствие главенства закона, недоверие к коммерческим контрактам и региональная напряженность. Страна должна платить более высокую цену за предпринимательские риски, чтобы привлечь вкладчиков»¹⁰.

* Промышленные колонии являются наиболее прогрессивной формой развития инфраструктуры, влияющей на работу и размещение промышленности. Суть создания промышленных колоний состоит в том, что государство через инвестиционные корпорации, которые получают от него долгосрочные займы, покупает большие участки земли, главным образом в непосредственной близости или на окраинах городов, и создает там инфраструктуру, строит склады, производственные помещения, после чего сдает в аренду участки для предприятий.

¹ Pakistan Economic Survey 1985/86, с. 75–80; Economic Review, September, 1996.

² Far Eastern Economic Review. 17.05.1988; Economic Review, September, 1996.

³ Pakistan Economic Survey 2004–2005; Overview Investment Opportunities in Pakistan // Daily Times. 11.04.2005.

⁴ Pakistan Observer. 11.10.2002; Dawn. 5.04.2005; Pakistan Economic Survey 2004–05, с. 29.

⁵ Pakistan Economic Survey 2004–2005, с. 29–30.

⁶ Pakistan Observer. 11.10.2002; Pakistan Economist. 22.02.2004.

⁷ Daily Times. 11.04.2005; Pakistan Economist. 2.02.2004.

⁸ Pakistan Economic Survey 2004–05, с. 29–30.

⁹ Pakistan Economist. 22.02.2004; Pakistan Economic Survey 2004–05, с. 29–30.

¹⁰ Seminar on Investment Opportunities in Pakistan // Daily Times, 11.04.2005; Dawn. 19.05.2003.

Барух Киммерлинг*

ФОРМИРОВАНИЕ И КРИЗИС ИЗРАИЛЬСКОГО СЕКУЛЯРИЗМА

Рассмотрев эти вопросы [касающиеся отношений между свободной личностью, государством и религией], я перехожу к государству евреев и описываю его в деталях, призванных продемонстрировать, почему и по чьей воле религия обрела в нем силу закона... Затем я показываю, что обладатели верховной власти являются [в этой стране] гарантами и интерпретаторами не только государственных, но и религиозных законов. Только они имеют право решать, что справедливо, а что несправедливо; что считать богоугодным, а что – богомерзким. И, наконец, я прихожу к выводу, что это право [решать] дано им во благо, и их правление будет прочным, если только каждому дозволяется думать то, что он хочет, и говорить то, что он думает.

*Барух Спиноза,
«Богословско-политический трактат»,
1670 г.*

Провал партии «Шинуй [«Перемена»] – Светское движение» на прошедших в Израиле 28 марта 2006 года парламент-

* Автор – профессор кафедры социологии Иерусалимского университета. Статья представляет собой переработанную версию главы «Светское еврейское израильское мировоззрение и его корни» из книги «Иммигранты, переселенцы, местные уроженцы. Государство и общество в Израиле между культурным плюрализмом и межкультурными войнами» (Тель-Авив: издательство «Ам овед», 2004), стр. 337–369, с дополнениями автора, сделанными специально для настоящего издания. Перевела с иврита Нина Хеймец. На русском языке публикуется впервые. Подготовка текста статьи на русском языке стала возможной благодаря поддержке Международной ассоциации деятелей еврейского образования и культуры «Эхо» и израильского Академического колледжа «Ораним».

ских выборах с новой силой поставил на повестку дня вопрос о кризисе израильского секуляризма – атеистической идеологии, отвергающей любые богословские системы и обосновывающей окружающую действительность, общество и человека исключительно исходя из опыта «земной» жизни. Партия «Шинуй», основными лозунгами которой в электоральных кампаниях 1999 и 2003 годов были именно «борьба с религиозным засильем», «правительство без ультраортодоксов» и борьба за светский Израиль, еще недавно бывшая третьей политической силой в парламенте страны, на этот раз не получила ничего, не пройдя электоральный барьер. Единственный из активистов «Шинуя», сумевший пройти в Кнессет семнадцатого созыва (по списку партии «Кадима») – профессор Уриэль Рейхман, которому Ариэль Шарон обещал пост министра образования. Однако новый премьер-министр Эхуд Ольмерт этот пост ему не предоставил, после чего профессор У.Рейхман объявил о немедленном уходе из Кнессета и из политики. Политическая сила, начертавшая на своих знаменах идеологию секуляризма, бесславно закончила свое существование в мире израильской политики. Эта ситуация побуждает внимательно и в сравнительно-исторической перспективе проанализировать генезис идеи еврейского (а позднее – израильского) секуляризма, отметив тот вклад, который эта идея внесла и вносит в формирование израильской культуры и национально-государственной идеологии.

1. Борьба между религией и национальным государством

В 1871 году Отто фон Бисмарк (1815–1898) стал имперским канцлером объединенной Германии. Помимо укрепления единства немецких княжеств и герцогств, основной задачей Бисмарка стало создание современного, сильного и либерального государства. Это намерение неизбежно повлекло за собой открытый конфликт с католической церковью, в которой он видел одно из препятствий на пути объединения немецкого народа и формирования общего для всех немцев самосознания, одним из основополагающих компонентов которого являлось протестантство. Разгоревшийся конфликт затрагивал самые разные сферы жизни общества, но наиболее остро он проявился в двух вопросах, от решения которых зависело, кто же на самом деле будет управлять жителями Германии: государство или церковь.

Важнейший спор касался того, в чем ведении будут находиться школы в стране и, соответственно, кто станет в них преподавать и что в них будет изучаться. Вторым камнем преткновения стал вопрос о том, кто будет иметь право проводить и регистрировать церемонии бракосочетания. В качестве одного из первых своих шагов Бисмарк обязал граждан Германии вступать в секулярный брак, заключаемый под эгидой государства (эта обязанность распространялась и на тех, кто вступил в брак в рамках тех или иных религиозных ритуалов). Вторым шагом стало издание Закона о государственном образовании, увольнение из школ учителей-иезуитов и смещение представителей римско-католического истеблишмента с руководящих постов в министерстве культуры Германии. Таким образом, католической церкви и ее власти была объявлена открытая и широкомасштабная война, получившая название «*Kulturkampf*», или «война культур». С тех пор «война культур» стала расхожим понятием, обозначающим конфликты между религией и государством; между религиозными и светскими людьми; между адептами разных направлений в рамках одной религии; а также между различными культурами, построенными на взаимоисключающих принципах и функционирующими в соответствии с ними. Другой принятый Рейхстагом закон обязал каждого, кто готовился стать священником, проучиться минимум три года в одном из немецких университетов, являвшихся в то время мировым оплотом Просвещения и свободомыслия. Наряду с этими мерами государство предоставило каждому индивиду право на свободу слова, гарантировало свободу печати и создания организаций, а также наделило города статусом муниципальных автономий. Таким образом, Германия воплотила часть идей, легших в основу французской революции и американской борьбы за независимость, или, иными словами, то, что консервативный Папа Лев XIII (1810–1903) гневно и презрительно называл «американизм», заклеив его как ересь.

Уже в 1864 году предшественник Льва XIII, Папа Пий IX (1792–1878), отчаянно пытавшийся противостоять веяниям модернизации, светских идеологий и протестантизма, опубликовал «Перечень главнейших заблуждений нашего времени» – список грехов и ересей, строжайше запрещенных каждому верующему. Эта энциклика представляла собой сборник запретов, повинностей и постулатов, которые являлись отражением тревог и сумятицы, охвативших церковь вследствие политиче-

ских и идейных революций того времени. В ней предавались анафеме пантеизм¹, социализм, светское мировоззрение, секулярное образование, нерелигиозное бракосочетание и демократия. 8 декабря 1854 г. Пий IX провозгласил догмат о непорочном зачатии девы Марии.

Преемник Пия IX, Лев XIII («миротворец») проявлял в теологических вопросах строгость, достойную своего предшественника, однако он осознавал, что если церковь не приспособится к «новшествам» (*rerum novarum*), она утратит свой авторитет в глазах паствы. Не отменяя «Перечень главнейших заблуждений нашего времени», Лев XIII снабдил его своей интерпретацией, написанной под влиянием идей просвещенного средневекового теолога Фомы Аквинского (1225–1274) и изданной в 1888 году отдельной брошюрой под заглавием *Libertas* («Свобода»). В этом документе Лев XIII выразил готовность рассматривать как положительные явления плюрализм и политический (но не религиозный) либерализм, демократию и свободу совести и даже сумел примирить немецкое государство с церковью, признав разграничение и разделение функций между этими институтами. Подобно Бисмарку, Лев XIII считал неприемлемым социализм того времени; при этом он в не меньшей мере осуждал эксплуатацию рабочих и принципы дикого капитализма и возлагал на государство ответственность за благополучие всех его граждан.

Таким образом, Бисмарк, по сути, был объявлен победителем в «войне культур». В качестве ответной меры были прекращены преследования католической церкви на территории Германии. Обратим внимание на то, как получивший официальный статус религиозный истеблишмент способен, трезво оценивая обстоятельства и соотношение сил, заново определить и проинтерпретировать, что входит в сферу его ответственности и влияния, и что остается за рамками его полномочий – подобно тому, как это сделал Лев XIII.

Контакты между религиями или между религией и любой другой отличной от нее системой ценностей являются одновременно и пересечением плохо сочетающихся друг с другом верований и точек зрения (которые исходят из принципиально отличающихся друг от друга предпосылок), и столкновением разнообразных и противоречащих друг другу интересов (зачастую определяемых религией или идеологией), конфликт между которыми, как правило, неизбежен. Когда конфликт под-

разумеает столкновение систем ценностей (религиозных или идеологических), он носит более острый, всеобъемлющий характер², нежели разногласия, возникшие из-за материальных интересов. На то есть две причины: (а) представляется крайне трудным выработать четкую и доступную «систему эталонов», с помощью которой можно было бы привести в равновесие конкурирующие друг с другом и взаимоисключающие ценности или создать своего рода «прейскуранты» ценностей (хотя мы, зачастую не отдавая себе в этом отчет, не перестаем совершать это в самых разнообразных жизненных ситуациях); (б) сравнительно просто мобилизовать отдельных людей и даже целые коллективы на борьбу друг с другом и развить в них стремление к самопожертвованию (порой доходящее до готовности отдать свою жизнь) ради высших ценностей, в которые они верят. При этом ничто не в состоянии укрепить эту веру в сердцах людей более прочно, чем религии и идеологии.

Из сказанного не следует, что любая борьба является результатом манипуляции жаждущими веры людьми, поскольку политические лидеры и другие элиты зачастую не менее искренни в своих верованиях, чем их паства. Более того, разные верования могут подразумевать общие интересы, которые способны сгладить идеологические противоречия или отодвинуть их на второй план, по крайней мере на какое-то время. Наконец, пламенная вера несет в себе богатейшие возможности для интерпретации, и в случае необходимости сильные лидеры нередко оказываются способны привести ее идеи и заповеди в соответствие с меняющейся действительностью.

Отсюда прослеживается связь между культурой, религией и тем, что принято называть «*Kulturkampf*», или «война культур». Зачастую речь идет о войнах в буквальном смысле этого слова – между религиями, конфессиями, между светской идеологией и религией или между церковью и государством. Эту борьбу следует считать «войной культур», поскольку она ведется во имя верований и идеологий, которые принято воспринимать как несовместимые друг с другом. Однако уже сейчас необходимо подчеркнуть, что, во-первых, мировые религии (христианство, ислам, иудаизм, а также буддизм и синтоизм [в 1868–1945 гг. – государственная религия в Японии]) навязывают своей пастве упорядоченное учение, в рамках которого предписываются правила поведения во всех сферах жизни, разворачивают перед ней систему космологических и телеоло-

гических [касающихся смысла и цели жизни] идей, а также предлагают интерпретации сложившегося миропорядка (отвечая, например, на такие вопросы, как «почему злодеи благоденствуют, а праведники страдают?»). В этом смысле функции религии и культуры почти полностью совпадают. Во-вторых, борьба, ведущаяся во имя религии, испокон веков переплеталась с политическими, экономическими, статусными, этническими, национальными и прочими интересами и соображениями. По этой причине война во имя религии во многом является войной культур.

2. Симбиоз религиозности и светского мировоззрения

Светское мировоззрение принято рассматривать как образ мыслей и культуру, ориентированные на земной мир (то есть, *saeculum*) и трактующие природные феномены и человеческие проявления с помощью рациональных понятий, подлежащих эмпирической и научной проверке. Это мировоззрение отвергает саму возможность существования трансцендентных или сверхъестественных сил – будь они «божественного» или «дьявольского» происхождения, – которые предопределяли бы судьбу индивида и общества, и отрицает теории, ориентированные на «грядущий мир». С исторической точки зрения, одним из политических первоисточников власти, опирающейся на трансцендентные понятия, было обожествление царя в древних египетской и ассирийской культурах, в результате которого идол, не выделявшийся из ряда себе подобных, стал единственным Богом – подход, в котором просматриваются зачатки монотеизма. Божественность – суть изобретение, позволяющее довести до максимума социально-политический контроль и дающее ультимативную легитимацию существующим формам общественного и политического мироустройства. Начиная с XVII века ни одна другая тема не удостоилась интеллектуальных усилий, равных тем, что были затрачены на формулировку «рационального» доказательства существования Бога, а затем – на споры и сомнения в факте его существования. Лишь по завершении этого этапа стало возможным придерживаться устойчивых атеистических воззрений, в основе которых – отличие от агностического скептицизма – лежала убежденность в несуществовании Бога или эквивалентной ему сущности. Начиная с XVIII столетия, с появлением ученых-энциклопедистов,

зарождением Просвещения, прогрессом научно-технической революции и возникновением «современного» мира, устанавливается бинарное разделение между «религиозностью» и «светским мировоззрением», – явлениями, которые с диалектической точки зрения не могут существовать друг без друга³. Корни светского мировоззрения уходят в различные религии, что объясняет разнообразие присущих ему форм. Действительно, могло показаться, будто человечество, или, по крайней мере, та его часть, что именуется «западным миром», неуклонно секуляризируется, причем процесс этот идет по нарастающей и не отличается вариативностью. Ожидалось, что религиозная вера, а также всевозможные суеверия и магия будут играть все меньшую роль, а потом и вовсе сойдут на нет. Однако последние десятилетия продемонстрировали, что одновременно с процессом секуляризации (*secularization*) может проходить и процесс повсеместно усиливающейся религиозности (*religionization*), и что они совсем не обязательно являются взаимоисключающими. Связь между светским и религиозными мировоззрениями существует вопреки политическим и идеологическим разногласиям и войнам культур, спровоцированным различиями между полярными картинами мира как на местном, так и на международном уровнях и часто воспринимаемым как столкновение цивилизаций.

Светскому мировоззрению в чистом виде трудно дать точное определение, даже если упрощенно охарактеризовать его как веру в отсутствие Бога, сотворившего мир и правящего им, а также вознаграждающего и наказывающего как отдельных людей, так и целые социальные общности; или даже как отрицание существования Бога по идеологическим причинам. Знаменитый религиовед Дэйвид Мартин замечательно сформулировал суть данной проблемы, отметив, что «религиозное и светское одновременно противоречат друг другу и проникают друг в друга. Нет ничего религиозного, что не могло бы быть светским. При этом с трудом найдется деталь секулярной жизни, которая не могла бы появиться в религиозном контексте»⁴. Краеугольные камни религиозной жизни (такие, например, как католическая литургия) могут стать достоянием универсальной секулярной культуры⁵. И наоборот, элементы, возникшие вне рамок религии, могут обрести глубокий религиозный смысл (как это произошло, например, с одеждой, навязанной в Европе евреям и другим иноверцам в XVI и XVII веках, чтобы отличать их от христианского большинства).

Два ключевых понятия секуляризма – «досуг» и «искусство во имя искусства» – также имеют религиозное происхождение. Эстетика религии должна была привлечь верующих к религиозным ритуалам, возвеличить святыне места, а также восславить писания и предметы культа. Разделение между ролями политических правителей и «людей божьих» – и даже самого Бога – не всегда соблюдалось. Как правило, религии (и, в том числе, иудаизм) не предусматривают таких понятий, как активный досуг или развлечение ради развлечения, рассматривая их как «неуважение к Торе» (*битуль Тора*) и «неуважение к труду» (*битуль мэлаха*)⁶. Время делится между выполнением «полезных» действий, направленных на обеспечение существования человека и социума, и «служением Богу». Оно не является чьей-то собственностью, и его запрещается тратить попусту. Например, «отдых седьмого дня» или запрет на выполнение «инструментальных» действий в праздничные дни создают особое, «святое» время, отличное от будней и распределенное между практиками, направленными на упрочение преданности общине верующих и уважения к ней. Важным этапом возникновения секуляризма и светской культуры стало отделение красоты от ее инструментальной функции и превращение ее в самодостаточную ценность; при этом установилась связь эстетики с новым параметром – личным временем, которое само по себе стало источником удовольствия, а также могло быть использовано для досуга и развлечений.

По мнению мыслителей, избравших секулярное общество в качестве объекта своего внимания (таких, как Вольтер, Жан-Жак Руссо или Джон Стюарт Милль), разум и человеческие познания должны развиваться, находясь в тесном контакте с инстинктами и человеческими чувствами (страхом, любовью, жалостью, ревностью и подобными им). Эмоциональные и спонтанные поступки начинают восприниматься не как деяния, диктуемые Богом или дьяволом, а как проявления личности или результат воздействия общества. Система поощрений и наказаний уже не является атрибутом какой бы то ни было трансцендентной, сверхъестественной «бухгалтерии», недоступной человеческому пониманию, а становится производной системы ценностей и самооценки человека (именуемой «совестью»), реакции его непосредственного окружения («общественный контроль») или деятельности законодательных, судебных и правоохранительных институтов государства.

С исторической точки зрения, а также под влиянием идей Карла Маркса (видевшего в религии «опиум для народа») светское мировоззрение принято связывать с культурой буржуазии и высших слоев населения, а религиозность – с культурой низших слоев. Прусскому королю Фридриху Великому (1712–1786) приписывается концепция, согласно которой религия необходима для того, чтобы держать в узде массы, а скептицизм (но не секуляризм) является привилегией власти имущих, интеллектуалов и различных элит. Однако сравнительные исторические исследования не подтверждают это заключение, указывая на то, что среди низших классов общества во все времена встречались проявления нерелигиозности⁷, причем речь не идет только лишь о маргиналах. При этом существовали элиты и иные группы, состоявшие из образованных людей, игравшие доминантную роль в обществе, но отличавшиеся при этом ревностной религиозностью.

Следствием процессов секуляризации стало также понятие «цельная автономная личность», или *persona*. Религиозный миропорядок также предусматривает существование личности, на которую налагаются обязанности и которой даже предоставляются определенные права. Однако такой индивид ведет свою жизнь в рамках телеологической системы, направленной на достижение цели, которая может быть недоступна человеческому разуму. Индивид может улучшить свое положение в грядущем мире с помощью одобряемых религией практик. Он также может заручиться знаниями о том, каково будет его положение «там» и даже уподобить его своему нынешнему статусу с помощью реализации своих способностей и возможностей «здесь и сейчас» (как предписывает учение Лютера⁸). Однако в рамках как более «жестких», так и более «свободных» религий личность как таковая не обладает правом на независимое существование, а рассматривается лишь как послушная часть коллектива, стремящегося к достижению трансцендентной цели. Секулярная идеология создала не только автономного индивида, целью и смыслом существования которого является самореализация, предусмотренная его человеческими и гражданскими правами, но и современный миропорядок, в котором не индивид всецело посвящает себя заботе о благе коллектива, а общество и государство должны служить индивиду и гарантировать его права и свободы.

При этом религии – как традиционные (например, различные течения в иудаизме, христианстве и исламе), так и новые (десятки тысяч сект, возникших во второй половине XX века) – проходят процессы секуляризации, постоянно впитывая светские принципы и понятия. Эта секуляризация выражается в использовании квазирациональных объяснений космического устройства, восприятии части научной информации о мире и превращении Бога в безличностную, не-магическую и нейтральную сущность; а также в подчеркивании практической важности исполнения религиозных заповедей и наделении верований рациональными смыслами⁹.

Одновременно с этим секулярный мир создал тотальные системы веры, в значительной мере контролирующее поведение личности и коллектива, а именно – массовые идеологии. Данные идеологии (к которым относятся национализм, фашизм, социализм и коммунизм) не только конкурируют с «конвенциональными» религиями, но и обладают – невзирая на свою подчеркнутую агрессивную секулярность – важными признаками последних. Во-первых, подобно религиям, новые массовые идеологии наделяют высшим смыслом существование того или иного мироздания и общественного устройства, они формируют особое историко-философское мировоззрение, под которое «конструируют» соответствующую коллективную память¹⁰. Во-вторых, в обоих случаях ответственность в значительной мере снимается с личности (и даже социума в целом) и передается внешним авторитетам, будь то конкретным вождям или государству или классу как таковому. В-третьих, новые идеологии, как и религии, предусматривают введение праздничных дней календаря, дней памяти, ритуалов и церемоний, направленных на укрепление коллективной солидарности и создание общности – например, приверженцев «национальной» религии, испытывающих патриотические чувства по отношению к государству. Кстати говоря, вера в науку (в особенности – в естественные науки) и психологию (как показывает опыт, в особенности в подходы Фрейда и Юнга) также может исполнять роль секулярной религии, в противоположность религии гражданской, являющейся порождением государства и использующей методы «конвенциональной религии» для его укрепления¹¹. Распространяя понятие «религиозности» на французскую революцию, на приход к власти большевиков и нацистов, Яков Тальмон углубляет его и на-

деляет новой перспективой. По его словам, «нельзя видеть в религии революцию, а в многочисленных движениях, являющихся ее проводниками (включая самое важное и влиятельное из них – марксизм во всех его проявлениях) – самодостаточные подходы и явления. Точнее будет сказать, что они являются рационализациями первоначального, квазирелигиозного инстинкта»¹². Представляется, что в эту категорию можно включить и сионизм, особенно учитывая его явные религиозные истоки.

Однако необходимо проводить различие между «гражданской религией», которая порождена государством и существует для того, чтобы оберегать его интересы¹³, и секулярными мировоззрениями, распространенными в гражданском обществе и среди элиты. Последние опираются не на государство, а на философию, естественные или общественные науки¹⁴. И все же на практике различия между религиями неуклонно стираются, поскольку по природе своей религии стремятся сохранять четко очерченные границы между коллективами и при этом имеют тенденцию смешиваться друг с другом, когда речь идет об идеях и интеллектуальных направлениях. Таким образом, именно после того как феномены «религиозного» и «мирского» были отделены друг от друга¹⁵, стало возможным их сближение. Подобное стирание границ стало еще более интенсивным в силу присущей секулярному мировоззрению гетерогенности и восприимчивости к влияниям извне (или во всяком случае, его стремления быть таковым), благодаря которым оно, по меньшей мере на словах, открыто для самых разнообразных общественных и интеллектуальных течений, а также готово руководствоваться принципами универсализма. Секулярное мировоззрение способно вместить в себя различные проявления религиозности; однако религиозность, в свою очередь, начинает придерживаться тактики обороны и укрепления границ, поскольку она воспринимает развитие светского мировоззрения такого рода как угрозу своему существованию. Таким образом, именно стирание границ между религиозностью и секулярностью усиливает напряжение, увеличивает потенциал возникновения конфликтов, умножает количество «камней преткновения» между ними и обостряет проблемы обществ, в которых сосуществуют радикально настроенные светские и религиозные группы населения, призывающие к политизации как религии, так и секуляризма.

3. Еврейский израильский секуляризм

Израильский секуляризм берет свое начало из многочисленных исторических, общественных и интеллектуальных истоков, зачастую являющихся взаимоисключающими. В последние десятилетия это многообразное наследие развилось в разностороннюю и богатую оттенками культуру, которая при этом не отличается гомогенностью. Изгнанного из общины и приговоренного ею к бойкоту еврейского философа XVII века Баруха Спинозу многие считают не только первым современным секулярным человеком, но и первым секулярным евреем¹⁶ и даже, в какой-то мере, предтечей сионизма (Спиноза писал о возможности восстановления еврейского государства в Эрец-Исраэль). Придерживаясь подхода, который сегодня принято называть рационалистической критикой Библии, Спиноза пришел к выводу, что божественные предписания были сформулированы политическими правителями, чтобы придать легитимацию своей власти и созданным человеком законам. При этом делалась ставка на универсальный ужас человека перед неизвестным, а также на его страх смерти. Спиноза первым увидел в описанных в ТАНАХе политических образованиях своеобразные еврейские национальные государства. По мнению Спинозы, религия должна быть государственной; всякая попытка отделить религию от государства и создать внутри государства отдельную церковь ведет к его разрушению. Спиноза соглашался с тем, что государственная власть имеет право использовать религию как средство укрепления общественной дисциплины. Вместе с тем он был убежден, что, в конечном счете, государство существует, чтобы служить индивиду и его свободному волеизъявлению, действующему здесь и сейчас, в этом мире, за пределами которого не существует ничего, кроме пустых верований. Отсюда следует, что государство должно гарантировать три основные свободы: свободу от страха, то есть от религии (которая, как отмечалось выше, построена на запугивании), свободу торговли и свободу мысли. Однако идеи Спинозы не легли в основу деятельности каких бы то ни было общественных течений. Лишь крайне ограниченный круг мыслителей имел представление о существовании философа и о его концепциях.

Поэтому можно утверждать, что одним из основных источников еврейского секулярного мировоззрения в том, что касается общественной жизни, стали еврейское Просвещение (*Aufklärung*)

и сопутствовавшая ему идеология. Их возникновение относится к восьмидесятым годам XVIII века – периоду, когда одновременно с социальной и политической эмансипацией начала формироваться элитарная еврейская культура, средством выражения которой стал как библейский иврит, так и другие языки – в первую очередь те, на которых говорило местное население стран рассеяния¹⁷. Речь шла о группе писателей, поэтов, эссеистов и журналистов, принадлежавших к обоим культурам – как интернационально-европейской, так и еврейской – и владевших многими языками. Костяк движения, центр деятельности которого находился в Пруссии (в Берлине, Бреслау [ныне – Вроцлав] и Кенигсберге), насчитывал около двухсот человек. В детстве или юности они не избежали пресса традиционного еврейского образования, а повзрослев, стали адептами (одни в рамках формального обучения, другие – самостоятельно) местных интеллектуальных веяний и восприняли культуру Просвещения. В большинстве своем они зарабатывали на жизнь, подражая секретарями, управляющими и репетиторами к влиятельным представителям еврейской общины. Эта группа начала выпускать в свет журнал «*Ха'меасэф*» [«Альманах» – ивр.]; в 1783 году в Кенигсберге было образовано общество, ставившее целью популяризацию иврита среди евреев. *Маскилим* также открыли еврейскую типографию (что позволило им использовать новейшие технологические достижения того времени для распространения своих идей)¹⁸ и основали в Берлине школу «*Хинух наарим*» [«Воспитание юношества»]. Однако главным проектом прусского движения Просвещения стало «толкование» Библии. Этот проект свидетельствует о двойственном отношении энтузиастов Просвещения к религии и еврейской традиции. С одной стороны, они не могли абстрагироваться от этих факторов, с другой – стремились наделить их новой интерпретацией, которая была бы адекватна месту и времени и, таким образом, поставить их на службу «перевоспитания» народа (впоследствии сионистское движение частично унаследует у них этот подход). Интеллектуальным лидером этой группы являлся Моше Мендельсон (1729–1786). По мнению некоторых историков, первые приверженцы идей Просвещения пытались сочетать четыре вида самосознания: еврейское религиозное; национальное¹⁹; гражданское сознание подданных стран, в которых они жили; и универсальное сознание человека как такового.

Однако еврейские язык и культура пережили наибольший расцвет и прошли процесс полной секуляризации не в Западной Европе, а в России, в период между погромами 1881–1882 годов и началом первой мировой войны в 1914 году; причем это произошло после раскола в движении Просвещения²⁰. В этот короткий, но насыщенный событиями промежуток времени возникла богатая оттенками письменная культура на иврите, включавшая в себя как оригинальную, так и переводную литературу, поэзию, драматургию, эссеистику, философские сочинения, труды в области точных наук, исторические исследования и журналистику²¹. Вместе с тем необходимо отметить, что подобно идишской культуре, также переживавшей в ту пору период небывалого расцвета, культура, чьи носители писали на языке иврит, была в целом индифферентна к сионистскому движению. Как было отмечено выше, генеалогия ивритской секулярной культуры берет свое начало раньше, в период кардинальных изменений, сопряженных с движением еврейского Просвещения, развернувшимся в XVIII веке, когда революция во Франции принесла евреям эмансипацию. Таким образом, был заложен базовый слой еврейской секулярной культуры, столпом которой тем не менее стала религия. Всеми силами сражаясь с религией, эта культура оказалась не в состоянии ее отторгнуть. К примеру, Ахад ха'Ам (1856–1927) придерживался точки зрения, согласно которой секулярный культурный национализм, ставший одним из последствий Просвещения, уходит корнями в еврейскую традицию, к которой относится и религия в ее раввинистическом варианте. Другие, подобно Баруху Курцвайлю (1907–1972), считали данную культуру революционным изменением, антитезой традиции. Даже в возрождении языка иврит, которое Ахад ха'Ам рассматривал как обращение к традиционной культурной базе, Б.Курцвайль был склонен видеть диалектический процесс. Он утверждал, что «секуляризованный» иврит призван стать инструментом в борьбе с традицией и религией, однако оказывается в терминологической ловушке, которую сам же себе и поставил.

Моше Мендельсон, а также писатели и поэты *Хаскалы* не хотели утратить свою еврейскую идентичность. Однако их «выход из гетто» сопровождался отделением этой идентичности от религии – так возникла традиция еврейского национального движения, сопряженного с попытками секуляризации иврита и развития в нем регистров, отвечающих различным социальным

ситуациям и культурным потребностям. Не исключено, что первые шаги в этом направлении сделал итальянский раввин Моше Хаим Луццатто (1707–1747)²², который начал свою профессиональную деятельность, написав сценарий «Деяния Самсона» (1727) в стиле греческой трагедии. С древних времен, когда евреи сражались с греками и римлянами, «восприимчивость к греческой культуре» (*итъявнут*) служила именем нарицательным, синонимом ассимиляции. М.Х.Луццатто сочинял песни на манер псалмов Давида, а раввины Падуи накладывали вето на их исполнение и распространение. Так началась первая в истории война культур между раввинистическим иудаизмом и зарождающейся квазисекулярной культурой. В ответ М.Х.Луццатто сочинил пьесу «Крепкая опора» (1737) – она была написана в форме итальянской пасторальной драмы того времени, однако автор придал ее сюжету столь характерные еврейские черты, что некоторые критики усматривают в ней каббалистическую аллгорию. Последняя пьеса М.Х.Луццатто «Праведным – слава» (1743) в аллегорической форме выражает чувства человека, подвергающегося преследованиям (по-видимому, чувства самого автора в результате споров о его идеях). Так писали итальянские адепты Просвещения, выражая свой протест стремящейся подавить инакомыслие католической церкви. Что касается М.Мендельсона, то он хранил верность еврейству и полагал, что сумеет доказать собственным примером и своим творчеством возможность участия еврея в общеевропейской культуре без утраты им своей национально-религиозной индивидуальности. Вместе с Г.Э.Лессингом (1729–1781) он стремится обогатить и возвеличить немецкий язык, тем самым повысив его статус относительно французского, переведя для этих целей ТАНАХ на немецкий язык и снабдив его комментариями (опубликованы на иврите под названием «Тропы мира» в 1780–1783 гг.). Несмотря на свою приверженность идеям Просвещения и близкое знакомство с Карлом Марксом, М.Мендельсон не становится ивритским секулярным мыслителем и не создает трудов на этом языке, подобно тому, как это делал М.Х.Луццатто²³.

В период между 1784 и 1811 годами, с перерывами и под редакцией разных людей в свет выходит первый в Германии ивритоязычный журнал сторонников Просвещения «Ха'ме-асеф». Это издание становится трибуной для большинства пишущих на иврите авторов того времени, в нем печатали свои произведения все ведущие *маскилим* [просветители]

Германии: Ш.Маймон (1753–1800), Д.Ф.Мендес (1713–1792), И.А.Эйхель (1756–1804) и другие. От журнала веет наивным просветительством; на его страницах превозносятся еврейская традиция, наибольшее внимание уделяется вопросам, связанным с ТАНАХом; и, за редкими исключениями, авторы избегают критического подхода к обсуждаемым ими темам. Показательным примером отношения представителей данной интеллектуальной школы к Востоку может служить повествование о путешествии в Марокко «Восточные странствия», написанное под явным влиянием биографии Марко Поло итальянским евреем Шмуэлем Романелли (1757–1817). Книга представляет собой череду этнографических наблюдений за образом жизни принадлежащих к разным слоям населения арабов и евреев мусульманских стран и несет на себе отпечаток европейского ориентализма. По всей видимости, большинство описаний является плодом фантазии автора в гораздо большей мере, чем отражением реальности, однако благодаря этой книге евреи-приверженцы европейского Просвещения впервые столкнулись со своими экзотическими «восточными» собратьями.

Несмотря на некоторую скудость принесенного им урожая, еврейско-немецкое Просвещение создало своего рода «еврейской новой формации», не отрекающегося от религиозной веры, но стремящегося достичь компромисса между нею и современной наукой, а также заложило основы «еврейского знания» (*Wissenschaft des Judentums*), именуемого также иудаикой или иудаистикой. Возник подход, ставящий во главу угла физический труд, работу в сельском хозяйстве, «полезные» свободные профессии, усовершенствование методов преподавания в соответствии с новыми требованиями педагогики того времени, усиление тяги к эстетике, возвращение к природе и восприятие ТАНАХа как текста, на основе которого можно будет создать новое еврейское сознание. «Главной задачей стало создание еврея новой формации, просвещенного гражданина, который, зная ТАНАХ и следуя ему, одновременно будет современным европейцем»²⁴. В целом этот подход проводит границу между гражданско-общественной и частной сферами жизни и создает образ «немца (или, скажем, француза) иудейского вероисповедания». Однако при этом сам факт подобного разграничения воссоздает еврейство как религиозную общину (*Religionsgemeinschaft*), хотя в данном случае речь идет о социальном феномене, нежели о гетто, имеющем географическую территорию. В Галиции, где

монархия стремилась силой навязать евреям Просвещение, конфликт между евреями, придерживающимися традиционного мировоззрения и образа жизни, и адептами новых веяний проявился в гораздо более острой форме и привел, среди прочего, к развитию жанра сатиры, в котором писал, например, врач по профессии Ицхак Эртер (1791–1851). Сатирические произведения И.Эртера были направлены против хасидизма, хасидских лидеров (цаддигов) и каббалистов: их невежества, суеверия и воинственного сопротивления Просвещению, а также против сторонников ассимиляции, которые, «отряхнув» «еврейские» грехи, «набрались» грехов «европейских».

Другим, гораздо более древним истоком еврейского светского мировоззрения послужила развивавшаяся на языке идиш народная культура «низших слоев»²⁵, сформировавшаяся под сильно ощутимым влиянием местного европейского населения. Долгое время идиш воспринимался как по сути своей разговорный, «приземленный» язык, иврит же выполнял функции языка письменности и «высокого слога», как у ашкеназов, так и у сефардов. Иврит не был в полном смысле слова «мертвым языком», но при этом он практически не использовался в разговорной речи. По всей видимости, идиш зародился в X веке, развиваясь как сплав эклектических элементов разговорного и письменного иврита, арамейского языка, а также различных немецких диалектов. Для его появившихся позднее письменных текстов и печатных изданий стал использоваться ивритский алфавит²⁶ с несколько измененными правилами орфографии. До конца XVII века идиш являлся этническим языком большинства евреев мира, позволяя им общаться между собой²⁷. Орфографические правила варьировались от региона к региону, и только в начале XX века их отчасти удалось стандартизировать – благодаря движению «Пишем, как слышим», первыми подвижниками которого стали писатель Шалом Алейхем (1859–1916) и Дов Бер Борохов (1881–1917), работы которого «*Ди ойфгабен фун дер идишер филологие*» [«Задачи еврейской филологии», 1913] и «*Ди библиотек фун дем идишн филолог*» [«Библиотека еврейского филолога» — библиография 400 лет исследования языка идиш] внесли существенный вклад в филологию языка идиш. Из германо-язычных стран и Голландии идиш распространился на восток Европы, вбирая в себя слова из романских (итальянского и румынского), славянских (главным образом, русского и польского) и других языков.

По сути, начиная со средневековья, образованные евреи являлись полиглотами, знатоками всевозможных диалектов. Они привносили в идиш культурные и языковые элементы той эпохи, не чувствуя себя связанными какими бы то ни было идеологическими ограничениями²⁸. Подобно большинству феноменов культуры средневековья, в идише не проводилось различие между «мирским» и «религиозным», о чем позволяют судить уже наиболее ранние из дошедших до нас текстов на этом языке. К ним относятся изданный в 1272 году молитвенник и рукописи из фондов университета в Кембридже, обнаруженные в Каирской генизе²⁹ и датированные 1382 годом. Эти манускрипты представляют собой рифмованные эпосы, темой которых служат библейские сюжеты (такие, как странствия Авраама, продажа Иосифа в рабство, смерть Аарона и так далее), а также переводы историй о мифологических героях народных преданий. Отсутствие разграничения между «мирским» и «религиозным» наглядно проявилось в сотнях версий «Пуримшпиля», одного из центральных фольклорных мотивов идишской культуры. В сценарии этих постановок, как правило, включались скрытые или явные намеки на актуальные события, при этом зачастую было заметно влияние языческой и христианской поэзии (в частности, стихов, посвященных праздничным возлияниям и проявлениям страсти) и карнавальных традиций. Наряду с этим издавались притчи и драмы на библейские темы, такие как «Давид и Голиаф» и «Моисей во Фрайбурге». Уже в XVI веке прилагаются усилия по переводу на идиш Пятикнижия и всего ТАНАХа. Эти издания предназначались, в первую очередь, для женщин и «простонародья», однако можно предположить, что и некоторые представители элит читали подобную литературу. Адепты идишского направления Просвещения пытались уже в конце XVIII века добиться стандартизации письменного языка, а также разработать «высокий» стиль идиша, что зачастую сопровождалось демонстрацией презрения к народным «Пуримским пьесам». Две комедии эпохи *Хаскалы*, написанные в 90-х гг. XVIII века И.А.Эйхелем (1756–1804) и А.Вольфсоном (1754–1835), ознаменовали закат литературы на идише в Западной Европе, где евреи добровольно интегрировались в немецкую культуру и литературу. Обе комедии были проявлением складывавшихся в то время тенденций к ассимиляции: стремясь уничтожить популярный *пуримшпиль* с его «испорченным» языком, они позволяли говорить на идиш лишь отри-

цательным персонажам, в то время как положительные говорят – или пытаются говорить – на «чистом» немецком языке.

В то время как в Западной и Центральной Европе эмансипация повлекла за собой переход большинства евреев с идиша на местные наречия, в ее восточной части идиш продолжал играть ведущую роль в еврейской жизни, развившись на различных регистрах и как «язык улицы», и как язык высокой культуры (последнее стало возможным, несмотря на его «просто-народное» происхождение, которое продолжало заявлять о себе). И все же Просвещение способствовало тому, что идиш перестал ассоциироваться лишь с женщинами, детьми и малограмотными людьми и превратился в язык «утонченной» литературы. За погромами 1881–1882 годов последовала новая волна двуязычной (идишско-ивритской) прозы и поэзии, к которой принадлежали Ицхак Лейбуш Перец (1852–1915), Менделе Мойхер Сфорим (Шалом Яков Бройде, 1835–1917) и Шалом Алейхем (Шолем Рабинович). Разочаровавшись в Просвещении и в необыкновенных возможностях, которые якобы несла в себе эмансипация, эти авторы рисовали местечко, штетл, в нелицеприятных красках, впервые создавая шедевры секулярной еврейской литературы, адекватной своему времени.

На рубеже XIX и XX веков язык и культура идиш стали рупором еврейских революционных рабочих движений несионистского толка (главным образом, «Бунда») в США и Восточной Европе. Стихи и проза, выходившие в свет на этом языке, отражали страдания еврейских рабочих и иммигрантов, угнетаемых своими соплеменниками и притесняемых иноверцами³⁰. С 30 августа по 3 сентября 1908 г. в Черновцах [тогда этот город находился в Австро-Венгрии] состоялась конференция прозаиков, поэтов, драматургов и эссеистов, пишущих на идише. Это событие стало беспрецедентной демонстрацией значения идиша как языка национальной секулярной еврейской культуры. Некоторые из участников конференции требовали объявить идиш единственным национальным секулярным языком (в противовес ивриту, языку религии и сионизма). Несмотря на то, что официально такого решения на конференции в Черновцах принято не было³¹, между идишем и ивритом, по сути, была объявлена война языков и культур³². За обрушившимися на Россию революциями и Гражданской войной (1917–1922) последовал раскол между «американским» и «советским» вариантами идиша. С прибытием в Палестину/Эрец-Исраэль второй волны алии, сионистское движение

объявило идишскую культуру одним из своих главных противников, а ее язык – языком рассеяния; оно превратило эту культуру в парию и привело к ее фактическому уничтожению (или, во всяком случае, к тому, что идиш не привился на израильской почве), таким образом, продолжив начавшуюся ранее войну культур³³. Однако ивритоязычная сионистская культура, развившаяся в Палестине/Эрец-Исраэль, во многом стала результатом исчезновения в Европе читающей на иврите аудитории. Как следствие, пишущие на этом языке литераторы столкнулись с необходимостью создать рынок, который был бы ориентирован исключительно на их произведения, при этом соединяя на уровне «условных рефлексов» ивритскую культуру, сионистское мировоззрение и язык иврит. Иными словами, увидев, что ряды их читателей в Европе тают и при этом в Северной Америке не формируется рынок сбыта их продукции, ивритоязычные интеллектуалы, писатели и издатели примкнули к сионистскому движению, стремясь таким образом создать для себя новую, свою собственную читательскую аудиторию и свой собственный «народ». Именно эти процессы стали подоплекой того, что Зоар Шавит именует «переносом центра культуры из Европы в Эрец-Исраэль». Также именно по этой причине идишская культура была объявлена «галутной», отношение к ней отличалось агрессивностью и неготовностью к компромиссам, а влияние ивритоязычной культуры росло в Эрец-Исраэль день ото дня. По словам Зоар Шавит, «осознание неестественности положения ивритоязычной литературы в Европе, позже признанное и сформулированное литераторами и спровоцировавшее перенос литературного центра в Эрец-Исраэль, стало возможным благодаря более внимательному анализу перспектив развития европейской ивритской культуры. Последняя существовала в состоянии диглоссии [ситуации многоязычия, при которой различным социальным функциям строго соответствуют те или иные языки] и, используя этот термин в более широком смысле, «диглоссии культур» (или «многокультурности»). Более того, она априори была лишена возможности «нормально» функционировать, поскольку ее развитие как системы многоуровневой – являющееся отличительным признаком любой «естественной» структуры – не считалось ни необходимым, ни легитимным»³⁴.

Другим важным истоком израильского секулярного мировоззрения стал социализм в различных его проявлениях. Будучи, по сути своей, явлением светским, социализм отвергает любые трансцендентные авторитеты и сам в значительной мере явля-

ется альтернативной секулярной религией³⁵. Представители второй и третьей волн алии, прибывшие в Палестину/Эрец-Исраэль между 1933 и 1937 годами, стали играть ведущие роли в ее развивавшейся политической системе. При этом они воспринимали себя как секулярный, социалистический авангард, отстаивающий национальные интересы. Поскольку из этой среды вышло большинство политической элиты *ишува*³⁶, ее представители, стремясь к установлению гегемонии, могли навязать свою систему взглядов всему обществу³⁷. Едва ли не основным символом этого авангарда – киббуц – был живущей по строго определенным этическим законам секулярной коммуной. Важная роль в создании новой «гражданской религии» принадлежала системе образования. Несмотря на то, что большинство членов профсоюза учителей не состояло в социал-демократических партиях, многие из них поддерживали идею формирования новой ивритской нации. Они с готовностью включились в проект, главными осями которого являлись секулярный национализм и язык иврит³⁸. Не следует также забывать, что отцы-основатели сионистского движения («политического направления в сионизме») были людьми не только светскими (по меньшей мере, во втором поколении), но и ассимилированными. Их философские и политические воззрения уходили корнями в интеллектуальные традиции Центральной и Западной Европы. Именно там они почерпнули идеалы либерального национализма в духе идей Джузеппе Мадзини (1805–1872) в Италии, Лайоша Кошута (1802–1894) в Венгрии и Томаша Масарика (1850–1937) в Чехии³⁹. Теодор Герцль (1860–1904), Макс Нордау (1849–1923), Исраэль Зангвиль (1864–1926) и их единомышленники категорически отвергали возможность установления теократии и наделения равнинов и религиозных институтов каким бы то ни было политическим весом в грядущем еврейском государстве. Едва ли не с момента возникновения сионистского движения они вели «войну культур» с немногими примкнувшими к нему представителями религиозного истеблишмента, мечтавшими построить государство, которое будет жить по галахическим законам⁴⁰. Остро нуждаясь в том, чтобы их детище получило религиозную легитимацию, отцы-основатели тем не менее противостояли вышеупомянутым тенденциям и не изменили своей политике, даже когда она привела к расколу движения.

Со своей стороны, ортодоксия вела с сионизмом сражения, превосходившие по своим масштабам ее войну с секуля-

ризацией, ассимиляцией и эмиграцией в Северную Америку⁴¹. Происходило это потому, что именно в светском сионизме она видела своего самого непримиримого идеологического противника. Не исключено, что именно эта война, которой столь рьяно предавались обе стороны, служит свидетельством их необычайной близости. Ведь не существовало другого еврейского движения, которое бы – подобно сионизму – переняло такое количество элементов и символов из религиозной традиции, избрав для иммиграции, колонизации и формирования нации «святую землю» и «святой язык».

Последним (во всяком случае, с хронологической точки зрения) фактором, повлиявшим на формирование израильского секуляризма, стало государство, которое, способствуя развитию этого мировоззрения на уровне идеологии и, главное, на уровне институционального устройства, стремилось всецело поставить его себе на службу. Будучи этническим еврейским государством в том, что касалось его идентичности и символики, оно не могло позволить себе стать абсолютно светским (даже несмотря на тот факт, что его формообразующие элиты придерживались главным образом социалистического секулярного образа жизни), поскольку в сионизме смешались национализм, социализм и религия. Это сочетание остро проявилось в отказе государства от своей юрисдикции в вопросах брака, когда их решение было поручено теократическим экспертным организациям, руководившимся законами Галахи, а соответствующие юридические полномочия переданы раввинатским судам⁴². Вместе с тем сразу после основания государства в него началась массовая иммиграция евреев из стран, которых не коснулись процессы интенсивной секуляризации, что ставило под удар его классовую структуру, а также сложившиеся в нем идеологические и культурные традиции. Одной из мер, предпринятых государством в ответ на эту угрозу, стало формирование этатистской гражданской идентичности религиозного толка, ориентированной на выполнение стоящих перед страной задач. Ставя во главу угла понятие, относящееся к современному, секулярному миру – «государство» со всеми его институтами, включая армию, – новая идеология наделяла его значениями, уходящими корнями в «конвенциональную» религию⁴³.

В том, что касалось символики, помимо несущих ярко выраженные религиозные мотивы флага, гимна и герба, государство ввело циклический календарь праздников, дней траура и

памяти, в соответствии с которым оно могло проводить свои ритуалы. Памятные даты этого календаря представляют собой трехуровневую структуру. К первому уровню относятся еврейские религиозные праздники, перенятые государством, однако отмечаемые в определенном соответствии с религиозной традицией (речь идет главным образом о Субботе, еврейском Новом годе, Судном дне, а также о Песахе и празднике *Суккот*, которые и прежде пытались наделить новой, соответствующей актуальной реальности интерпретацией). В период, предшествовавший провозглашению независимости, эти праздники если и отмечались, то еврейской общиной, причем происходило это добровольно и согласно местным обычаям. С провозглашением независимости Государства Израиль эти даты стали общегосударственными праздниками⁴⁴. Второй уровень представляет собой смесь традиционных религиозных праздников и нововведений, включенных в календарь сионистским движением еще до провозглашения независимости Государства Израиль (к подобным датам относятся *Пурим*, *Ханука*, *Ту би-Шват*, а также 11-е число месяца Адар⁴⁵, 20-е число месяца Таммуз⁴⁶ и 21-е число месяца Таммуз⁴⁷). К третьему уровню принадлежат новые, учрежденные уже после провозглашения независимости праздники. Их основной темой служило государство, главным образом его армия. Некоторые из них полностью прошли процесс институционализации, превратившись в интегральный элемент израильской «гражданской религии», другие же продолжались совсем недолго и исчезли с календарных страниц⁴⁸. К ныне отмечаемым праздникам этой группы относятся:

1. 5-е число месяца Эйяр, день провозглашения государства, именуемый Днем независимости. Именно тогда, с формальной точки зрения, было основано Государство Израиль. Этот день стал самой священной датой в национальной «гражданской религии». Хотя споры о том, как именно следует отмечать День независимости, не утихли и по сей день, важность этой даты признается почти всеми секторами израильского общества⁴⁹, и она отмечается не только в Израиле, но и в еврейских общинах в зарубежных странах.

2. В 1951 году было принято решение разделить День независимости и День памяти павших в войне 1948 года (а позднее – во всех войнах и военных операциях) и учредить для этой цели особую дату, которая будет отмечаться накануне Дня независимости.

3. В том же году было постановлено, что 27 числа месяца Тевет будет отмечаться «День Катастрофы и восстаний в гетто». Первоначальной целью данного решения было, в первую очередь, увековечить ставший легендой подвиг повстанцев Варшавского гетто, а также отдать дань сопротивлению в других гетто и партизанской войне в целом, при этом в духе того времени подчеркивая героизм евреев⁵⁰.

Историк Маоз Азариягу подводит итоги создания государством официальных культов следующим образом:

«В этом году народная радость была полностью воплощена в празднике [Дне независимости], и не приходится сомневаться, что этому способствовали тщательное планирование и качественное оформление», – писал Д.Бен-Гурион в телеграмме, отправленной им организаторам празднеств в честь Дня независимости в 1950 году. В этих строках нашла свое выражение официальная концепция, согласно которой культ независимости являлся культом государственным: народная радость спонтанна; задачей устроителей торжеств является не вызвать радость, а направить ее в нужное русло, организовать ее в рамках национального праздника. Однако позже им стало ясно, что радость все же нужно вызвать, так же как необходимо создать праздничную атмосферу и учредить торжественные официальные церемонии. Народные массы были героями праздника и одновременно – участниками торжеств, планируемых и проводимых властями. В любом случае спонтанность была организованной и носила официальный характер⁵¹.

Следует отметить, что базирующаяся на интересах и символах государства новая гражданская религия нашла свое выражение не только в учреждении официальных культов и памятных дат, хотя и те, и другие играли важную формообразующую роль. Помимо этого возникла разветвленная, централизованная, авторитарная правительственная бюрократия, контролировавшая распределение ресурсов, источником которых служили выплачиваемые Германией репарации, а также помощь, оказываемая Израилю мировым еврейством. За формирование этой новой гражданской религии отвечали два главных государственных «подрядчика»: армия и система образования. Наряду с ними на службу этой цели были поставлены старожилы во главе с создателями ивритской культуры (писателями, поэтами, профессорами и учителями), а также широкие круги гражданского общества, опасавшиеся, что на-

хлынувшая в страну волна массовой иммиграции полностью разрушит «ивритский *ишув*», в возведение которого было вложено столько сил.

4. Секулярная культура в Израиле: от «ивритской» к «израильской» идентичности

Как было сказано выше, в Израиле существует развитая, прочно укоренившаяся и опирающаяся на богатые традиции секулярная культура. В период, предшествовавший созданию государства, эта культура легла в основу «ивритского самосознания», на смену которому с провозглашением независимости пришла новоизобретенная, сформированная как основа самовосприятия коллектива национально ориентированная «израильская идентичность». Несмотря на наличие определенных исторических корней, это секулярное мировоззрение изобилует внутренними противоречиями, как, впрочем, и любое секулярное мировоззрение, по сути своей являющееся идеологией, отрицающей идеологию, и нерелигиозной религией, «освящающей» то, что «не свято». К тому же, данное мировоззрение чрезвычайно хрупко, особенно в израильском случае, когда нация (*леом иехуди*), в сионистском понимании этого слова, неразрывно связана с еврейской религией (*дат иехудит*), и границы между этими понятиями весьма размыты. Как известно, секулярный сионизм избрал «Сион» в качестве объекта иммиграции и создания современного еврейского общества и государства (отвергнув альтернативные варианты), вдохновившись не (отсутствующими) природными богатствами этой территории, благоприятным климатом или ее доступностью с политической точки зрения, а прежде всего из-за ее религиозной и исторической значимости. Только воспользовавшись «национализированными» религиозными символами и сантиментами, сионистское движение могло привлечь в свои ряды хотя бы малую толику евреев, массово покидавших Восточную Европу и стремившихся главным образом в Северную Америку.

И все же образ жизни и самовосприятие большинства граждан Израиля по сути своей являются секулярными, хотя и не атеистическими. По мере ослабления светской ашкеназской гегемонии «секулярная культура» перестала восприниматься как единственный синоним «израильской культуры» и стала отличать лишь один из секторов израильского общества⁵². Сегодня, анализируя структуру израильского социума, следует

учитывать сочетание культуры, этнического происхождения и социально-экономического статуса. Так, к примеру, по данным Ш.Леви, Х.Левинсон и Э.Каца, группа, которая определяет себя как «абсолютно секулярная», на 38% состоит из выходцев из стран Европы и Северной Америки в первом и втором поколении, и на 27% – из уроженцев Израиля, чьи родители – «западного» происхождения. Лишь 8% секулярной группы – граждане «восточного» происхождения, и еще 14% – уроженцы Израиля, чьи родители прибыли из стран Северной Африки и Ближней Азии⁵³. Столпом израильского секулярного мировоззрения в конце девяностых годов XX века и в начале XXI столетия служат новоявленные средние и высшие эшелоны общества, самими фактом своего появления во многом обязанные государству. Этот класс, формировавшийся с 1950-х гг. как преемник общества, сложившегося до образования государства, вобрал в себя основные группы еврейского «организованного *ишува*» мандатного периода, а также их потомков. Помимо этого, в него вошли сумевшие повысить свой общественный статус (главным образом благодаря наличию высшего и среднего специального образования) «новые репатрианты», как ашкеназского, так и сефардского происхождения. Остов этого класса – государственная и общественная бюрократия, как гражданская, так и военная, сформировавшаяся с провозглашением независимости Израиля; различные группы профессиональной элиты (так называемые «белые воротнички»), деятели искусства, представители средств массовой информации, юристы, ученые и университетские преподаватели, а также армейская элита и наиболее успешные представители деловой среды, среди которых выделяются владельцы средних и крупных предприятий⁵⁴. В этом контексте совершенно неудивительно, что, с момента своего возвращения к власти в 1996 году национальный лагерь не прекращал затрачивать политические и материальные ресурсы, стремясь создать журналистскую и интеллектуальную элиту, которая составила бы серьезную альтернативу элите традиционной, или, по крайней мере, была бы в состоянии конкурировать с ней.

В начале 1990-х гг. в Израиле стали заметны зачатки войны культур между «светским» лагерем и некоторыми другими группами израильского общества. С тех пор становятся все более ожесточенными конфликты, предметом которых служит не только вопрос об использовании мощи государства для на-

вязывания обществу тех или иных религиозных норм, но и сама суть «правил игры» в этом государстве. Основная проблема израильского секуляризма заключается в том, что большинство еврейского населения в этой стране, включая тех, кто считает себя светскими гражданами, до сих пор воспринимает свою национальную коллективную идентичность через призму кодов, ценностей, символов и коллективной памяти, которые во многом были переняты из иудаизма, пусть даже и будучи наделены новой, национально ориентированной интерпретацией светского или этнического толка. Иными словами, в Израиле, как и за рубежом, большинство евреев склонны идентифицировать себя в секулярных этнических терминах, нежели чем в понятиях, относящихся к сфере иудаизма, однако крайне сложно сформулировать, что же конкретно представляет собой «светское еврейство» и в чем оно проявляется. Секулярному мировоззрению, с одной стороны, и еврейству, с другой, можно, хотя и с оговорками, дать те или иные определения, однако попытка соединить эти понятия обнажает напряженность и противоречия, заложенные в сочетании секулярности израильского государства и его еврейского характера⁵⁵. Даже сам иврит, превращенный в «светский», повседневный язык, несет в себе религиозные и апокалипсические компоненты, отмеченные Гершомом Шоломом (1897–1982) уже в 1928 году, о чем свидетельствует отрывок из его письма Францу Розенцвейгу (1886–1929):

Люди здесь [в Эрец-Исраэль] не ведают, что творят. Им кажется, что они превратили иврит в светский язык; что они «вырвали его апокалипсическое жало». Но это неправда... Каждое слово, не выдуманное просто так, из ничего, а взятое из «старого доброго» запаса, до краев наполнено взрывчаткой... Бог не замолкнет в языке, на котором его тысячи раз заклинали вернуться в нашу жизнь⁵⁶.

Покойный Йонатан Шапира⁵⁷ не без оснований утверждал, что «ивритизация» еврейско-сионистской культуры воздвигла стену, отделившую евреев Палестины/Эрец-Исраэль от великих культур Запада (доступ к которым стал выборочным и зависящим от посредников – переводчиков и «интерпретаторов», считавших своим долгом способствовать успеху сионистского проекта). В XIX веке перекрытие доступа к ивриту, на котором писали авторы *Хаскалы*, увековечивало «преднамеренное невежество»; сионистское движение в Палестине/Эрец-Исраэль, наоборот, выпестовало иврит как дополнительный языковой

рубеж, который должен был гарантировать доминирующее положение идеологии политического сионизма и связанной с ней элиты. В Палестине/Эрец-Исраэль иврит превратился в лингвистическую и концептуальную границу, отгораживавшую доминирующую культуру и препятствовавшую, насколько это было возможно, проникновению в нее враждебных или чуждых понятий. Лингвистическая «Вавилонская башня» способствовала укреплению языкового рубежа, поскольку в ситуации многоязычия только иврит мог стать ниточкой, связывавшей выходцев из разных стран, изначально говоривших на разных языках. Владение этим языком стало едва ли не входным билетом в общество уроженцев страны, а приобщение к нему стало коллективной целью, к достижению которой стремился каждый из новоприбывших.

По сути, государство одновременно выстраивает свою деятельность в соответствии с кодами, почерпнутыми из того, что принято именовать «западной культурой», и с кодами, основы которых лежат в еврейской религиозной традиции. Это противоречие стало интегральной частью израильского коллективного сознания.

При этом границы между «светскими» и «религиозными» группами населения не являются герметичными. Пересечение этих границ, хотя и происходило относительно редко, все же никогда не прекращалось, причем в двух направлениях: светские граждане становятся религиозными («возвращаются к религии», *хозрим бе-тишува*, как принято называть это явление в Израиле), а религиозные — покидают свои общины и семьи ради секулярного мира («возвращаются с вопросом», *хозрим бе-шейла*⁵⁸). По обе стороны «границы» феномен перехода в другой лагерь воспринимается как угроза. В обоих секторах подобный поступок считается недопустимым и зачастую влечет за собой разрыв с семьей и с теми общественными кругами, к которым принадлежал этот человек (или, в редких случаях, целая семья). Это — шаг, за который приходится дорого заплатить как на личном, так и на общественном уровне⁵⁹. Б.Бейт-Халлами видит в аномии⁶⁰, возникшей вследствие шока от войны 1973 года, основную причину первой волны «возвращения к религии», связывая это явление с отмеченным в тот же период возникновением в Израиле многочисленных «новых религий» или, иными словами, сект⁶¹. Эта первая волна — если понятие «волна» вообще применимо к данному явлению — по-

влекла за собой еще несколько ей подобных. По утверждению Б.Бейт-Халлами, катализаторами данного процесса послужили доброжелательные публикации в прессе, в особенности те из них, в которых шла речь о вернувшихся к религии детях пользующихся известностью людей и даже о лично пошедших на этот шаг профессиональных военных и знаменитостях (таких, например, как актер и шоумен Ури Зоар, вернувшийся к религии в 1977 году). Другие исследователи подчеркивают психопатологические аспекты этого феномена⁶².

Практически не существует общественных организаций, которые систематически занимались бы агитацией среди религиозного населения в пользу секулярного образа жизни. До недавнего времени гражданский секуляризм не был организующим принципом практически ни для какой общественной группы; ситуация изменилась лишь в конце 1990-х годов, когда идеология секуляризма стала знаменем движения «Шинуй» (в 1999 г.). При этом в ультрарелигиозном секторе израильского общества действуют организации и течения (главным образом связанные с движением ХАБАД), по сути своей являющиеся миссионерскими. В этом контексте можно утверждать, что едва ли не основной задачей партии ШАС, представляющей из себя также общественное движение, служит трансформация категории населения, состоящей из придерживающихся еврейских традиций выходцев из стран Северной Африки и Ближней Азии, в религиозную общину со своими лидерами и автономными институтами.

Ядро израильской гражданской секулярной культуры сформировалось, как политически, так и институционально, на основе идеологии движения за гражданские права (МЕРЕЦ)⁶³ и секулярных киббуцев, а также на базе партии «Шинуй», выступающей в последние годы с воинственно-антиклерикальной программой и добившейся невиданного успеха — 15 мандатов в Кнессете — на парламентских выборах 2003 года⁶⁴. «Государственные» средние школы и, главным образом, университеты, знакомящие учащихся с мировой культурой и наделяющие их знаниями в универсалистском ключе, также воспринимаются как храмы секуляризма⁶⁵. Театры, концертные залы, балетные и оперные труппы, галереи и музеи изобразительного искусства и скульптуры, кинотеатры и киностудии, телевидение и радио, спортивные игры, пабы и клубы и главным образом все, что имеет отношение к военной службе, — считаются не только элементами секулярной культуры, но и квинтэссенцией «израильского сознания». В то же время часть

еврейского населения, в особенности его ультрарелигиозные круги, полагает, что эта культура построена на поклонении чуждым ценностям; что она ставит во главу угла удовольствия, порочна по своей сути и даже является святотатством. Люди, ведущие светский образ жизни, презрительно именуются «отродьем» (*араврае*), что не только ставит под сомнение их принадлежность к еврейству, но и, как бы между прочим, указывает на них как на возможных виновников несчастий еврейского народа. Реформистские течения еврейства Северной Америки воспринимаются как зло, превосходящее по своим масштабам секуляризацию, поскольку они наделяют легитимацией альтернативный («искаженный», с точки зрения традиционных религиозных кругов) вариант иудаизма. Книги, не являющиеся частью корпуса Галахической литературы, также считаются ересью. Такой подход особенно заметен среди ультрарелигиозного населения. Более умеренные религиозные круги гордятся своим умением сочетать корпус литературы, именуемый «еврейским книжным шкафом» (корпус Танахической литературы, а также сочинения на темы Галахи, морали и Каббалы), с литературой, относящейся к «универсалистскому, секулярному книжному шкафу» (признанные «высоким искусством» классические произведения мировой и ивритской прозы и поэзии)⁶⁶. Два крупных израильских города – Тель-Авив и Хайфа – считаются оплотами секулярной культуры, которая, с точки зрения религиозных людей, служит синонимом ориентированной исключительно на получение удовольствий, аморальной и упадочной жизни⁶⁷. Как обсуждалось выше, секулярная культура, по сути своей, является гетерогенной; ее границы прерывисты и размыты, а ее периферия зачастую уже является «территорией» других израильских культур. Как правило, политическими основами «израильского» секулярного мировоззрения служат принадлежность к государству, задача которого – наделить всех своих граждан равными правами, определение «еврейства» в терминах светского национализма, а также иврит и существующая на этом языке культура. Подобных взглядов придерживались отцы-основатели Государства Израиль⁶⁸. Секулярной культуре становятся все более свойственны нематериальные ориентации, ее основными целями становятся охрана природы, забота об окружающем мире, а также защита здоровья человека от пагубных последствий и побочных эффектов стремительного технологического развития⁶⁹. В рамках данного подхода Израиль воспринимается как часть мира, именуемого «западным» – мира открытого, «современного», «рационального», ви-

дящего себя демократическим и, по определению своему, неуклоннодвигающимся к «прогрессу». Эта культура – в основе своей оптимистическая, ориентированная на «этот мир» (и во многом построенная на стремлении к удовольствиям, как вменяют адептам такого образа жизни его противники, принадлежащие к другим культурам, из которых состоит израильское общество), заявляющая о своем стремлении смешать еврейство, как цивилизацию, с универсальным наследием (смесь, именуемая в других странах «иудео-христианской культурой»), но на практике затрудняющаяся выполнить эту задачу и посему время от времени переживающая кризисы.

Израильская секулярная культура в основе своей элитарна; ее опорой являются представители образованного среднего класса, в большинстве своем (но не поголовно) – ашкеназского происхождения. Многие израильские культурные элиты ощущают свою к ней принадлежность – если не на политическом, то, по меньшей мере, на общественном уровне, декларируют эту связь, или, наоборот, стараются ее скрыть. Речь идет о «старожилах»⁷⁰, которые «абсорбировали» захлестнувшие страну в 1950-е годы волны иммиграции и, движимые патерналистскими концепциями, пытались силой изменить мировоззрение и уклад жизни новоприбывших⁷¹. Поэтому совершенно неудивительно, что носители этой культуры вызывают агрессивные эмоции (зачастую в крайней форме) у широких слоев населения Израиля, в особенности – в его религиозных и соблюдающих еврейские традиции кругах. Теоретически эта культура (а точнее, ее носители) воспринимает себя «плюралистической», способной вместить в себя религиозную и уважающую религиозные традиции субкультуры. Однако на практике она затрудняется видеть в других культурах равных себе и относиться к ним с терпимостью, которую предполагают исповедуемые ею релятивистские ценности⁷²; и при этом склонна демонстрировать перед лицом данных культур слабость и испытывать в их отношении чувство вины⁷³.

5. Заключение

Израильская секулярная культура находится в сложной ситуации, несмотря на то, что речь идет о чрезвычайно многогранной, богатой оттенками культуре, которая, вопреки языковым ограничениям, не уступает любому живущему полноценной жизнью и стремительно развивающемуся культурному центру – будь он в Центральной или Западной Европе или в Северной

Америке. Причиной такого положения вещей являются трудности адаптации к стремительно изменяющейся структуре израильского общества. В процессе данных трансформаций секулярная культура утрачивает свою монополию как на определение того, что же представляет из себя в израильском случае «коллективная идентификация», так и на установление «правил игры» в стране, включая и те из них, которые касаются распределения ресурсов. Элита этой культуры, этого «старого режима» (*ancient regime*) и по сей день не утратила свое влияние, все еще занимая многие ключевые позиции в государстве и обществе; однако она перестала быть квинтэссенцией «израильского общества»⁷⁴. Адепты секулярной культуры вынуждены осознавать себя не более чем сектором в стране, которая вмещает на своем общественном пространстве множество культур, но при этом не является в полном смысле слова поликультурной (в том, что касается ее идентичности, символики и механизмов внутреннего распределения ресурсов), и не ясно, станет ли таковой в будущем. Для того, чтобы приспособиться к этой новой действительности, носители секулярной культуры должны измениться, перестав воспринимать себя как синоним «израильского общества» в целом и сделавшись более партикуляристскими в своих устремлениях. Они должны создать институциональные и политические механизмы, которые позволят им противостоять другим израильским секторам и культурам, не желающим мириться с ситуацией, при которой именно светские являются доминирующей группой населения страны.

По сути, носители секулярной культуры на сегодняшний день стоят перед выбором, причем его варианты не обязательно являются взаимоисключающими. С одной стороны, они могут вести борьбу, если не с целью восстановить свою гегемонию, то хотя бы ради того, чтобы сохранить свое ведущее положение в израильском государстве, которое будет выражаться в том, что они смогут считать себя представителями всего израильского общества и устанавливать для него «правила игры», даже если это будет идти вразрез с «партикуляристскими» интересами светских граждан. С другой стороны, они могут, признав себя лишь одним из «секторов» израильского государства, в этом новом качестве вести борьбу (зачастую весьма агрессивными методами) с конкурирующими секторами за доступ к ресурсам, за права и за формулировки «правил игры». В рамках этой борьбы могут заключаться союзы — как постоянные, так и временные,

направленные на достижение конкретных целей, — с другими секторами, чьи интересы будут полностью или частично совпадать с задачами данной группы (например, с выходцами из стран СНГ, арабами, а временами — и с соблюдающими религиозные традиции «восточными» евреями и с некоторыми представителями национально-религиозного лагеря). Этот подход предполагает создание некоей политической секулярной идеологии, которая будет отличаться от государственнического подхода образца 1950-х годов и станет проповедовать определенный культурный сепаратизм. По сути, подобное развитие событий станет своеобразным возвращением к секулярному течению в Просвещении XIX века, а не к «ивритской идентичности» периода, предшествовавшего основанию Государства Израиль. К данному сценарию тяготеют партия «Шинуй», появившаяся, казалось, «из ниоткуда» на парламентских выборах 1999 года и практически исчезнувшая на выборах 2006 г., а также некоторые круги в леворадикальном блоке МЕРЕЦ. На сегодняшний день трудно сказать, какой из этих сценариев возобладает в обозримом будущем.

Для того, чтобы в полной мере проанализировать глубинные причины электорального провала партии «Шинуй», нужно, чтобы прошло хоть немного времени, чтобы страсти хоть чуть-чуть улеглись. Вместе с тем, уже сейчас очевидны некоторые факторы, способствовавшие развитию событий по самому худшему для лидеров этой партии сценарию. Во-первых, крайне негативное влияние имел выход министров от партии «Шинуй» из правительства А.Шарона 4 декабря 2004 года. В результате эта партия лишилась возможности оказывать реальное влияние на формирование политики, что превратило декларируемую ею программу «светской революции» в фарс. Во-вторых, подавляющее большинство избирателей партии «Шинуй» — жители Тель-Авива и Хайфы, интеллигенция, представители свободных профессий, менеджеры среднего звена. Эти люди поддерживали программу А.Шарона по выводу израильских сил и поселений из сектора Газы и не понимали, почему в момент реализации этой программы партия, за которую они голосовали, должна находиться в оппозиции, причем, более того, лидер «Шинуя» Томи Лапид, будучи лидером крупнейшей партии, не входившей в правительство, даже считался лидером оппозиции. В-третьих, в правительство А.Шарона в 2003–2005 гг. не входила и религиозная популистская партия ШАС — главный антипод движения

«Шинуй», из-за чего тема «противостояния религиозному засилью» была на выборах 2006 г. значительно менее актуальной. На этом фоне, особенно после выхода Ариэля Шарона из партии «Ликуд» и создания им и его ближайшими соратниками партии «Кадима», опросы предвещали партии значительное сокращение парламентской фракции движения «Шинуй» (с 15 до 4–5 мандатов). В этих условиях активистам и руководству «Шинуя» необходимо было, что называется, собрать все силы «в кулак», однако вместо этого партия раскололась надвое, после чего две ее бывшие «половинки» вели предвыборную кампанию преимущественно между собой. Двое депутатов (Шалом Рацаби, Илан Лейбович и возглавивший список депутат муниципального совета Тель-Авива 35-летний Рон Левенталь) баллотировались в списке «Шинуй», группа остальных (в нее входили депутаты Кнессета Аврам Пораз, Рони Бризон, Илан Шальги, Мали Полищук-Блох, Виктор Браиловский, Эти Ливни и Ариэла Голан) основала отдельный список, получивший название «Хец» [«Стрела»], а некоторые партийные активисты вошли в другие партии, диапазон которых был достаточно широк – от «Ликуда» и «Кадимы» до партии «Наш дом – Израиль» во главе с Авигдором Либерманом. Что же касается крайне популярного лидера партии Томи Лапид, то он вообще объявил об уходе из политики, согласившись лишь занять почетное (но абсолютно непроходное) последнее место в списке «Хец». В результате в Кнессет семнадцатого созыва не прошел ни один из бывших пятнадцати депутатов от партии «Шинуй». Электоральный барьер в Израиле составляет всего 2%, однако и его преодолеть не удалось: список «Шинуй» набрал лишь 0,15%, список «Хец» – лишь 0,32%. На этом завершилась самая, казалось бы, успешная попытка политической организации под знаменами израильского секуляризма. Однако не исключено и даже вполне вероятно появление новых секулярных сил на политической карте Израиля в будущем.

Перевела с иврита Нина Хеймец

¹ Пантеизм – философско-теологический подход, отождествляющий Бога с природой и видящий в ней проявление божественного величия.

² Всеобъемлющий характер конфликта проявляется как в мобилизации всех возможных материальных и человеческих ресурсов для участия в нем, так и в распространении данного конфликта на боль-

шинство сфер повседневной жизни, будь они «духовными» или «мирскими».

³ В предыдущие периоды «священное» и «мирское» не были разделены – ни в том, что касалось веры, ни в том, что было сопряжено с практическими вопросами. Богу противопоставлялась не природа, а дьявол, вера – ересь, а антонимом чистоты и соблюдения заповедей считалось колдовство.

⁴ См.: David Martin, *«The Religious and the Secular: Studies in Secularization»* (London: Routledge and Kegan Paul, 1969), с. 82. Исследование, проведенное в 1993 году Шломит Леви, Ханной Левинсон и Элияху Кацем, показало, что 23% опрошенных считают себя «секулярными гражданами, соблюдающими еврейские традиции». При этом исследование продемонстрировало, что доля видящих в религии важный руководящий принцип своей жизни составляет 48%, в то время как 72% считают таким принципом веру в Бога; см.: Shlomit Levy, Hanna Levinson and Elihu Katz, *«Beliefs, Observances and Social Interaction Among Israeli Jews»* (Jerusalem: Guttman Institute of Applied Social Research, 1993). Таким образом, налицо несоответствие между тем, насколько важна респондентам религия, и их верой в существование Бога. По-видимому, некоторые из тех, кто считают себя нерелигиозными, воспринимают веру в Бога как возможный элемент светского мировоззрения; с другой стороны, не исключено, что их секулярность не представляет собой всеобъемлющее мировоззрение.

⁵ К секулярным верованиям также относятся вера в астрологию, магию и инопланетян. Нередко границы между религией и секулярными верованиями (такими, как сайентология) оказываются стертыми.

⁶ И все же некоторые виды развлечений (такие, как путешествия в пределах Израиля) разрешены и в рамках различных течений в иудаизме.

⁷ Нерелигиозность не тождественна атеизму; речь идет о равнодушии к сопряженным с религией верованиям, практикам и институтам.

⁸ Имеется в виду учение Лютера о «предопределении» (*predestination*), согласно которому поведение человека детерминировано еще до его рождения неведомой божественной волей. Это или предопределение к блаженству, которого данный человек может быть и недостоин, или – к мукам, пусть даже и незаслуженным (Цитируется по: *Краткая философская энциклопедия*. М.: Прогресс, 1994, с. 360).

⁹ В сущности, эти процессы сами по себе не могут считаться новшеством. Подобных взглядов придерживались такие теологи, как христиане Святой Августин (354–430) и Томас Мор (1478–1535) и еврей Барух Спиноза (1632–1677). Однако в последние сто лет это явление достигло невиданного прежде масштаба. Не исключено, что

именно «рационализация» мировых религий привела к возникновению многочисленных народных религиозных течений и сект.

¹⁰ Так, например, ТАНАХ, Новый Завет и Коран воспринимаются не только как священные писания, но и как хроники истории общества, какой она, с точки зрения того или иного религиозного истеблишмента, должна «врезаться» в память паствы, укрепляя его легитимацию и уводя ее корни «вглубь времен». Такой подход объясняется тем, что религии являются идеологиями, возвеличивающими прошлое (в то время как большинство светских идеологий, за исключением национализма, направлено главным образом на настоящее и будущее).

¹¹ Ярким тому примером служит День благодарения (*Thanksgiving*), отмечающийся в США. Речь идет о всеамериканском национальном семейном празднике, в ходе которого все граждане, независимо от их религии и этнического происхождения (пожалуй, за исключением индейцев), должны благодарить Бога, в которого они верят, за то, что он привел их в землю обетованную и дал ее их предкам, им и их потомкам. Представляется, что Государство Израиль не сумело создать подобный праздник или ритуал, который бы объединял всех его граждан.

¹² Тальмон, Яков. *Корни тоталитарной демократии*. Тель-Авив: Двир, 1965 [на иврите].

¹³ Национальные движения и национализм являются лишь частными случаями гражданской религии. Государство может выпестовать и другие виды верований и идеологий (такие, как социализм и коммунизм, или различные формы демократии), а также их гибриды и использовать их для своих целей.

¹⁴ Цитировавшийся выше Дэйвид Мартин провокативным образом использует понятие «секулярная теология», утверждая, что даже социологию можно отнести к такому виду знаний. Однако подчеркнутая Мартином опасность значительно усилилась с развитием релятивизма и крайнего постмодернизма, отрицающих саму возможность адекватной эмпирической проверки общественных феноменов.

¹⁵ Это разграничение выразилось в том, что во многих странах мира церковь и государство перестали зависеть друг от друга как юридически, так и организационно. Однако в Израиле дело обстоит иначе.

¹⁶ См.: Smith S.B. *Spinoza, Liberalism, and the Question of Jewish Identity*. New Haven: Yale University Press, 1998.

¹⁷ Просвещение можно рассматривать как зарождение еврейского культурного национального движения в эпоху, когда оно еще не

определило для себя территориальные и политические цели. Вместе с тем сам факт возникновения и кристаллизации еврейской ортодоксии стал реакцией на травму, сопряженную с Просвещением и страхом надвигающейся секуляризации.

¹⁸ Результатом этой деятельности стало скорое возникновение еще двух центров Просвещения – в Галиции и в России.

¹⁹ Данное утверждение выглядит, однако, некоторым преувеличением. Приверженцы Просвещения не создали еврейского национального движения, пусть их и отличала некая зыбкая этнокультурная идеология. Сионистское движение приспособило их идеи и достижения – главным образом произведения на языке иврит и восприятие Библии как центрального элемента мировоззрения – под свои нужды уже постфактум.

²⁰ См.: Зоар Шавит (ред.-сост.). *История еврейского ишува в Эрец-Исраэль начиная с первой алии: создание ивритской культуры*. Иерусалим: Национальная академия наук Израиля – Институт им. Бялика, 1998.

²¹ Вестниками этого «возрождения» в конце XIX века становятся произведения Ахад ха'Ама и Хаима-Нахмана Бялика, а в первой половине XX столетия – книги Хаима Хазаза, Шмуэля-Йосефа Агнона и других авторов. Это – тот культурный багаж на языке иврит, который приносит с собой вторая волна алии в Палестину/Эрец-Исраэль.

²² Моше Хаим Луццатто – каббалист, драматург, поэт и моралист. Основал и возглавил кружок молодых людей из Италии и Восточной Европы, собиравшихся для изучения Каббалы и пытавшихся ускорить пришествие Мессии с помощью каббалистических формул и заклинаний. М.Х. Луццатто верил в голос Божественного посланца, маггида, который возвестил ему в 1727 году скорое пришествие избавителя и якобы диктовал ему его каббалистические писания. Деятельность кружка вызвала недовольство раввинов Италии, усмотревших в ней сектантство. Каббалистические занятия М.Х.Луццатто совмещал с созданием моралистических трудов, из которых важнейшим является написанная в Амстердаме книга «*Месилат яшарим*» («Путь праведных», 1740), а также поэтические произведения – в частности, драмы в стихах. М.Х. Луццатто занимает особое место в истории еврейской культуры: хотя при жизни он подвергался преследованиям, М.Х. Луццатто был равно признан тремя главными духовными течениями в еврействе XIX века – каббалистами, религиозным истеблишментом в иешивах Литвы и приверженцами Просвещения (см.: *Краткая еврейская энциклопедия*. Иерусалим, 1988, том 4, с. 982–983).

²³ Подобно М.Х. Луццатто, М. Мендельсон видел в иудаизме религию, краеугольным камнем которой является исполнение рационально обоснованных заповедей (*мицвот*).

²⁴ Бен-Ор А. История новой литературы на иврите, том 1. Тель-Авив: Изреэль, 1959, с. 71 [на иврите]. Одним из воплощений этого подхода стало формирование иудаики – новой области знаний, развивавшейся главным образом на немецком языке и охватывавшей все связанные с еврейством темы. К ней относился, например, проект И.М. Иоста (1793–1860) и Г. Греца (1817–1891), которые впервые создали связное и последовательное описание истории «еврейского народа». Не упомянув работы Леопольда Цунца (еврейское имя – Йом Тов Липман, 1794–1886), Авраама Гейгера (1810–1874) и Захариаса Франкеля (1801–1875), которые стремились ознакомить весь «просвещенный мир» с еврейством и его философским наследием, представляется крайне сложным описывать «воображаемую общину» евреев как цивилизацию, обладающую национально-этническими характеристиками, даже учитывая тот факт, что вышеперечисленные авторы не ставили перед собой такую задачу.

²⁵ Молитвенники, переводы Пятикнижия и других книг ТАНАХа, а также наставления и трактаты на темы морали были впервые изданы на идиш в основном для женщин и малограмотных. Только начиная с XVIII века, главным образом в Польше и Литве, книги на идиш как религиозного, так и светского содержания стали восприниматься как часть «высокой» культуры.

²⁶ В идише используется ивритский алфавит, хотя и делались многочисленные попытки перевести его на готическую и латинскую письменность, подобно тому, как сын Элизера Бен-Иехуды, Итамар Бен-Ави (1882–1943) ратовал за латинизацию письменности на языке иврит и даже опубликовал биографию своего отца, пользуясь латиницей (см. *Краткая еврейская энциклопедия*, Иерусалим, 1976, том 1, с. 332). Еврейские буквы четко обозначили границы языка идиш, сохраняя его самобытность и «еврейскость». Это сочетание вызвало немало кривотолков и способствовало демонизации евреев, которым вменялось в вину, что они будто бы пользуются тайным языком, чтобы скрыть свои секреты от неевреев.

²⁷ Даже в 1947 году, после того как значительная часть европейских евреев погибла в период Холокоста, евреи Азии – за исключением населения Палестины/Эрец-Исраэль – составляли лишь 4% мирового еврейства, а евреи Африки – только 6,5%; см.: Моше Сикрон, Алия в Израиль, 1948–1953. Иерусалим: Центр экономических исследований // ЦСУ Израйля, 1957, с. 36 [на иврите].

²⁸ Таким человеком был, например, Элия Бахур (Элияху Левита, 1469–1549), который родился в Германии, но большую часть жизни прожил в Падуе, Риме и Венеции. Среди его трудов: латинско-немецко-ивритско-идишский словарь, книги по грамматике языка иврит, а также работы по философии и стихи. Э. Бахур переводил на идиш пользовавшиеся в то время популярностью итальянские книги, а также давал уроки иврита и Каббалы образованным христианам.

²⁹ Каирская гениза – Хранилище документов, помещавшееся на чердаке построенной в 882 году синагоги «Эзра» в Фостате (Старый Каир). Каирская Гениза стала известна на Западе в XVIII веке благодаря сообщениям путешественников, получивших разрешение рассмотреть (но не исследовать) часть ее материалов. В 1896 г. ориенталист-гебраист Шломо Шехтер (1847–1915) приобрел для университета в Кембридже около ста тысяч манускриптов и их фрагментов из этого собрания. См. *Краткая еврейская энциклопедия*, Иерусалим, 1982, том 2, с. 69.

³⁰ Подобное существование описывалось в страстной реалистической прозе (например, З. Либиным, 1872–1955), в патетической поэзии (к этому направлению принадлежали Морис Розенфельд, 1862–1923, Мориц Винчевский, 1856–1932, Давид Эдельштадт, 1866–1892 и др.) и в своеобразных пьесах протеста, написанных Яковом Гординым (1853–1959), Леоном Кобриным (1872–1946) и некоторыми другими авторами.

³¹ После долгих и бурных дебатов была принята компромиссная резолюция, предложенная Х.Номбергом, в которой идиш провозглашался «одним из национальных языков» («*a nazionale шпрах*» вместо «*ди национале шпрах*», что могло пониматься как «истинно национальный язык»).

³² См.: Benjamin Harshav. *Language in Time of Revolution*. Berkeley: University of California Press, 1993, с. 99. В том же году были основаны два элитарных журнала, посвященных идишской литературе и культуре: в Вильнюсе начал выходить в свет «*Литерарише монатишрифтн*» [«Литературный ежемесячник»], а в Нью-Йорке – «*Ди югенд*» [«Молодежь»]. Эти издания существенно повлияли на развитие идиша как современного секулярного языка, в особенности после Первой мировой войны. В обоих случаях идиш рассматривался одновременно и как язык национальной еврейской культуры, и как элемент культуры европейско-американской, переживавшей расцвет в период между двумя мировыми войнами. Ивритский ответ последовал на Венской конференции 1913 года, однако вызвал гораздо меньший резонанс. Начавшаяся мировая война положила конец деятельности организаций, которые «гебраисты» пытались учредить в Европе.

³³ Следует помнить, что идиш одновременно являлся «официальным языком» как еврейского социалистического движения анти-сионистского толка, так и этнической еврейской культуры, которую власти пытались развить в Советском Союзе. Помимо этого, идиш продолжал служить языком общения ашкеназских ортодоксов, в какой бы стране они ни жили. Огромный пласт идишской культуры был уничтожен во время Холокоста.

³⁴ См.: Зоар Шавит. *История еврейского ишува в Эрец-Исраэль начиная с первой алии: создание ивритской культуры*, с. 54 [на иврите].

³⁵ Следует отметить, что в рассматриваемом случае, когда социализм в силу определенной ситуации должен был служить целям «формирования нации» и сионистского движения (которое уходит своими корнями в религию), границы между социализмом и иудаизмом зачастую оказывались размытыми.

³⁶ См.: Моше Лиссак. *Элиты еврейского ишува в Эрец-Исраэль во времена мандата*. Тель-Авив: издательство «Ам Овед», 1981 [на иврите].

³⁷ Здесь следует отметить, что в большинстве своем представители второй и третьей волн алии являлись первым поколением восставших против оков религии своих родителей. Некоторые из них даже успели получить традиционное образование в *хедере* и *иешиве*. Этот факт, с одной стороны, способствовал усилению их антиклерикальной риторики, с другой же – наделил по меньшей мере часть из них глубокими религиозными сантиментами, входившими в противоречие с их социалистическими взглядами.

³⁸ Многие из них не только распространяли культуру, но и являлись ее создателями. Они занимались эссеистикой, беллетристикой и сочинением стихов, сотрудничали в газетах, а также принимали участие в написании учебников, в переводе и сочинении музыки к популярным песням – главным образом патриотического содержания.

³⁹ О различных идеях, легших в основу сионизма, см.: Шломо Авинери. *Происхождение сионизма. Основные направления в еврейской политической мысли*. Москва/Иерусалим: Мосты культуры, 2004 [оригинальное издание было опубликовано на английском языке в 1983 г.]; Вальтер Лакер. *История сионизма*. (М.: Крон-пресс, 2000 [оригинальное издание было опубликовано на английском языке в 1972 г.].

⁴⁰ Подробнее об этом см.: Эхуд Луз. *Пересекающиеся параллели. Религия и национальная идея в эпоху формирования сионистского движения в Восточной Европе (1882–1904)*. Иерусалим: Библиотека-Алия, 1991 [оригинальное издание было опубликовано на иврите в 1985 г.].

⁴¹ Эмиграция в Северную Америку развалила традиционную еврейскую общину Восточной Европы. Может быть, эмиграция и не привела к немедленной секуляризации, но она подорвала авторитет раввинов как общественного института. Новые еврейские общины Северной Америки формировались уже по совершенно другим принципам, и лишь после Второй мировой войны и Холокоста в их деятельности и институциональном устройстве появились черты, напоминавшие прежний, традиционный уклад.

⁴² Таким образом, Государство Израиль во многом продолжило османскую традицию, которой с некоторыми отклонениями следовали и власти британского мандата. В рамках данного подхода этнорелигиозные общины наделялись автономией. Эта ситуация открывает простор для противоречащих друг другу толкований. С одной стороны, речь идет об отказе государства от важных областей законодательства и судебной деятельности, иными словами – об ослаблении государства, потере им части своих полномочий. С другой стороны, согласно альтернативной интерпретации, контролируя Главный раввинат и способствуя его бюрократизации, религиозный истеблишмент в чем-то уподобляется церкви, подчиняющейся государству и руководимой им. Этой точки зрения придерживался, в частности, Иешаяху Лейбович (1903–1994); см. его книгу *«Иудаизм, еврейский народ и Государство Израиль»* (Иерусалим: Шокен, 1976 [на иврите]).

⁴³ В кругах религиозных сионистов, таких как представители движений «*Мизрахи*» и «*Ха'поэль ха'мизрахи*», уже с момента возникновения государства было принято относиться к нему как к святыне. Такое восприятие во многом было следствием теологических концепций рава А.И. Кука (1865–1935). Провозглашение независимости было объявлено «началом спасения» (*атхальта дэ-геула*) и «началом расцвета избавления евреев» (*решит цмичат геулатену*). Использовались и еще более возвышенные эпитеты.

⁴⁴ Любые процессы, происходящие в обществе, напрямую влияют на жизнь индивида и семьи, накладывая отпечаток на то, что принято именовать «частным» пространством. В соответствии с этим принципом *Закон о часах работы и отдыха* (1951), которым суббота устанавливалась в качестве обязательного выходного дня, стал проявлением поддерживаемого государством религиозного диктата, даже невзирая на тот факт, что соблюдается он селективно, а параметры его применения время от времени претерпевают изменения.

⁴⁵ 11-е число месяца Адар – день по еврейскому календарю, когда в 1920 г. (тогда он совпал с 1 марта) поселение Тель-Хай было захвачено бедуинами армии Фейсала. В ходе этого сражения погиб

Йосеф Трумпельдор, ставший первым местным героем, национальным «святым» евреев *Эрец-Исраэль* и вошедший в этом качестве в сионистский эпос.

⁴⁶ 20-е число месяца Таммуз – день смерти Теодора Герцля (1860–1904), основателя политического направления в сионистском движении, отмечавшийся его сторонниками и последователями в Палестине/Эрец-Исраэль и во всем мире. В середине 1930-х гг. ревизионисты, соперничавшие с рабочим движением, предложили отмечать эту дату взамен 1 мая, дня международной солидарности трудящихся, который во многом был навязан всей еврейской общине страны (а до начала 1960-х годов – практически всем гражданам государства) как квази-национальный праздник, символизировавший ведущую роль рабочего движения в израильском обществе.

⁴⁷ 21-е число месяца Таммуз – день смерти Хаима Нахмана Бялика (1873–1934), объявленного национальным поэтом и воспринимавшегося едва ли не главным подвижником создания ивритской культуры в Палестине/Эрец-Исраэль. Представляют интерес и другие праздники, которые либо почти не отмечались, либо так и не стали полноправными элементами сионистского календаря. К ним относится, например, 2 ноября, день обнародования Декларации Бальфура (1917). Элиезер Бен-Иегуда предложил заново начать именно с этой даты еврейское летоисчисление в Палестине/Эрец-Исраэль. Сюда же относится 29 ноября – день, когда в 1947 году ООН объявила о разделении Палестины/Эрец-Исраэль на два государства – еврейское и арабское.

⁴⁸ К несохранившимся праздникам относятся:

(а) «День государства», учрежденный 27 июля (20-е число месяца Таммуз) 1948 г. По всей видимости, создатели новой культуры срочно нуждались в ритуале, который объединял бы граждан созданного всего два месяца назад государства. В 1949 г. этот праздник был переименован в «День армии», а в 1950 г. снова отмечался как «День государства».

(б) В 1948 году 6 октября было объявлено днем «Собирания рассеянных» (*киббуц галуьот*). Праздник отмечался лишь еще один раз – в 1949 г., после чего был забыт.

(в) Представляют также интерес попытки учредить праздники на муниципальном уровне, которые, как правило, следовали за установлением контроля над смешанными городами, такими как Хайфа, Цфат и Тверия. По этому принципу 19 апреля 1949 г. в Хайфе отмечалась годовщина «освобождения» города. Программа торжеств, включавшая военный парад, концерты народной музыки и танца, а также официальные церемонии, стала образцом для празднования

«Дня независимости» в последующие два десятилетия – до конца 1960-х гг.

(г) В 1949 г. 11-е число месяца Адар было объявлено «Днем обороны», однако за считанные годы этот праздник исчез из календаря. Со временем прекратили отмечать и 1 мая, день международной солидарности трудящихся, ставший полуофициальным праздником в 1950-е годы. 1 мая был единственным «наднациональным» праздником, который евреи и израильские арабы могли бы отмечать вместе.

⁴⁹ За исключением арабских граждан, которые, не опасаясь они спровоцировать еврейское большинство, отмечали бы эту дату как День *накбы*, своей национальной катастрофы. В качестве замены эту функцию в израильской арабской культуре выполняет «День земли», день памяти и протеста, отмечающийся 30 марта, начиная с 1976 г. С неприятием относятся к празднованию Дня независимости также представители еврейской религиозной ортодоксии, однако следует отметить, что в последние годы подобное отношение стало характерным лишь для меньшинства представителей ультрарелигиозных кругов.

⁵⁰ В 1953 г. был принят *Закон о мемориальном центре Яд ва'Шем*, который определял основные функции и задачи этого учреждения: хранить память о Катастрофе и героизме еврейского народа; в 1956 году в этом мемориальном комплексе была проведена первая официальная церемония.

⁵¹ Маоз Азариягу. *Культы государства*. Сде-Бокер: Центр наследия Д.Бен-Гуриона, 1995, с. 30 [на иврите].

⁵² Однако следует добавить, что значительные секулярные подгруппы существуют и в других секторах израильского общества, например, среди арабов и, главным образом, среди выходцев из СССР/СНГ.

⁵³ См.: Shlomit Levy, Hanna Levinson and Elihu Katz. *Beliefs, Observances and Social Interaction Among Israeli Jews*, с. 16.

⁵⁴ В Израиле, как и в любом другом обществе в мире, существуют классы и даже значительные межклассовые различия, однако при этом практически отсутствует классовое сознание. Когда в ходе одного из исследований опрошенных попросили сказать, какие конфликты несут в себе наибольшую опасность для израильского общества, 62,6% указали на трения между религиозными и светскими гражданами, 22% – на споры между «правыми» и «левыми» (речь идет только о темах, сопряженных с мирным процессом и безопасностью государства, «межклассовые различия» не обсуждаются в этом

контексте), 2,6% – на конфликт между сефардами и ашкеназами и лишь 2% опрошенных выразили мнение, что главная угроза израильскому обществу состоит в конфликте между богатыми и бедными (Яар-Юхтман Э. и Перес Й. *Между согласием и спорами: демократия и мир в израильском общественном сознании*. Иерусалим: Израильский институт демократии, 1988 [на иврите]).

⁵⁵ Несколько иная ситуация сложилась в Северной Америке. Евреи, не прошедшие процесс полной ассимиляции и не перешедшие в другую религию, стали элементом культурной мозаики, отличительными признаками которой служат не только присущий американскому обществу межэтнический плюрализм, но и признание легитимности плюрализма внутри этнических и религиозных групп.

⁵⁶ Цитируется по: Авиэзер Равицки. *Мессианиззм, сионизм и религиозный радикализм в Израиле*. Тель-Авив: издательство «Ам Овед», 1993, с. 14 [на иврите].

⁵⁷ Йонатан Шапира (1929–1997) – один из отцов-основателей так называемого «критического» направления в политической социологии израильского общества, профессор Тель-Авивского университета, автор книг: «Leadership of the American Zionist Organization, 1897–1930» (1971), «Israeli Labor Party 1919–1930: Organization of Power» (1976), «The Road to Power: Herut Party in Israel» (1991) и других.

⁵⁸ Понятие *хозрим бе-шейла* [«возвращающиеся с вопросом»], а также *йоцим ле-шейла* [«выходящие в вопрос»], употребляемое в отношении людей, разочаровавшихся в религии и начавших вести светский образ жизни, является результатом ошибочной интерпретации понятия *хозрим бе-тишва*, «возвращающиеся». Дело в том, что *тишва* является омонимом, переводимым, в частности, на русский язык и как «ответ», и как «возвращение». Выражение *хозрим бе-тишва* (дословно: «возвращающиеся, возвращаясь») изначально является тавтологией, где второе слово как бы используется для усиления первого. Однако позднее эта интерпретация была заменена другим вариантом значения слова *тишва* – «ответ», а противоположный процесс – переход от религиозного образа жизни к светскому – был, по аналогии, назван *шейла* – «вопрос» [примечание переводчика].

⁵⁹ К сожалению, на сегодняшний день отсутствуют проверенные данные, по которым можно было бы составить точное представление о степени распространенности этих явлений. Ш. Майзлиш в своей книге «Возвращение к религии: явление и люди» (Рамат-Ган: издательство «Массада», 1984 [на иврите]) оценил общую численность

«вернувшихся к религии» на тот момент в 8200 человек (не включая членов их семей), при этом, по его сведениям, в иешивах училось 1490 студентов, сменивших светский образ жизни на религиозный. В исследовании, проведенном в 1984 г. Б. Бейт-Халлами, было установлено, что на тот момент в стране насчитывалось восемнадцать организаций, на различных образовательных программах которых обучались 4400 человек; см.: B. Beit-Hallahmi. *Despair and Deliverance: Private Salvation in Contemporary Israel*. Albany: State University of New-York Press, 1992, с. 80. Однако в отличие от являющегося заметным общественным феноменом «возвращения к религии», в котором выделялись две волны – в начале 1970-х и в середине 1980-х гг., переход от религиозного образа жизни к светскому остается темой, которую обсуждают келейно, главным образом в религиозных и ортодоксальных кругах. О масштабах этого процесса косвенным образом может свидетельствовать тот факт, что число представителей религиозных секторов в населении страны существенно ниже того, что можно было бы ожидать, учитывая высокий уровень рождаемости в этой группе израильского общества.

⁶⁰ Аномия (от греч. *anomie* – безымянный, неизвестный) – нравственно-психическое состояние индивидуального и общественного сознания, характеризующееся разложением системы ценностей и этических норм. Термин введен социологом Э. Дюркгеймом (1858–1917) в главе 2.5 его книги «Самоубийство» (1897, рус. перевод – 1912, переиздание: Москва: Мысль, 1994). Состояние аномии характерно для общества в периоды смут и потрясений, когда многие его члены утрачивают доверие к существующим общественным ценностям и социальным институтам.

⁶¹ В феврале 1982 г. под давлением родительских комитетов, религиозного истеблишмента и прессы Министерство образования назначило профессиональную комиссию по расследованию деятельности «восточных сект» (антропософии, сайентологии, трансцендентальной медитации, дзэн, кришнаитов, «Посланцев божественного света» и т.д.). По данным этой комиссии, на тот момент в различные секты входили приблизительно 3000 человек – в двенадцать раз больше, чем за десятилетие до этого. Интересно отметить, что когда некоторые члены комиссии (например, профессор Еврейского университета в Иерусалиме Виктор Азария) потребовали включить в эту категорию организации, занимающиеся «возвращением» в лоно иудаизма, они столкнулись с решительным сопротивлением и в итоге отказались поставить свои подписи под подготовленным комиссией отчетом.

⁶² См., например: Мимран Й. *Пути возвращения к религии среди сефардов и ашкеназов, обращающихся за помощью к психологу*, магистерская диссертация (Еврейский университет в Иерусалиме, 1992).

⁶³ МЕРЕЦ – социал-демократическая партия Израиля, акцентирующая свое внимание на борьбе за права человека и гражданское равноправие. Название (созвучно на иврите слову «энергия») – аббревиатура слов МАПАМ и РАЦ, объединение которых и привело к созданию в 1992 г. партии МЕРЕЦ. Основным мотивом образования блока явилось стремление к объединению парламентских течений, выступающих за скорейшее мирное решение арабо-израильского конфликта, противостояние религиозному давлению и соблюдение прав человека. В ходе парламентских выборов МЕРЕЦ поддерживали не более 10% израильских избирателей (в 1992 г. – 9,6%, в 1996 г. – 7,5%, в 1999 г. – 7,6%, в 2003 г. – 5,2%). Вместе с тем многие секулярные граждане, как евреи, так и арабы – даже те из них, кто в той или иной мере «соблюдают религиозные традиции», – не поддерживая МЕРЕЦ на выборах, все же разделяют ассоциирующиеся с этой партией культурные ценности и образ жизни.

⁶⁴ Помимо этого, рупором израильской секулярной культуры и ее идеологии считаются ежедневная газета «Ха'Арец» и муниципальная пресса, контролируемая издательским домом «Шокен».

⁶⁵ Даже подчеркивающий свой религиозный характер Университет Бар-Илан, который был основан движением *Мизрахи* с целью остановить отток религиозной интеллигенции в светские университеты, воспринимается представителями национально-религиозного лагеря, не говоря уже об ультрарелигиозных кругах, как преимущественно «секулярное» учебное заведение. Причиной такого подхода служат практикуемые этим университетом полная свобода исследовательской деятельности и преподавания светских дисциплин.

⁶⁶ Другим распространенным образом служит «пустая телега [культуры]» светских людей, которой противопоставляется «полная телега» ортодоксального иудаизма. Эта метафора была введена в употребление Аврахамом Иешаяху Карелицем (известен как «Хазон Иш», по названию своего основного 22-томного труда, 1878–1953), который на протяжении многих лет был одним из крупнейших Галахических авторитетов; хотя он никогда не занимал каких-либо официальных постов, считался одним из лидеров партии *Агудат Исраэль*.

⁶⁷ Подразумеваются в основном центры этих городов, а не их более бедные окраины. Тель-Авив, к примеру, разделяется на северные районы, в которых живут так называемые *цфоним* [от *цафон* –

север, ивр.] – то есть преимущественно евреи ашкеназского происхождения и представители зажиточного среднего класса, и районы южные, населенные преимущественно соблюдающими религиозные традиции «восточными» евреями, выходцами из Узбекистана и иностранными рабочими.

⁶⁸ Среди иммигрантов из бывшего Советского Союза признаками «еврейского патриотизма» зачастую считаются не знание иврита и созданной на этом языке культуры, а ненависть к арабам в целом и палестинцам, в частности; ивритскую же культуру многие представители этой группы населения воспринимают как «неполноценную».

⁶⁹ Эта забота выражается, среди прочего, в отказе от использования приборов и средств, которые могут нанести ущерб озоновому слою атмосферы земли и ее «зеленым легким» (лесам), в попытках сохранить исчезающие виды животных, в охране природы в целом, в переработке отходов, в протестах против использования атомной энергии, аргументом которых служит опасность радиоактивного заражения, и т.д. Вместе с тем необходимо подчеркнуть, что в Израиле движение «зеленых» находится в начальной стадии своего развития.

⁷⁰ «Израильский стаж» совсем не обязательно должен измеряться в единицах времени пребывания в стране. Он также мало зависит от количества проведших в ней свою жизнь поколений. «Старожилом» является тот, кто интегрировался в израильское общество, пройдя череду «вступительных ритуалов». Вместе с тем обязательным требованием к старожилу является владение ивритом. Однако это условие может быть выполнено достаточно быстро.

⁷¹ См.: Цви Цамерет, «*Развитие системы образования II* Курс «Общество, экономика и культура Израиля. Первое десятилетие». Тель-Авив: Открытый университет Израиля, 2003, с. 43–71.

⁷² Сопряженные с проявлениями терпимости трудности могут быть проиллюстрированы с помощью двух крайних примеров. Во-первых, следует упомянуть отвращение и издевку, с которыми носители секулярной культуры относятся к всевозможным амулетам, заклятьям и ритуалам, связанным с могилами праведников и широко распространенным в рамках традиционной народной религии. При этом они не испытывают и тени подобных эмоций, когда речь идет о поиске помощи у астрологов и специалистов в разных видах альтернативной медицины – явлении, чрезвычайно распространенном среди представителей этой социальной группы. Во-вторых, находясь под влиянием мультикультурного релятивизма, представители просвещенной светской публики зачастую смотрят сквозь пальцы на проявления «понимания» в отношении

убийств девушек «за честь семьи», которое арабское общество считает легитимным.

⁷³ Что неудивительно, поскольку секуляризм представляет из себя сложное, многогранное и полное внутренних противоречий мировоззрение, возлагающее тяжелую моральную ношу на тех, кто его придерживается. За неимением цельной системы веры и в отсутствие абсолютных авторитетов и кодекса, который предписывал бы светскому человеку, что следует считать непреложным и как нужно поступать в тех или иных ситуациях (подобно тому, как это делает для религиозных людей «Шульхан Арух» – кодекс основных положений Устной Торы, созданный Йосефом Бен Эфраимом Каро, который во второй половине XVI века подвел итог деятельности галахических авторитетов многих поколений), секуляризм обречен проявлять признаки хронической аномии. Либеральный секуляризм даже не канонизирует коллектив и, ставя во главу угла индивида и его права, не в состоянии наделить своих адептов чувством принадлежности к сплоченной и значимой социальной группе.

⁷⁴ Ощущение, будто «у нас крадут нашу страну», впервые возникло у прежней элиты вследствие «переворота» 1977 года, когда к власти в Израиле пришел правый блок «Ликуд» во главе с Менахемом Бегиним, и усилилось с течением времени. Несмотря на то, что «Ликуд» представляет из себя светскую партию (чья элита в основном ашкеназского происхождения), он сумел подобрать адекватные способы выражения идей, основанных на суевериях и религиозных верованиях. «Ликуд» воспринимается прежней элитой как партия, представляющая интересы «восточных» евреев, притеснявшихся «старым режимом»; при этом ему удалось создать коалицию с секторами, принадлежавшими к периферии «израильского общества» [религиозными сионистами, сефардскими традиционалистами, выходцами из СССР/СНГ].

Н.А.Кожанов

ЗАКОН ИРИ «О ПООЩРЕНИИ И ЗАЩИТЕ ИНОСТРАННЫХ ИНВЕСТИЦИЙ» 2002 ГОДА (ПРЕДПОСЫЛКИ ПРИНЯТИЯ, ЕГО СОДЕРЖАНИЕ И ЗНАЧЕНИЕ)

Закон «О поощрении и защите иностранных инвестиций», действующий на данный момент в ИРИ, был принят меджлисом и утвержден Советом по определению государственной целесообразности весной 2002 г. До него в течение 47 лет в стране действовал другой закон «О привлечении и защите иностранных инвестиций» от 29 октября 1955 г. Потребность в новом законе диктовалась рядом объективных причин.

Формально закон 1955 г. действовал на всем протяжении своего существования. Он не был отменен с созданием в 1979 г. ИРИ, однако в период 1979–1989 гг. страна в значительной мере оказалась закрыта для иностранных инвесторов, и закон 1955 г. был не востребован.

Приход к власти в 1989 г. правительства Рафсанджани означал победу прагматично настроенного крыла духовенства Ирана. Главную роль в формулировании целей играла уже не идеология, а экономическая выгода. В результате Иран начал делать попытки реформирования и гармоничного развития всех секторов экономики, что потребовало дополнительных инвестиций. Однако во время осуществления реформ, предусмотренных первым пятилетним планом ИРИ (1990/91–1994/95 гг.), привлечению иностранных инвестиций не было уделено достаточного внимания. При ограниченном доступе ИРИ к долгосрочному внешнему финансированию текущий балансовый дефицит был компенсирован чередой краткосрочных займов и чрезмерной опорой на валютные резервы. В 1994 г. выплаты по краткосрочным кредитам совпали с непредвиденно низким уровнем цен на нефть. В результате возникших проблем правительство было вынуждено пойти на восстановление многокурсовой валютной системы и приостановку процесса приватизации.

Сложности, выявленные в ходе реализации первого пятилетнего плана, и объективная необходимость привлечения иностранных инвестиций заставили иранское руководство пойти на создание необходимых условий для привлечения зарубежного инвестирования. Важным шагом в этом направлении стала реанимация старой законодательной базы (закон 1955 г.) с поправками, учитывающими текущие потребности страны, которые были отражены в постановлениях Совета министров от 6 августа 1996 г. и 13 декабря 1999 г.

Однако ситуация требовала более кардинального пересмотра законодательной базы. Закон 1955 г. принимался для страны, экономика которой развивалась на основе доктрины импортозамещения, в то время, когда к началу XXI в. в Иране была сформулирована получившая свое окончательное завершение в четвертом пятилетнем плане доктрина экспортоориентированной экономики. Она требовала совершенно иной законодательной базы с более четко сформулированными принципами. Новый закон должен был соответствовать современным требованиям международного регулирования, что было немало важно для ИРИ, руководство которой приняло решение о вступлении в ВТО.

В 90-х годах, по оценкам Мирового банка, первоочередной задачей ИРИ было развитие трудоемкого производства, прежде всего легкой и пищевой промышленности. Это позволило в течение некоторого времени довольствоваться существующим объемом иностранных инвестиций и сохранять действие закона 1955 г. Однако на следующем этапе, начавшемся приблизительно с 2000–2002 г., правительство ИРИ приступило к активному созданию капиталоемких отраслей. Данная ситуация потребовала масштабного инвестирования средств в экономику, которое страна была не способна обеспечить самостоятельно. Это усилило заинтересованность иранского руководства в иностранном финансировании, а следовательно, и в создании современной правовой базы для его привлечения.

В результате в 2002 г. был принят новый закон о привлечении иностранных инвестиций и их защите. Он определяет иностранный капитал, предназначенный для инвестирования в экономику Ирана, как наличные денежные средства в виде конвертируемой валюты, поступающие через банковскую систему или иными путями, и иные ввозимые платежные средства; дивиденды по акциям иностранного инвестора, которые

можно перемещать, а также другие разрешенные средства, одобренные правительственной комиссией.

Сущность иностранных капиталовложений сводится к использованию иностранного капитала на новом или ранее существовавшем предприятии, ведущем экономическую деятельность, после получения разрешения на инвестирование. Иностранные капиталовложения должны использоваться в целях благоустройства и производственной деятельности в сферах промышленности, горного дела, сельского хозяйства и оказания услуг на основе действующего законодательства страны. В соответствии со ст. 2 закона 2002 г. прямые иностранные инвестиции призваны способствовать экономическому росту, повышению технологического уровня и качества продукции, увеличению занятости населения и росту экспорта. Последнее немало важно, принимая во внимание экспортную ориентацию экономики ИРИ. Причем, как представляется, наибольшую важность этот пункт играет для развития производства товаров, идущих на нефтяной экспорт с целью диверсификации внешнеэкономической деятельности страны.

Иностранные инвестиции не должны представлять угрозу национальной безопасности и интересам Ирана, не могут наносить ущерб экологии, экономике страны и производству, основанному на внутренних капиталовложениях. Данная норма, по существу, является повторением требований ВТО/ГАТТ относительно иностранного инвестирования и дает руководству страны закрепленное на международном уровне право применения санкций в случае нарушения этих условий.

Иранское руководство обязалось не создавать преимущества иностранным инвесторам со стороны государства. Прежде всего имеются в виду льготы, особые права, которые сделали бы иностранных инвесторов монополистами. С одной стороны, это соответствует положениям конституции ИРИ, устанавливающим запрет на существование монополий в экономике страны, тем более имеющих иностранный капитал. С другой стороны, данное заявление показывает готовность Ирана идти на сотрудничество с развитыми странами. Оно выражает намерение иранского руководства не создавать из ИРИ страны-налоговой гавани, что не приветствуется странами-членами ВТО.

В то же время в законе 2002 г. сохранились прежние ограничения, обусловленные идеологией иранского государства и его историческим прошлым. Иностранцам, как и раньше, за-

прещена скупка земли, получение в собственность природных ресурсов страны. Для иностранных инвесторов закрыта банковская сфера. Их деятельность в этой области разрешена лишь в свободных торгово-экономических зонах.

Филиалам иностранных компаний не разрешается самостоятельная производственная деятельность на территории Ирана. Законом устанавливается также, что доля иностранного капитала в каждом секторе иранской экономики не должна превышать 25%, а в конкретной отрасли промышленности – 35%. Это положение закона о привлечении и защите иностранных инвестиций подвергается наибольшей критике в Иране и за границей. Существенными для деятельности иностранного капитала в Иране являются ограничения, исходящие от устаревшего менеджмента, таящиеся в системе управления и планирования финансовой деятельности иранских предприятий и компаний, порядке бухучета.

Законом 2002 г. оговорено предоставление инвесторам национального режима и режима наибольшего благоприятствования, что полностью соответствует требованиям ВТО. Иностранный капитал пользуется теми же правами, что и внутренний частный. В случае нарушения договора со стороны иранского партнера государство обязуется восстановить все потери или их часть (в зависимости от договора). Последнее условие дает иностранным инвесторам надежду на определенную стабильность.

Иностранный капитал имеет мало ограничений по вывозу, что обеспечивает его ликвидность. Компании, вложившие средства в производство товаров на экспорт, автоматически получают право на этот вид деятельности. Последнее немало важно для привлечения иностранных инвестиций. Фирма со 100% участием отечественного капитала должна пройти долгий путь, чтобы получить лицензию на внешнюю торговлю. Послабление иностранцам вызвано заинтересованностью правительства Ирана в привлечении инвестиций в сектор экономики, нацеленный на экспорт товаров. Поощряя такое производство, власти пытаются найти альтернативу продаже нефти и нефтепродуктов за рубеж.

Основных ограничений на иностранные инвестиции всего два. Они запрещены, если:

- инвестируются в те отрасли, где запрещена деятельность и частных отечественных компаний;

- влекут за собой возникновение какого-либо монопольного права или особых уступок и привилегий.

Инвестиции в иранскую экономику могут осуществляться несколькими путями:

- 1) в виде прямых зарубежных инвестиций в отрасли, где разрешена деятельность частного сектора;

- 2) закон 2002 г. разрешает инвестирование иностранного капитала во все сектора экономики только по трем нижеследующим сделкам:

- схема «гражданского партнерства»;

- «бай-бек» (инвестиции возвращаются в виде произведенной непосредственно или опосредованно с помощью созданного/завезенного оборудования продукции). Вид сделки наименее привлекателен для иностранных инвесторов, но наиболее часто используемый иранской стороной для развития товарооборота, особенно экспортного;

- «строительство-эксплуатация-передача». Вложение капитала с последующей перепродажей. В этом случае окупаемость проекта и получаемая прибыль зависят от экономических результатов инвестируемого проекта, на которые не распространяются гарантии правительства, банков или государственных компаний.

В случаях, когда по основаниям, предусмотренным иранским законодательством, производится экспроприация имущества предприятия, иностранному инвестору гарантируется справедливая компенсация. Закон 2002 г. также устанавливает право решать разногласия не только в иранских (как было ранее), но и в любых других судах, если это оговорено законом.

Существенным сдерживающим моментом при инвестировании иностранного капитала в иранскую экономику является сложная процедура получения лицензии. В соответствии с законом 2002 г. главным регулирующим органом в области иностранных инвестиций выступает Министерство экономики и финансов, в подчинении которого находится Организация по инвестициям, экономическому и техническому содействию. Один из заместителей министра одновременно является руководителем этой Организации и председателем Комитета по привлечению и защите иностранных инвестиций. Именно он имеет определяющее значение при рассмотрении инвестиционных проектов. Организация обязана в предварительном по-

рядке рассмотреть заявления об инвестировании и не позднее, чем через 15 дней после их получения, передать их вместе со своей рекомендацией в комитет. Комитет обязан в месячный срок со дня получения рассмотреть указанные заявления и сообщить инвесторам в письменном виде свое окончательное решение. Положительное решение комитета по привлечению и защите иностранных инвестиций (при условии, что оно было одобрено кабинетом министров ИРИ) дает право на начало реализации совместного проекта. В состав комиссии входят по одному представителю (как правило, заместитель министра или директора) от министерства экономики и финансов, иностранных дел, плановой организации, ЦБ ИРИ и, если существует такая потребность, представители заинтересованных министерств.

Получение разрешения на инвестиции – процедура долгая, вызывающая большие издержки. Можно утверждать, что это одно из наиболее слабых мест в иранском законодательстве по привлечению иностранных инвестиций. Если для отечественного предпринимателя этот период составляет 48 дней, то для иностранца он, возможно, будет еще больше.

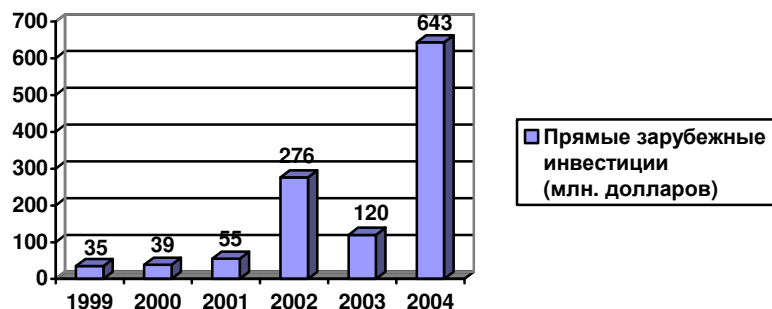
Кроме сильно бюрократизированной процедуры получения лицензии на инвестиционную деятельность исполнение закона 2002 г. находится под неблагоприятным воздействием целого ряда факторов. Среди них главным можно назвать сильное вмешательство государства в ход развития экономики ИРИ. Жесткое регулирование всех сфер экономики, в том числе и инвестиций, не способствует их успешному привлечению в страну. Справедливости ради отметим, что в последние пять лет благодаря проводимым реформам положительная репутация Ирана значительно возросла. Однако на образ ИРИ, сформированный у иностранных компаний, все еще продолжает влиять память о послереволюционном десятилетии. Последовавшая после 1979 г. национализация, отказ от участия в крупных международных совместных проектах как на территории страны, так и за ее пределами привели к значительному сокращению внешнеэкономической активности Ирана. Он оказался практически закрытым с 1979 г. для мира и иностранных инвестиций на срок около 10 лет. Принимая во внимание неустойчивость политической ситуации в Иране, международные инвесторы боятся повторения событий десятилетней давности.

Отказ иранского руководства от иностранных инвестиций на данный момент представляется мало возможным. Однако государство в лице Наблюдательного совета ИРИ может в любой момент прервать процесс инвестирования. Это порождает обоснованные сомнения у иностранных инвесторов. Примером могут служить события 2004 г., когда турецкая компания телефонной связи лишилась своего контракта на развитие сети GSM в Иране. Совет стражей разорвал контракт, так как не был удовлетворен высокой долей участия иностранного инвестора в реализации проекта. Он также потребовал ограничить 49% иностранного участия в совместных предприятиях (подобное ограничение существовало в законе об иностранных инвестициях 1955 г., но отсутствовало в законе 2002 г.). Схожая ситуация произошла в том же году, когда была отозвана лицензия австрийского консорциума на обслуживание нового тегеранского аэропорта имени имама Хомейни. В этом случае государство вмешалось с целью защиты отечественного производителя. Разрыв договора с фирмой «Тере-Акфен-Вие» был связан с конфликтом между ней и государственным иранским авиаперевозчиком «Асман Аэрлайнс».

По закону 2002 г. иностранные компании не могут владеть акциями нефте- и газодобывающих компаний. Все операции проводятся на основе договоров «бай-бек». В этом нашло свое отражение исторически накопленное негативное отношение иранцев к доминированию иностранного капитала в этой отрасли еще в период правления династии Пехлеви (1925–1979).

В то же время принятие закона 2002 г. дало свой положительный результат. Воплощение задач, направленных на реформирование иранской экономики, которые были поставлены в третьем пятилетнем плане развития Ирана (2000/01–2004/05 гг.), требовало привлечения в страну значительного объема инвестиций. В среднем необходимо было инвестировать приблизительно 14,5 млрд. долл. в год¹. Учитывая ограниченность внутренних источников финансирования, особые надежды возлагались на иностранные инвестиции. С задачей их привлечения иранская экономика справилась. Объем инвестиций в Иран весной 2004 г. составил 643 млн. долл.² К октябрю 2004 г. объем инвестиций в Иран возрос на 20% по сравнению с мартом³.

Общая тенденция поступлений иностранных инвестиций в страну выглядит следующим образом⁴:

Можно предположить, что сокращение потока инвестиций в 2003 г. было вызвано внутривнутриполитическими столкновениями между противниками и сторонниками привлечения иностранных инвестиций в Иран. А их рост в 2004 г. говорит о крепнущей уверенности иностранных инвесторов в экономику ИРИ.

Многолетним лидером в области иностранных инвестиций остаются европейские страны. Они заняли ниши традиционной для них нефтегазовой отрасли, а также сферы высоких технологий и машиностроения. «Тяжеловесами» по объемам иностранных инвестиций в Иране признаются Германия, Италия, а также Турция. За последние десять лет итальянские инвестиции составили 650 млн. долл. В 2003 г. между Ираном и Италией было подписано Соглашение о промышленном сотрудничестве. В том же году немецкое руководство приняло решение о том, что государство будет предоставлять годовые гарантии по страхованию сделок с Ираном до 500 млн. евро.

С каждым годом, по всей видимости, будет происходить все более активное вовлечение в процесс инвестирования дальневосточных стран (Китай, Япония, Южная Корея). Так, сотрудничество с Китаем осуществляется в таких областях, как энергетика, судостроение, строительство метрополитена, электростанций металлургических предприятий, а также в нефтегазовой сфере, нефтехимии, сельском хозяйстве и ткацком производстве. Одним из крупных инвесторов Ирана является Юж-

ная Корея. Свои капиталы в экономику Ирана также вкладывают Индия, ОАЭ.

В то же время рынок иностранных инвестиций в ИРИ все еще достаточно скромен для страны, обладающей одной из наиболее крупных и активно развивающихся экономик в данном регионе. Объем прямых зарубежных инвестиций в ИРИ на 2003 г. составлял менее 1% от ВВП и равнялся примерно 1,7 доллара на человека. Несмотря на это, четвертый пятилетний план и бюджет 2006 г. предусматривают привлечение иностранных инвестиций в экономику ИРИ на сумму 1,8 млрд. долл.

Подводя итоги, можно сказать следующее. Закон 2002 г. заложил современную правовую основу для привлечения иностранных инвестиций в Иран и отражает заинтересованность страны в иностранных инвестициях. Он отвечает ряду международных стандартов: предлагает иностранному капиталу национальный режим и режим наибольшего благоприятствования, снимает ограничения на участие иностранных инвесторов в государственных секторах иранской экономики, позволяет решать гражданские споры между иностранными инвесторами и иранскими партнерами в любом международном судебном и арбитражном органе. Одним из важнейших положений нового закона является предоставление иностранному инвестору гарантий со стороны государства.

В то же время закон продолжает содержать ряд ограничений на ведение инвестиционной деятельности на территории ИРИ. Эти ограничения усугубляются рядом неблагоприятных факторов, существующих в Иране на данный момент, из которых сильное государственное вмешательство в экономику можно выделить как основное. Однако данный недостаток неизбежен: на примере Ирана мы видим уникальный опыт государства, которое в условиях исламского правления проводит политику преобразований, перехода к современным методам управления экономикой, сохраняя мусульманские традиции и национальную специфику страны, что требует особой осмотрительности и такта ее властей. Этот опыт представляется немаловажным в условиях, когда ряд мусульманских стран, придерживаясь своих исторических традиций, одновременно идет по пути модернизации.

Принятие закона 2002 г. представляется важным и для российской экономики, поскольку Иран все больше превращается в государство, дружелюбно настроенное к РФ и выражает

готовность идти на сотрудничество, в том числе и в сфере инвестиций. Закон 2002 г. послужил основой нового этапа развития взаимовыгодных российско-иранских отношений: весной 2002 г. в силу вступили договор об основах взаимоотношений и принципах сотрудничества между РФ и ИРИ, а также соглашение об избежании двойного налогообложения. Идет разработка российско-иранского соглашения о поощрении и взаимной защите капиталовложений.

Россия активно участвует в реализации проектов «Южный Парс» («Газпром»), создании транспортного коридора Север-Юг («Российские Железные Дороги»), ТЭС «Табас», обустройстве угольного месторождения «Мазино» и др. Основными сферами российских инвестиций являются: нефтегазовая промышленность, атомная и теплоэнергетика, транспорт, космос. В то же время закон 2002 г. предоставляет широкие возможности для новых инвестиций. Таким возможным направлением для иностранных инвестиций могут стать проекты, связанные с легкой промышленностью, аграрно-промышленным комплексом. В связи с этим надо отметить попытки иранского правительства изменить направление потока иностранных инвестиций. Ранее (в 2001 г.) оно старалось привлечь иностранный капитал в нефте- и газодобывающую отрасль, тяжелую промышленность. В 2005 г. список проектов, куда Иран готов привлечь инвестиции, составляют уже, в том числе, предприятия легкой промышленности, объекты социальной сферы, производство малых электростанций, удобрений, сельской техники.

¹ http://www.vneshmarket.ru/content/document_r_DFC88C1A-04B5-4BD3-8B0B-5A5D52181315.html

² Annual Report 1382 (2002/2004). Tehran, 2004, с. 20.

³ <http://www.iranmania.com/>

⁴ Данные за 2004 г. приведены по оценочным расчетам МВФ.

С.Н.Кузнецов

ГЕОПОЛИТИЧЕСКОЕ ПОЛОЖЕНИЕ ПАКИСТАНА И РЕГИОНАЛЬНАЯ СРЕДА

Об актуальности исследования геополитического положения Исламской Республики Пакистан (ИРП) в постбиполярную эпоху стали говорить относительно недавно – лишь с конца 90-х годов. Тему высветил ряд событий, оказавших серьезное влияние на международные отношения, как на региональном, так и на глобальном уровне.

Среди основных причин роста геополитического значения Пакистана можно выделить следующие:

- обретение им статуса «неофициального» ядерного государства и обострившиеся в этой связи проблемы ядерного нераспространения;

- теракты 11 сентября 2001 г. в США и формирование антитеррористической коалиции для свержения режима талибов, потребовавшее участия в ней Пакистана и изменения его внешнеполитического курса по отношению к Афганистану;

- угроза «талибанизации» ИРП и распространения исламского радикализма с ее территории;

- возрастающая зависимость мирового хозяйства от углеводородных энергоносителей и соседство Исламской Республики с двумя крупными нефтегазодобывающими регионами – Персидским Заливом и Центральной Азией, обеспечивающее возможность создания «энергетических коридоров» через территорию Пакистана;

- стремление постсоветских республик Центральной Азии уменьшить свою зависимость от российских транспортных коридоров, в том числе и путем создания транспакистанских маршрутов;

- изменение геополитического положения Южной Азии, связанное с расширением военно-стратегического присутствия США в регионе, усиливающейся быстрыми темпами экономической и военно-политической экспансией соседнего Китая как

на региональном, так и на глобальном уровне, а также с укреплением региональной мощи динамично развивающейся Индии.

Геополитические преимущества Пакистана

Проекты строительства транспакистанских газопроводов

В последние годы особую актуальность приобрели планы прокладки трубопроводов для транспортировки углеводородного сырья через территорию Пакистана. На сегодняшний день существует два основных проекта сооружения трубопроводных магистралей: газопровод от Давлетабадского месторождения в Туркменистане и далее через территорию Пакистана до его границы с Индией и газопровод от иранского месторождения Южный Парс и далее. Контроль над частью энергетического коридора позволил бы Пакистану не только избежать возможного дефицита в природном газе, но и значительно укрепить свое геополитическое положение, контролируя «вентиль трубы».

Заинтересованность Пакистана в транзите газа через свою территорию определяется прежде всего материальными и стратегическими интересами. По подсчетам экспертов, доходы государства от транзита газа (т.н. «роялти») составили бы около 500 млн. долл. в год от каждого газопровода¹.

Однако, несмотря на то, что в 2002–2005 годах был достигнут значительный прогресс в продвижении этих проектов, основными препятствиями на пути их реализации являются особенности региональной и глобальной среды. Основным недостатком «туркменского варианта» является то, что с ним связаны высокие риски, обусловленные сложной военно-политической обстановкой в Афганистане, исключающей возможность гарантированной безопасности трубопровода.

Реализации же проекта строительства газопровода из Ирана препятствует прежде всего политика США, направленная на обеспечение максимально возможной изоляции Ирана. Появившиеся в марте 2006 г. сообщения в прессе по поводу того, что Вашингтон якобы снял свои возражения относительно прокладки этого газопровода, были опровергнуты представителем Совета национальной безопасности США Ф.Джонсом². Еще одной проблемой, ставшей на пути реализации этого проекта, стало голосование Индии на заседаниях Совета управляющих

МАГАТЭ в 2005–2006 гг. за резолюции, ставившие под сомнение транспарентность ядерной программы Ирана. Почти сразу после голосования на заседании МАГАТЭ, состоявшемся в сентябре 2005 г., представитель МИД ИРИ заявил о разрыве контракта с Индией на поставки сжиженного природного газа, которые должны были начаться в 2009 году. Через три дня после этого последовало новое заявление МИД Ирана, где отмечалось намерение Тегерана пересмотреть экономические отношения со странами, поддержавшими американский проект резолюции МАГАТЭ.

Несмотря на то, что разногласия участников проекта удалось несколько смягчить, судьба газопровода по-прежнему весьма туманна. Кроме того, после рассмотрения «ядерного досье» Ирана в Совете Безопасности ООН, которое было туда передано МАГАТЭ в марте 2006 г., вполне возможно введение мировым сообществом санкций в отношении Ирана, что может практически свести на нет шансы на реализацию проекта транспортировки газа из Ирана.

Возможности создания транспортных коридоров через территорию Пакистана

Согласно отчету о внешней политике Пакистана за 2003–2004 ф.г., опубликованному МИД ИРП, основной целью внешней политики Пакистана в отношении стран Центральной Азии является стимулирование экономического сотрудничества путем предоставления республикам этого региона доступа в ближайшие годы к пакистанским портам Карачи и Гвадар для торговли со странами Южной Азии и более отдаленными регионами³.

В случае осуществления масштабных проектов по допуску стран Центральной Азии к Аравийскому морю через территорию Пакистана Исламабад получал бы регулярное пополнение в бюджет в виде транзитных пошлин и оплаты услуг за пользование портами. Постсоветским центральноазиатским республикам удалось бы сократить расстояние транспортировки товаров в Юго-Восточную Азию и на Ближний Восток по сравнению с российскими маршрутами на 1200–1400 км.

По географическим критериям удобнее всего осуществлять перевозки из Центральной Азии в Пакистан и обратно через территорию Афганистана. Однако существующие там шоссейные дороги пришли в негодность за годы гражданской войны и требуют реконструкции. Необходима также модернизация

и расширение участков этих путей и на пакистанской территории. Такая серьезная работа там уже ведется. В 2003 г. Азиатский Банк Развития объявил о выделении Пакистану кредита в размере 187 млн. долл. США на улучшение дорожной сети в Белуджистане⁴. Сообщается, что АБР окажет подобную целевую финансовую помощь и Афганистану для воплощения в жизнь стремления соединить Пакистан и Центральную Азию транспортным коридором⁵.

Рассматриваются и варианты строительства транзитных железнодорожных путей через территорию Афганистана. Как заявил премьер-министр Пакистана Ш.Азиз на саммите Организации Экономического Сотрудничества (ЭКО) в Душанбе в сентябре 2004 г., Пакистан изучает возможности использования транспортных путей для установления железнодорожного сообщения с Узбекистаном и Туркменистаном⁶.

Однако сохраняющаяся в Афганистане нестабильность является серьезным препятствием планам создания через его территорию транспортного коридора из Пакистана в Центральную Азию. В связи с этим активно прорабатываются возможности транзита через Иран и Китай. В частности, рассматривается возможность использования железнодорожной сети ИРИ. Пакистанский Белуджистан соединен железнодорожной веткой с иранским городом Захедан, расположенным недалеко от границы двух государств. Планируется создать железнодорожный коридор Кохитафтан (Пакистан) – Захедан – Бам – Керман – Бафг – Мешхед – Серахс (Иран) – Теджен (Туркменистан). В настоящее время ИРИ ведет строительные работы по сооружению железнодорожного перегона на своей территории. Ожидается, что по окончании строительства этого участка транспортный коридор начнет функционировать.

Планируются транзитные пути и через Китай. В марте 1995 г. Китай, Пакистан, Казахстан и Кыргызстан подписали соглашение о строительстве дороги, призванной соединить Китай и страны Центральной Азии с пакистанскими портами в Аравийском море. Предполагаемая трасса должна соединить кыргызский г. Ош с китайским г. Кашгаром и последующим выходом на Каракорумское шоссе⁷. Предусматривается и проведение реконструкции этого шоссе с тем, чтобы повысить его пропускную способность и сделать проходимым круглогодично (ныне из-за погодных условий шоссе эксплуатируется лишь 6 месяцев в году)⁸.

В Исламабаде огромное значение придают строительству в пакистанской провинции Белуджистан порта Гвадар, который рассчитывают широко использовать для транзита товаров. Строительство этого порта началось в 2002 г. при активной поддержке КНР. Весной 2005 г. была сдана в эксплуатацию первая очередь строительства порта. В Гвадаре на этом этапе уже построено три многоцелевых причала по 200 метров каждый вместе с 350-километровой резервной площадкой и пятикилометровым каналом с глубиной в 11,5 метров⁹ для подхода судов с водоизмещением до 30 тыс. тонн.

Во время визита в Пакистан премьера Госсовета КНР Вэнь Цзябао в апреле 2005 г. было подписано соглашение о строительстве второй очереди порта Гвадар. На второй стадии глубина канала будет доведена до 14,5 метров, возведено еще десять причалов, шесть из которых будут контейнерными терминалами, два – нефтяными пирсами и еще два будут предназначены для сухогрузов¹⁰.

Предполагается, что помимо стран Центральной Азии порт Гвадар активно будет использовать и Китай. Наибольшая часть грузопотока в Китай и из него идет прежде всего через Южно-Китайское море. Однако использование этого маршрута не всегда целесообразно. Расстояние от западных провинций до юго-восточного побережья КНР достигает 4500 км, что значительно увеличивает транспортные расходы. Помимо этого еще используются пути через Непал и Индию, а также через Мьянму с выходом в Бенгальский залив и Индийский океан. Однако общей проблемой использования этих маршрутов является высокая активность морских пиратов. По некоторым данным, только в 1997 г. число нападений на торговые суда составило 247 случаев¹¹. Кроме того, маршрут через Непал и Индию обладает еще и низкой пропускной способностью.

В этой связи для Китая еще больше возрастает значимость транспакистанского маршрута. Этим прежде всего и объясняется активная помощь КНР Пакистану в области строительства порта Гвадар и развития инфраструктуры в провинции Белуджистан. Для сравнения, расстояние от Синьцзян-Уйгурского автономного района (СУАР), расположенного на северо-западе Китая, до Гвадара составляет лишь около 2500 км, хотя при этом значительная часть пути приходится на высокогорные районы.

Кроме того, Исламабад уже дал согласие КНР на использование порта Гвадар и в качестве военно-морской базы.

Следует заметить, что еще одним препятствием для использования Пакистана в качестве транзитной страны может стать обострившийся в последние несколько лет этнический конфликт в провинции Белуджистан, через которую и планируется провести названные выше транспортные коридоры. Напряженная обстановка в этой провинции уже приводила к взрывам магистралей пакистанской газопроводной сети и чуть не вынудила пакистанские власти приостановить железнодорожное сообщение с Ираном.

Сопrotивление региональной среды

На протяжении более полувека территориальный спор между Пакистаном и Индией по поводу принадлежности бывшего княжества Кашмир является ключевой проблемой пакистано-индийских отношений, уже вызвавшей несколько вооруженных конфликтов между двумя странами. В этой связи именно Индия воспринимается в качестве основной угрозы национальной безопасности Исламабада.

Однако после установления в Афганистане в конце 2001 г. проамериканского режима Х.Карзая угроза Пакистану стала исходить и с северо-западных его границ. По некоторым данным, в результате контртеррористической операции в Афганистане было уничтожено около 6 тыс. боевиков различных террористических организаций, а более чем 40 тыс. уцелевших террористов удалось укрыться в Пакистане (в основном в граничащих с Афганистаном Северо-Западной пограничной провинции, провинции Белуджистан, на Территории племен федерального управления (ФАТА), а также в пакистанской части Кашмира)¹². Периодически эти боевики осуществляют террористические вылазки в Афганистан, а затем возвращаются обратно.

Неспособность Исламабада полностью взять под контроль территорию страны неоднократно приводила к напряженности в отношениях с Афганистаном и известному давлению со стороны США. Осенью 2003 г. Пакистан даже был вынужден ввести в ФАТА части регулярной армии численностью около 25 тыс. человек. Затем общая численность пакистанских вооруженных

сил на границе с Афганистаном была доведена до 80 тыс. человек¹³. Однако, несмотря на предпринятые усилия, проблема базирования террористов в северо-западных районах Пакистана продолжает оставаться достаточно острой.

В сентябре 2005 г. президент Пакистана П.Мушарраф выступил с инициативой строительства разделительной стены на пакистано-афганской границе. Предполагалось, что она будет препятствовать инфильтрации боевиков с обеих сторон границы. Легальное пересечение границы осуществлялось бы на специальных блокпостах. Эта идея нашла поддержку и среди руководства США. Однако президент Афганистана Х.Карзай выступил с жесткой оппозицией строительству стены под предлогом того, что это нарушит «близость» между народами двух стран¹⁴.

Однако, как представляется, дело здесь не только и не столько в «близости» двух народов. Строительство стены помимо противодействия инфильтрации боевиков содействовало бы и другой цели пакистанцев – демаркации границы двух стран, проходящей по так называемой Линии Дюранда, разграничившей владения тогда еще единой Британской Индии и Афганистана согласно Договору 1893 года. Администрация Х.Карзая отказывается признавать Линию Дюранда в качестве окончательно определенной границы между Афганистаном и Пакистаном, считая ее дискриминационным наследием британского колониализма¹⁵.

Кабул и Исламабад периодически обмениваются взаимными обвинениями во вторжении соседских военных подразделений на свою территорию, упреками в недостаточных усилиях по борьбе с боевиками и т.д. Показательно, что с некоторых пор в Вашингтоне обвинения администрации Х.Карзая в адрес пакистанских властей воспринимаются со все большим пониманием.

В январе 2006 г. с целью уничтожения скрывающихся в ФАТА террористов военные самолеты США совершили вторжение в воздушное пространство Пакистана и произвели пуск ракет по местам предполагаемого базирования террористов. Это свидетельствует о том, что несмотря на официальные заявления американских властей, в Вашингтоне также начинают скептически относиться к усилиям Пакистана по борьбе с боевиками на своей территории. В результате авиаудара погибло 18 человек, в том числе мирные жители¹⁶.

Усиление проникновения в Южную Азию США и Китая и его значение для Пакистана

В начале 2000-х годов в Южной Азии резко активизировалась политика США, направленная на укрепление своего геостратегического положения. В марте 2000 г. по итогам визита премьер-министра Индии А.Б.Ваджаи в США лидеры двух стран подписали совместное заявление «Индийско-американские отношения: видение на XXI век». В этом документе провозглашалось партнерство Индии и США и их общая ответственность за обеспечение «стратегической стабильности в Азии и за ее пределами», «гарантировалась региональная и международная безопасность». В нем стороны также высказали намерение создать «естественное партнерство разделяемых устремлений» на основе уже существующего в их отношениях «партнерства разделяемых идеалов»¹⁷.

Изменение отношения к Индии отразилось и в официальных документах США. В Стратегии национальной безопасности, опубликованной в сентябре 2002 г., например, говорится: «Если в прошлом такое беспокойство [по поводу ее ракетно-ядерных программ] определяло наше отношение к Индии, то теперь мы начинаем рассматривать Индию в качестве крепнущей мировой державы, с которой у нас имеются общие интересы»¹⁸.

В последние 2–3 года наблюдается резкая активизация сотрудничества между США и Индией в стратегической сфере. В апреле 2002 г. Вашингтон согласился поставить Индии военные радарные системы компании «Рейтион» на сумму в 146 млн. долл. США. В мае 2003 г. США одобрили продажу Израилем Нью-Дели авиационных систем дальнего радиолокационного обнаружения «Фалкон» общей стоимостью 1,2 млрд. долл. США. Однако важнейшие документы между США и Индией в стратегической сфере были подписаны летом 2005 г. 28 июня было подписано соглашение – Новые рамки отношений США и Индии в сфере обороны, а 18 июля – Совместное заявление о сотрудничестве в ядерной сфере.

В совместном индийско-американском заявлении, подписанном по итогам визита в Вашингтон премьер-министра Индии М.Сингха, декларируется намерение преобразовать отношения двух стран в «глобальное партнерство». Отмечается намерение Вашингтона исключить индийские организации, подозревавшиеся в нарушении режимов нераспространения, из «черного списка» министерства торговли США. Предусматри-

вается более тесное сотрудничество в сфере исследования космоса, эксплуатации спутников, а также использования космического пространства в коммерческих целях¹⁹.

Индия в этом документе характеризуется как «ответственное государство с передовой ядерной технологией». В этой связи США намерены начать широкомасштабное сотрудничество с Индией в сфере мирной атомной энергии. «Президент будет также добиваться согласия Конгресса на изменение законов и политики США, а также взаимодействовать с дружественными и союзными странами для изменения международных режимов [нераспространения] с целью обеспечения возможности полномасштабного сотрудничества с Индией в сфере мирной атомной энергии, включая (но не ограничиваясь этим) оперативное рассмотрение возможности поставок топлива для атомных реакторов в Тарапуре, находящихся под гарантиями МАГАТЭ», – зафиксировано в совместном заявлении²⁰.

Соглашение о сотрудничестве в сфере мирной ядерной энергии между Индией и США было подписано в ходе визита Дж.Буша в Индию в марте 2006 г. Предусматривается, что Индия разделит свой ядерный комплекс на военную и гражданскую составляющую. Именно в последней Соединенные Штаты будут сотрудничать с Индией. Как стало известно, в число АЭС, ориентированных на производство атомной энергии в мирных целях, войдут 14 реакторов (4 из них уже находятся под гарантиями) из 22 существующих в Индии. В период с 2006 по 2014 гг. они будут поставлены под гарантии МАГАТЭ²¹.

Кроме того, в подписанном 28 июня 2005 г. рамочном соглашении в сфере обороны предусматривается совместное производство высокотехнологичных оружейных систем, проведение обменов стратегиями в сфере обороны и ее трансформации, сотрудничество Индии и США в области противоракетной обороны (ПРО), в проведении «операций в других странах, когда это соответствует общим интересам», а также в сфере нераспространения ОМУ в соответствии с Инициативой по безопасности в борьбе с распространением (ИБОР), выдвинутой Дж.Бушем в мае 2003 г.²²

Как отмечает директор пакистанского Института стратегических исследований Ш.Мазари, эти индийско-американские соглашения подрывают стабильность не только в Южной, но и в Восточной Азии. Перспективы получения Индией систем ПРО приведут к необходимости увеличения Пакистаном «потолка»

«минимального сдерживания». Видимо, существенное влияние это окажет и на китайские ядерные арсеналы. Совместное производство США и Индией высокотехнологичного оружия будет нивелировать значение пакистанских закупок в Америке, т.к. тактико-технические характеристики индийских вооружений будут всегда на порядок выше. Сотрудничество же в сфере нераспространения создаст возможности для серьезных злоупотреблений. Дело в том, что ИБОР предусматривает возможность остановки и обыска любого судна в международных морском и воздушном пространствах лишь на основании малейших подозрений о наличии ОМУ на его борту (что, кстати говоря, нарушает действующее международное право)²³.

Известное недовольство в Пакистане вызывает и перспектива тесного сотрудничества США с Индией в сфере атомной энергетики. В Исламабаде полагают, что Пакистан заслуживает получения ядерных технологий наравне с Индией на тех основаниях, что он является партнером США, испытывает потребности в энергии для поддержания экономического роста и, наконец, уже в течение 33 лет обеспечивает безопасное функционирование своих АЭС²⁴.

Однако пока все, чего удалось добиться Исламабаду, – это согласие США на создание совместной американо-пакистанской рабочей группы по энергетике, которая изучит возможности укрепления энергетической безопасности Пакистана в связи с его растущими потребностями в электрической энергии²⁵. В Вашингтоне мотивируют свой отказ от сотрудничества с Пакистаном в сфере атомной энергии фактом распространения ядерных технологий группой ученых во главе с А.К.Ханом, раскрытой в конце 2003 года.

Активно закрепляется в Южной Азии и Китай. КНР традиционно поддерживает тесные партнерские отношения с Пакистаном, однако с Индией до последнего времени у него сохранялись довольно-таки прохладные отношения, обусловленные нерешенностью вопроса о прохождении госграниц между двумя государствами и соперничеством за лидерство в регионе.

Отношения еще более обострились после создания Индией ядерного оружия. Опасения Пекина относительно агрессивных амбиций Нью-Дели были подкреплены заявлением министра обороны Индии Дж. Фернандеса, который в апреле 1998 назвал Китай главной угрозой безопасности Индии. После ядерных испытаний Индии в мае 1998 г. премьер-министр А.Б.Ваджапай

в своих письмах лидерам стран Запада также напомнил тот факт, что в 1962 г. Индия стала жертвой агрессии Китая²⁶.

Однако в 2000-х гг. в отношениях двух стран наблюдается коренной перелом. В последние несколько лет сохраняется очень высокая динамика двусторонней торговли. Лишь в 2004 г. торговый оборот двух стран вырос на 79% и составил 13,6 млрд. долл. США²⁷. Удалось добиться и значительного прогресса в вопросах пограничного размежевания.

Новый уровень отношений был формально закреплен в ходе визита в Индию премьера Госсовета КНР Вэнь Цзябао в апреле 2005 г. Приветствуя своего китайского коллегу, премьер-министр Индии М.Сингх заявил: «Вместе Индия и Китай могут изменить мировой порядок». В совместной декларации, принятой по итогам визита, говорилось: «Стороны согласились, что индийско-китайские отношения приобрели глобальный и стратегический характер». В соответствии с этим документом Индия и Китай договорились установить «стратегическое партнерство ради мира и процветания»²⁸.

Место Пакистана в региональной геополитической конфигурации

В 1991–1994 гг. американский исследователь Сол Б.Козн выдвинул весьма интересную концепцию геополитической структуры мира, сложившейся после холодной войны²⁹. Он выделил два геостратегических региона: Приморский, где «регулирующим государством» являются США, и Евразийско-континентальный, за первенство в котором будут конкурировать Россия и Китай. Кроме того, по его мнению, существует еще девять геополитических регионов. Четыре из них С.Б.Козн включил в геостратегическую сферу Приморского региона: 1) Англо-Америка и Карибский бассейн, 2) европейские страны бассейна Средиземного моря и арабский Магриб; 3) островные государства Азии и Океании; 4) Южная Америка и Африка южнее Сахары. Еще два геополитических региона американский ученый отнес к Евразийско-континентальному геостратегическому региону: русский «хартленд» и Восточную Азию.

Седьмой регион, Центрально-Восточная Европа, является, по словам С.Б.Козна, «шлюзовым», т.е. своего рода буферной зоной, которая может способствовать развитию контактов и

взаимодействия между двумя геостратегическими регионами. Восьмой – Ближний Восток является «поясом раздора», за контроль над которым мировые центры силы будут соперничать и в дальнейшем из-за его стратегического положения и нефтяных ресурсов.

И лишь девятый регион – Южная Азия (в традиционном понимании), по мнению американского исследователя, не зависит ни от одного из геостратегических регионов³⁰. Такое понимание геополитического положения Южной Азии было достаточно оправданным для начала 90-х годов XX века, однако по объективным причинам долго сохраняться эта ситуация не могла.

В последнее время в отечественной и зарубежной науке ведутся оживленные дискуссии по поводу принадлежности Пакистана к тому или иному региону. Советская наука при выделении регионов исходила из географических координат, поэтому Пакистан традиционно включался в Южную Азию. Такой подход является и в мире наиболее распространенным. Однако с точки зрения геополитики, Пакистан следует относить скорее к другим регионам. Обратим внимание на то, что организационно в Институте Востоковедения РАН сектор Пакистана включен в отдел Ближнего и Среднего Востока, а не в Центр индийских исследований (бывший отдел Южной Азии), где помимо Индии изучаются Бангладеш, Непал и Шри-Ланка.

В 2004 г. США представили членам Группы восьми проект развития т.н. региона Большого Ближнего Востока, который был полностью опубликован в номере арабской газете «Аль-Хайят» (Лондон) от 13 февраля 2004 года³¹. В него, помимо стран арабского мира, включают также Пакистан, Афганистан, Иран, Турцию и Израиль. Из такого же понимания этого региона исходят и в российском Институте Ближнего Востока.

Иногда Пакистан включают и в Азиатско-Тихоокеанский регион (АТР), к определению которого до сих пор так и не удалось выработать единого подхода. Будет уместным заметить, что сегодня в АТР Пакистан включают и некоторые специализированные учреждения ООН. В одном из документов Всемирной организации продовольствия границы АТР определяют так: от Ирана на Западе до о-вов Кука на востоке, от Монголии на севере до Новой Зеландии на юге (всего 35 стран)³².

Оживленные дискуссии о принадлежности Пакистана к тому или иному региону происходят и в самой Исламской Республике. Некоторые там видят будущее Пакистана в Южной

Азии³³. Другие же склонны относить Пакистан скорее к Западной или Центральной Азии.

Интересное исследование регионального положения Пакистана с геоэкономической и геополитической точки зрения провел известный пакистанский экономист Ш.Дж.Бурки. Он отмечает, что СААРК за более чем пятнадцатилетний срок своего существования так и не превратилась в эффективную организацию регионального сотрудничества и, по всей видимости, этого не удастся достичь и в будущем. Поэтому Ш.Дж. Бурки не связывает Пакистан с Южной Азией и задается вопросом о перспективах участия Пакистана в других региональных блоках. На этом направлении он видит четыре возможности:

1) Объединение с Китаем в региональную организацию наподобие Зоны свободной торговли Северной Америки (НАФТА) по примеру Мексики.

2) Вступление в ШОС. Пакистанский экономист отмечает, что Китай в последние годы осуществляет активную деятельность по включению западных соседей в свою геостратегическую орбиту. Главной целью вступления Китая в ШОС, по мнению автора, было стремление Пекина обезопасить западные границы страны от распространения влияния исламского радикализма, создав единый фронт с центральноазиатскими государствами. Однако, предсказывает пакистанский экономист, через некоторое время ШОС может стать основой нового экономического блока, в которой мог бы вступить и Пакистан. При этом перспективы вступления Пакистана в такую интеграционную группировку будут зависеть главным образом от эффективности его борьбы с исламским радикализмом и терроризмом в рамках прежде всего, собственной территории.

3) Возрождение организации «Региональное сотрудничество в рамках развития», созданной в 1964 г. Пакистаном, Турцией и Ираном и преобразованной в Организацию экономического сотрудничества (ЭКО) в 1985 г., т.е. интеграция по оси Пакистан – Турция – Иран.

4) Создание экономического блока с мусульманскими странами Западной Азии.

При этом Ш.Дж.Бурки понимает под Западной Азией (по всей видимости, в цивилизационно-географическом смысле) обширный регион, протянувшийся от Марокко до Пакистана и включивший в себя не только арабские страны Ближнего Востока, но и Иран, Пакистан, Турцию, Афганистан и «центральноазиат-

ские страны». Далее пакистанский экономист выражает надежду, что именно Пакистан может взять на себя инициативу по объединению стран Западной Азии в экономический интеграционный блок³⁴.

Пакистанский журналист Ахмед Курайши также относит Пакистан к региону Центральной и Западной Азии. Он выделяет три этапа в становлении геополитического положения Пакистана, связанных с получением им независимости, вторжением СССР в Афганистан, террористическими актами 11 сентября 2001 г. А.Курайши отмечает, что правящая со времен прихода в Индию Великих Моголов мусульманская элита, никогда не теряла национально-культурной идентичности в Индии. После потери власти с приходом в Индию британских колонизаторов «мусульманская нация» столкнулась с угрозой ассимиляции гораздо более многочисленным, но представляющим другую цивилизацию народом – так, как это случилось в свое время с мусульманами в Испании. И лишь движение за независимость Пакистана под лозунгом существования в Британской Индии «двух наций», сформулированным отцом-основателем пакистанской государственности М.А.Джинной, позволило этого избежать.

А.Курайши пишет: «Пакистан не является частью Южной Азии. Пакистан – это государство, граничащее с Западной, Центральной и Южной Азией. Необходимо решительно подчеркивать исторические, культурные и этнические связи Пакистана с Западной и Центральной Азией и отдавать им приоритет перед любыми связями с Южной Азией». Он подчеркивает, что государственная идеология должна быть неприкосновенна. Руководство страны не должно позволять индийцам использовать пакистанские СМИ для критики раздела Британской Индии на два государства. Он предлагает даже в телепрогнозах погоды показывать Пакистан не как часть Южной Азии, а как продолжение Западной и Центральной Азии. Интересно, что он рассматривает концепцию США по созданию «Большого Ближнего Востока» как соответствующую интересам Пакистана. По его словам, осуществление планов американцев содействовало бы и интересам Пакистана, т.к. позволило бы создать обширное геополитическое пространство, которое охватило бы и Пакистан и было бы избавлено от «идеологий, проповедующих ненависть»³⁵.

В 1997 г. один из ведущих российских пакистановедов В.Я.Белокреницкий выдвинул концепцию Центральноазиатско-Средневосточного региона, в который он включил Иран, Паки-

стан, Турцию и пять постсоветских государств Центральной Азии³⁶. Российский ученый отмечает, что, хотя исторически Пакистан и относится к Южной Азии, все-таки геополитически он тяготеет к «глубинам Азии», в то время как Индия и другие южноазиатские страны «дрейфуют» в сторону динамично развивающегося АТР³⁷.

В 2004–2005 гг. известный российский специалист в области истории и теории международных отношений А.Д.Богатуров ввел в научный оборот и обосновал новый термин для обозначения сформировавшегося в Евразии нового геополитического региона и новой подсистемы международных отношений – Центрально-Восточной Азии³⁸. Этот регион предстает перед нами, по словам российского ученого, как единое политико-стратегическое пространство от Закаспия до Тихоокеанского побережья Китая. По его мнению, формированию нового региона способствовал ряд факторов, таких как: резкая активизация политики США и ряда наиболее близких Вашингтону партнеров по блоку НАТО на Среднем Востоке, выработка нового мощного ориентированного на Центральную Азию вектора политики КНР, превращение Индии и Пакистана в «нелегальные» ядерные державы, а также рост значения энергетической составляющей региональных отношений³⁹.

По его словам, ядро этого региона составляет «связка» Пакистан – Афганистан – Таджикистан – Узбекистан. «Взаимопроникающее» расселение таджиков и узбеков в сопредельных районах Узбекистана и Таджикистана определяют повышенную активность как минимум первого в дела второго. Вовлеченность общин афганских таджиков и узбеков, проживающих на севере Афганистана, во внутриафганские схватки за власть в Кабуле обуславливает прочную связь Афганистана с Узбекистаном и Таджикистаном. В то же время Афганистан не может рассматриваться в качестве автономного игрока региональной арены. Проблема «Великого Пуштунистана» намертво связывает его с Пакистаном⁴⁰.

Кроме того, Таджикистан и Узбекистан сложно рассматривать в отрыве от других стран Центральной Азии, т.к. после распада СССР они сохранили определенную культурно-историческую близость, экономические взаимосвязи, общность транспортных артерий. На этом пространстве возникли новые объединяющие их региональные институциональные структуры (ЭКО, ШОС и др.).

Включение же Китая в эту региональную подсистему, по словам А.Д.Богатурова, обусловлено возникновением нового западного и северо-западного вектора политики обеспечения национальной безопасности КНР и превращением его в одно из важнейших направлений внешней политики Пекина, отразившегося, в частности, в создании Шанхайской организации сотрудничества (ШОС).

Все эти теоретические концепции, включающие Пакистан в тот или иной геополитический регион, являются отражением объективных процессов, происходящих в этой части Азии. В то же время такое многообразие взглядов на принадлежность Пакистана к тому или иному геополитическому региону отражает неустойчивость формирующейся в Азии геополитической конфигурации. Пакистан находится на стыке уже сложившихся геополитических регионов: ближневосточного, центрально-азиатского, АТР и т.д. В связи с усиливающейся активностью региональных и внерегиональных игроков эти подсистемы имеют тенденцию к экспансии. Тяготение Пакистана то к одной, то к другой подсистеме пока носит переменчивый характер.

* * *

Как представляется, в настоящее время в регионе происходит становление новой системы партнерств с участием Индии, Китая и США. В основном эти партнерства носят двусторонний характер. При этом каждая «связка» двух государств заинтересована в создании противовеса усиливающемуся третьему. Так, «связка» США-Индия предполагает сдерживание Китая как растущего макрорегионального центра силы, Индия-Китай – оппозицию доминированию в глобальных и региональных международных отношениях США, США-Китай – в какой-то мере также подразумевает сдерживание динамично развивающейся Индии. Ситуация напоминает биполярное противостояние СССР и США, когда складывание антагонистических военно-политических блоков имело своей целью сдерживание потенциального противника. Современная же ситуация в Азии с участием трех государств с перспективой увеличения их числа, на наш взгляд, позволяет говорить о складывании «многополюсного сдерживания» в рамках отдельного региона, т.е. системы перекрестных партнерств и союзов, направленных на поддержание определенного равновесия сил сотрудничающих акторов.

Пакистан из этой системы пока выпадает главным образом из-за остроты Кашмирской проблемы, пока не позволяющей сформировать партнерские отношения с Индией. Тем не менее в отношениях Пакистана с США и Китаем достаточно велика военно-технологическая компонента, благодаря которой Исламабад рассчитывает на поддержание достаточной обороноспособности для защиты от потенциальной агрессии Индии. В этой связи президентом Пакистана П.Мушаррафом была выдвинута концепция «минимального сдерживания», в соответствии с которой в случае нарушения баланса сил в регионе Пакистан должен стремиться к его восстановлению, не провоцируя при этом гонки вооружений⁴¹.

Вместе с тем в Пакистане весьма распространено мнение, что американо-пакистанское партнерство основано на ситуативных интересах Вашингтона и после нормализации обстановки в Афганистане США опять оставят Пакистан «один на один» со своими проблемами. Поэтому Пакистан последовательно стремится расширить круг своих стратегических партнеров. Отчасти этим и объясняется, в частности, его стремление вступить в ШОС⁴².

С другой стороны, по всей видимости, осуществляя военно-техническое сотрудничество с Пакистаном, Вашингтон стремится не только к укреплению его оборонного потенциала с целью обеспечения безопасности на пакистано-афганской границе, но и к поддержанию баланса вооружений между Пакистаном и Индией. Таким образом, и в этом случае можно говорить о наличии связки Пакистан-США, стремящейся к сдерживанию Индии (на это же во многом нацелена и связка Пакистан-Китай). Точно так же связка Индия-США предусматривает и сдерживание Пакистана. Косвенно об этом свидетельствует решение США, принятое в марте 2005 г., о продаже стратегических бомбардировщиков как в Пакистан, так и в Индию. Поставки Ф-16 в Пакистан должны были начаться уже в конце 2005 г., однако, по соглашению сторон, эти сроки были перенесены в связи с большими затратами Пакистана на ликвидацию последствий сильного землетрясения, потрясшего Южную Азию в октябре 2005 года. Решение Вашингтона открыть для сотрудничества с Индией и сферу ядерной энергии также было, хотя и в гораздо меньшей степени, уравновешено готовностью начать с Исламабадом диалог по энергетической безопасности.

Думается, что интересы США в сохранении партнерских отношений с Пакистаном будут сохраняться не только в связи с обстановкой в Афганистане. Скорее наоборот, Вашингтон будет стремиться ко все большему вовлечению Исламабада в систему своих взаимоотношений с другими региональными странами. При этом режим П.Мушаррафа, выступающий с весьма умеренных позиций, соответствует стратегическим интересам США. «Фасадная демократизация» Пакистана будет лишь способствовать развитию пакистано-американских отношений.

Пакистану, для того чтобы не оказаться слабым звеном в этом четырехугольнике, видимо, придется приложить еще большие усилия для укрепления отношений с Индией. Хотя на данном этапе с трудом верится в возможность снижения остроты проблемы Кашмира как раздражителя двусторонних отношений на долгосрочный период. С 1 января 2006 г. вступило в силу Соглашение о свободной торговле СААРК. Ход его осуществления во многом будет показателем тех пределов, до которых Пакистан и Индия смогут развивать сотрудничество. Пока же Пакистан все еще отказывается предоставить Индии режим наибольшего благоприятствования в двусторонних торгово-экономических отношениях.

Вероятно, что складывание системы партнерств в этих пределах на основе «многополюсного сдерживания» приведет к формированию нового геополитического, или даже геостратегического региона с участием США, Китая, Индии и Пакистана. Вполне вероятно включение в него и России, которая пока, к сожалению, не в полной мере использует имеющийся потенциал развития отношений со странами складывающегося региона. Индия и КНР добились значительных успехов в диверсификации своих стратегических ориентаций. Помимо установления партнерских отношений с США, они смогли преодолеть существенные раздражители в двусторонних отношениях и получили возможность выбирать партнеров для сотрудничества в стратегических сферах: освоении космоса, ядерной энергетике, ВТС, высокотехнологичных производствах. Соответственно, удельный вес Российской Федерации, которая до сих пор пытается использовать лишь накопленную базу отношений, в таких областях сотрудничества с этими странами будет постепенно падать. Использование Россией стратегии интеграции (вовлечения) новых стран в партнерские отношения и концепции «многополюсного сдерживания», думается, позволило бы

расширить внешнеполитические и внешнеторговые возможности РФ, а также поддержать угасающий потенциал отношений с некоторыми традиционными партнерами.

¹ Siddiqi K. Which is the Real Pipeline for Peace? //

<http://www.dawn.com/2005/04/01/op.htm>

² US still Opposed to Iran Pipeline. //

<http://dawn.com/2006/03/08/top15.htm>

³ Pakistan Foreign Relations 2003–2004. – Islamabad: Ministry of Foreign Affairs, 2004, с. 30.

⁴ Road Network Improvement in Balochistan, Pakistan, to Strengthen Regional Linkages. //

<http://www.adb.org/Documents/News/2003/nr2003160.asp>

⁵ ADB to Give \$2.6bn Aid. //

<http://www.jang.com.pk/thenews/may2003-daily/12-05-2003/main/main3.htm>

⁶ Scholars Look at Kunjerab Pass for Trade with Central Asia, China. //

<http://www.jang.com.pk/thenews/mar2005-daily/05-03-2005/business/b22.htm>

⁷ Khawaja A.Sh. Pakistan and the «New Great Game». / Islamabad Political Research Institute Paper #1. –Islamabad: Asia Printers, 2003. //

<http://www.ipripak.org/papers/pakandnewgame.shtml>

⁸ Khawaja A.Sh. The Changing Dynamics of Pakistan's Relations with Central Asia //

http://www.cacianalyst.org/view_article.php?articleid=3085

⁹ Interview with Geo, Follow up with Fahad. // Pakistan TV, 04.04.2005, 11.00 Islamabad Time. – <http://www.presidentofpakistan.gov.pk>

¹⁰ Ibid.

¹¹ Shisheng H. China's South Asia Policy and its Regional Impact. // Major Powers and South Asia. – Islamabad: Institute of Regional Studies, 2003, с. 314.

¹² Мелехина Н.В. Исламорадикализм и экстремизм в сепаратистском движении Кашмира. // Пакистан, страны Южной Азии и Среднего Востока: история и современность. Сборник статей памяти Ю.В.Ганковского. – М.: Научная книга, 2004, с. 160.

¹³ Kronstadt K.A. Terrorism in South Asia. CRS Issue Brief for Congress. – Washington: August 2005, с. 3. – <http://fpc.state.gov/documents/organization/52750.pdf>

¹⁴ Karzai Opposes 'Fencing' off Pakistan-Afghan Border. // <http://in.news.yahoo.com/060216/43/62jo1.html>

¹⁵ Подробнее о пограничном вопросе в пакистано-афганских отношениях см. Кузнецов С.Н. Афганская политика президента Пакистана П.Мушаррафа после 11 сентября. // Ближний Восток и современность. Сборник статей. – Вып. 26. – М.: Институт Ближнего Востока, 2005, с. 212–240.

¹⁶ Musharraf: Al Qaeda Members Likely Hit in U.S. Strike. // Financial Times, 26.012006.

¹⁷ India-US Relations: Vision for the 21st Century. // http://www.indianembassy.org/indusrel/clinton_india/joint_india_us_statement_mar_21_2000.htm

¹⁸ The National Security Strategy of the United States of America. // <http://www.whitehouse.gov/nsc/nss.html>

¹⁹ India – USA Joint Statement. // <http://www.dae.gov.in/jtstmt.htm>

²⁰ Ibid.

²¹ Separation of N-Units by 2014: Singh. // <http://dawn.com/2006/03/08/top14.htm>

²² Текст соглашения см.: The Defence Framework. Press Release 2005. // <http://newdelhi.usembassy.gov/ipr062805.html>

²³ Proliferation Security Initiative. Statement of Interdiction Principles. // <http://whitehouse.gov/news/releases/2003/09/20030904-11.html>

²⁴ Ihtasham ul Haque. Support Claimed in US for Pakistan's Case on N-power Plants. // <http://indiamonitor.com/news/readCatFullNews.jsp?ni=9466&ct=USA-Pakistan>

²⁵ U.S.-Pakistan Joint Statement. // <http://www.state.gov/p/sca/rls/pr/2006/62590.htm>

²⁶ Bhatti M.A. China and South Asia. // Strategic Studies. – Spring 2003. – Vol. XXIII, № 1. – http://www.issi.org.pk/strategic_studies_hm/2003/no_1/article/5a.htm

²⁷ Foreign Market Access Report: 2005. // <http://www.mofcom.gov.cn>

²⁸ Lancaster J. India, China Hoping to 'Reshape the World Order' Together. // Washington Post, 12 April, 2005.

²⁹ Cohen S.B. Global Geopolitical Change in the Post-Cold War Era. // Annals of the Association of American Geographers. 1991. Vol. 81, № 4, с. 551–580; Cohen S.B. Geopolitics in the New World Era: A New Perspective on an Old Discipline. // Reordering the World: Geopolitical Perspectives on the 21st Century. / Ed. George J. Demko and William B. Wood. – Boulder, Colo.: Westview, 1994.

³⁰ Quoted at Owens M.T. In Defense of Classical Geopolitics. // Naval War College Review. 1999. Vol. LII, № 4. – <http://www.nwc.navy.mil/press/review/1999/autumn/art3-a99.htm>

³¹ U.S. Working Paper for G-8 Sherpas. // <http://english.daralhayat.com/Spec/02-2004/Article-20040213-ac40bdaf-c0a8-01ed-004e-5e7ac897d678/story.html>

³² Report of the FAO Asia-Pacific Conference on Early Warning, Prevention, Preparedness and Management of Disasters in Food and Agriculture. Annex XIV. // http://www.fao.org/documents/show_cdr.asp?url_file=/DOCREP/005/AC120E/AC120e15.htm

³³ См., напр., Kunwar Idris. Indian Muslims and Pakistan. // Dawn, 10.03.2002, с. 7.

³⁴ Burki Sh.J. An Alliance with West Asia. // http://tides.carebridge.org/WPU/77WPU20FEB02.htm#An_Alliance_With

³⁵ Ouraishi A. Pakistan Should Be Identified as Part of Central Asia. // http://www.satiribune.com/archives/aug24_30_03/opinion_ahmed.htm

³⁶ Белокреницкий В.Я. Геополитическая вертикаль в сердце Азии. // Pro et Contra. 1997. Т. 2, № 2, с. 99–108.

³⁷ Там же, с. 103.

³⁸ См. Богатуров А.Д. Российский Дальний Восток в новых геопространственных измерениях Восточной Евразии. // Мировая экономика и международные отношения. 2004, № 10, с. 90–98; Богатуров А.Д. Центральнo-Восточная Азия в современной международной политике. // Восток. 2005, № 1, с. 102–118.

³⁹ Богатуров А.Д. Центральнo-Восточная Азия в современной международной политике. // Восток. 2005, № 1, с. 102.

⁴⁰ Там же, с. 103.

⁴¹ Pakistan Following Policy of Minimum Deterrence: President Musharraf. Press Release. – 20 April 2005. // <http://www.presidentofpakistan.gov.pk>

⁴² Летом 2005 г. в ШОС Пакистану был предоставлен статус наблюдателя.

Р.Г.Ланда

ПОЛИТИЧЕСКИЙ ИСЛАМ И ЖЕНЩИНЫ-МУСУЛЬМАНКИ

Вопреки широко распространенному мнению о пассивности и даже забитости мусульманской женщины, история мира ислама полна примеров активного участия женщин в политике и общественной жизни, особенно – в период кризисов и всякого рода трудностей. Достаточно вспомнить Инандж-хатун, властную сельджукскую султаншу конца XII в., или принцессу Ситт аль-Мульк, сестру фатимидского халифа аль-Хакима, устранившую брата в борьбе за власть в самом начале XI в. То же можно сказать о знаменитой поэтессе Валладе, дочери кордовского халифа аль-Мустакфи, или о царственной Субх, пытавшейся править в той же Кордове вместо своего сына Хишам II. Да и в наше время, совсем еще недавно правительства Турции и Пакистана возглавляли столь выдающиеся женщины, как Тансу Чиллер и Беназир Бхутто. Однако эти и другие примеры подобного рода не столь уж многочисленны. Более важно отметить, что на всем протяжении истории исламской цивилизации вовлечение мусульманок в политическую деятельность было достаточно устойчивой традицией, а вовсе не отдельными исключительными эпизодами.

Мусульманам вообще свойственна высокоразвитая способность к самоорганизации. Благодаря этому любая община приверженцев ислама, потеряв своего руководителя или видных своих представителей, немедленно предпринимает усилия по возмещению понесенного ущерба. И не раз бывало так, что она теряла все боеспособное (или даже просто трудоспособное) мужское население, и в ней оставались лишь женщины, дети и старики. В подобных условиях роль женщины вовсе не сводилась к функциям матери, домохозяйки и хранительницы семейного очага. Ей приходилось не только ухаживать за пожилыми родственниками, не только кормить, воспитывать, обучать и лечить детей, но и заниматься торговлей, ремесла-

ми и прочими видами экономической деятельности, а также заботиться о сохранении общины, иногда даже возглавлять ее. В 1569 г. 2700 мусульманок Гранады, отвергавших насильственное крещение, были репрессированы за участие в вооруженном восстании против испанцев¹. Позднее историки отмечали, что именно женщины морисков, т.е. принудительно крещеных испанцами мусульман, наиболее упорно отстаивали, в том числе – перед трибуналами всесильной инквизиции, свое право исповедовать ислам, придерживаться своих обычаев, носить свою одежду и говорить на своем языке, что им было запрещено с 1566 г. Неудивительно, что из осужденных инквизицией морисков 53% составляли женщины. 77 из них были сожжены на кострах, остальные подвергнуты разного рода пыткам, истязаниям и тюремному заключению, во время которого многие из них умирали². Вполне логично, что те из них, кто уцелел и был изгнан из Испании в 1609–1614 гг. в числе примерно 300 тыс. морисков, еще проживавших тогда в стране, привнесли на свою новую родину (т.е. в Марокко, Алжир, Тунис, меньше – в Египет и Сирию) ненависть к «христианской цивилизации» Запада, отождествлявшейся ими с преследованиями, унижениями, расправами, страданиями и убийствами.

Мусульманки достойно проявили себя и с началом эпохи колониализма, всеми силами поддерживая своих отцов, мужей, братьев и сыновей, боровшихся с иноземными захватчиками. В ряде битв они сражались непосредственно на поле боя и даже иногда стояли во главе вооруженной борьбы подобно Лалле Фатиме – народной героине алжирских берберов, почти 6 лет (в 1851–1857 гг.) самоотверженно сопротивлявшихся превосходящим силам французской армии, завоевывавшим их родную область Кабилию. Случаи участия алжирских женщин в столкновениях с французами были так часты, что даже получили отражение в произведениях побывавших в Алжире французских писателей, например Ги де Мопассана. В последующей национально-освободительной борьбе алжирского народа, которая длилась 132 года, женщины продолжили славные традиции Лаллы Фатимы и ее современниц. Во время антиколониальной войны 1954–1962 гг. тысячи алжирских девушек оказались в боевых рядах руководившего революцией Фронта национального освобождения (ФНО) в качестве санинструкторов и медсестер в партизанских отрядах, активисток и агитаторов патриотического подполья, разведчиц и связных. На весь мир

прогремело имя Джамилы Бухиред, которая была схвачена во время одной из операций подпольщиков и подвергнута чудовищным пыткам в колониальных застенках. Об этом стало известно на судебном процессе против нее и ее подруг, одна из которых, Зохра Дриф, впоследствии стала видной общественной деятельницей и депутатом парламента независимого Алжира. О подвигах тех, кто сражался вместе с ними плечом к плечу, жители алжирской столицы вспоминают и сегодня всякий раз, проходя по улице имени Хасибы бинт Буали, скромной студентки, отстреливавшейся вместе со своими товарищами в одном из домов Касбы – старинного мусульманского квартала города Алжир. Дом был окружен карателями и, в конце концов, взорван ими вместе со всеми, кто там находился.

Алжир не был исключением. Практически во всех странах ислама от Марокко до Индонезии мусульманки, особенно молодые, были реальной силой массового антиколониального движения, участвуя в митингах, демонстрациях, акциях протеста, кампаниях бойкота, а также – в боевых действиях, если до этого доходило дело. Так было в Египте, где мусульманки, которых возглавили София Заглул и Худа Шаарави, впервые вышли на политическую арену еще во время антианглийских выступлений 1919–1923 гг. Так было в Тунисе, где вождь националистов Бургиба раньше других понял значение «женского» компонента массового социально-политического движения и много сделал для организации действенного объединения своих сторонниц в Союз тунисских женщин (30 тыс. чел. в 1945 г.; 600 тыс. чел. в 1961 г.). Так было в Марокко, где султан Мухаммед Бен Юсуф всячески поощрял равноправие и образование женщин, начав с собственной семьи.

Новый этап наступил с возникновением в 70-е годы XX века политического ислама. Возникшее как реакция на ослабление и дискредитацию националистических партий, в большинстве случаев оказавшихся неспособными решить коренные проблемы жизни общества, даже реализовать хотя бы то, что они обещали, течение политического ислама, тем не менее, многое унаследовало от своих предшественников. Оно должно было в любом случае считаться с их достижениями, в частности с политикой «прогрессивных режимов 60–70-х годов», как писала арабская общественная деятельница Надия Лейла Ассауи, стремившихся к развитию образования среди женщин и их вовлечению в общественную жизнь, к предоставлению тем

самым «женщине возможности работать вне дома»³. Кодекс гражданского состояния, опубликованный в 1957 г. в Тунисе, отменил традиционную для ислама процедуру развода, поставил вне закона полигамию, ранние браки и доминирование мужчины в семейно-брачных отношениях. В том же году в Египте впервые были избраны в парламент две женщины, а еще через 5 лет первой женщиной в правительстве Египта стала Хикмат Абу Саид – профессор социологии Каирского университета, назначенная министром по социальным вопросам. И хотя в дальнейшем преемники Насера в Египте и Бургибы в Тунисе не очень преуспели в продолжении начатых ими реформ, возврата к старому за последние десятилетия не произошло. Например, в Национальном собрании Египта сейчас из 458 депутатов 10 – женщины. Есть они и в правительстве, хотя и занимают в нем всего 4% мест. Точно так же женщины постоянно присутствуют среди министров Туниса, Алжира, Сирии и других стран ислама. В 2003 г. они составляли 12% всех депутатов в Сирии, 11,5% – в Тунисе, 9,7% – в Судане⁴.

Конечно, внутри почти всех этих стран не утихала ожесточенная борьба, связанная с положением и правами женщин. Достаточно сказать, что принятую ООН в 1979 г. Конвенцию о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин до конца XX в. ратифицировали лишь 9 из 20 арабских государств. Более того, даже признавая ее, некоторые из стран оговаривали необязательность выполнения тех или иных ее пунктов ввиду их несоответствия шариату. Во многом это объясняется возникновением и мощным воздействием на общественное мнение всех мусульманских стран движения политического ислама. Для него главное требование – создание «исламского государства» и «жизнь по Корану» – было неотделимо от решения в соответствующем духе всех социальных проблем, в том числе и женского вопроса. В ряде мест, например в государствах Магриба, наряду с организациями исламистов, несколько упрощенно именовавшихся (по аналогии с их египетскими единомышленниками) «братьями-мусульманами», возникли и их своеобразные «женские» филиалы, участниц которых стали называть «сестрами-мусульманками». Их задачей было следить за моралью и «приличным поведением» женщин и девушек, заставлять их закрывать лицо и носить традиционное покрывало – хиджаб (в Алжире называющийся «хаик») как символ «национально-религиозной самоидентификации ал-

жирской женщины». Осыпая бранью «мировой сионизм» и «новых крестоносцев», исламисты обвиняли своих противников в стремлении отвлечь «женщину от семейного очага и благородной миссии воспитания детей», в навязывании ей аморальности, порнографии и «состояния животных в публичном показе своего тела»⁵.

Развязанная исламистами во всех уголках мусульманского мира пропагандистская война, подготавливавшая или сопровождавшая акты насилия с их стороны, неизменно эксплуатировала темы, связанные с положением женщины. Об этом говорилось на митингах и демонстрациях, этому посвящались лозунги, листовки, специальная литература и статьи в прессе. Естественно, вся эта кампания встречала отпор со стороны противников исламизма. В частности, в Алжире, где традиции секуляризации и даже вестернизации частной жизни, особенно в среде интеллигенции, служащих, студенчества, части буржуазии и рабочих, были достаточно сильны, в 1989–1991 гг. возник целый ряд объединений в защиту прав женщин – Ассоциация за эмансипацию женщин, Ассоциация защиты и соблюдения прав женщин, Ассоциация за равенство перед законом между мужчинами и женщинами, Независимая ассоциация за торжество прав женщин. Но это лишь подогрело страсти с обеих сторон и в дальнейшем способствовало ожесточению борьбы: после начала в январе 1992 г. кровопролитной гражданской войны в Алжире исламисты стали убивать женщин, не носивших хиджаба, а их противники – женщин, одетых по-мусульмански. Возникшая в 1993 г. «Организация свободной алжирской молодежи» в своей листовке даже угрожала за каждую убитую без хиджаба «мстить простой ликвидацией двадцати женщин, носящих хиджаб, и двадцати бородатых интегралов» (т.е. исламистов, обычно носивших бороды)⁶.

На самом деле, как пишет известный французский социолог и знаток ислама Жан-Поль Шарнэ, вопрос о ношении хиджаба или отказе от него не является религиозным. По его мнению, интерпретация соответствующих стихов Корана позволяет оставлять лицо и руки мусульманки открытыми. В то же время реформаторы и модернисты практически всюду в мире ислама выработали по этому вопросу одновременно противоречивую и взаимодополняющую позицию: отказ от покрывала в знак эмансипации женщины по отношению к мужскому обществу и временный возврат к нему в качестве утверждения му-

сульманской индивидуальности и символа сопротивления европеизации. В тех же случаях, когда эти «отказ» и «возврат» сталкиваются, «реформистский феминизм» неизбежно провоцирует «создание более традиционалистских женских движений»⁷. Но дело даже не в наличии или отсутствии тех или иных организаций, а в том, кого поддержат мусульманки, составляющие примерно половину населения мира ислама и постепенно включающиеся в активную общественную и политическую жизнь даже в Афганистане, где, как известно, до начала 2002 г. господствовал режим талибов – воинствующих исламистов, занимавших сугубо консервативную позицию в женском вопросе.

Ныне среди 70 партий этой страны есть «Революционная организация женщин Афганистана», уже более четверти века защищающая их права. На выборах президента республики осенью 2004 г. впервые была выставлена кандидатура женщины – врача Масуды Джалал, представлявшей к тому же пуштунов – основную народность Афганистана, среди которых талибы были наиболее влиятельны. В дальнейшем М.Джалал стала министром по делам женщин, а министром по делам погибших и инвалидов стала еще одна женщина – Седдика Балхи. В то же время в стране по-прежнему сохраняет позиции немало «скрытых талибов» или сочувствующих им, а вдоль границы с Пакистаном – и самых настоящих талибов. Поэтому многое из того, что было, в том числе при талибах, еще сохраняется, и до установления реального равноправия женщин пока что очень далеко. На выборах президента женщины голосовали отдельно от мужчин на специально отведенных им 9,2 тыс. участках (а мужчины на других 12,3 тыс. участках). Засилье крупных полевых командиров, связанных с ними чиновников и консервативно настроенных духовных лиц, фактически контролирующих суды и систему образования, способствует, по свидетельству одного из бывших деятелей правительства, сохранению былой «атмосферы страха и ужаса». Причем женщин это касается в первую очередь, ибо их похищения и убийства, особенно полевыми командирами, стали обычным делом. В мае 2005 г. была убита тележурналистка одного из частных каналов, чьи передачи осуждались духовенством как «развращающие молодежь»⁸.

Исламисты, однако, вовсе не ограничиваются террором и запугиванием женщин. Они всегда вели среди них целенаправ-

ленную работу. Одним из первых эту задачу сформулировал суданский идеолог политического ислама Хасан ат-Тураби, который в беседе с профессором шведского университета в Уппсале Сигрид Кале в 1986 г. заявил, что «в исламе нет места для разделения общественной и частной жизни, церкви и государства, религиозных и светских дел». К тому же движение, им возглавляемое, выступает «за прямые социальные изменения, обучая мужчин и женщин строить их жизнь в соответствии с исламскими идеалами». Позже, в 90-е годы, когда ат-Тураби на несколько лет оказался у власти, он развил эту тему и, оправдывая свое внимание к организации женского движения, спорил со своими более консервативными оппонентами из числа радикальных исламистов, доказывая, что мусульманка не должна ограничиваться лишь домашними хлопотами, вполне может иметь равные с мужчиной права и нести индивидуальную ответственность за свои поступки. Он был явно дальновиднее своих коллег, верно рассчитав, что активизация женщин в мире ислама, в подавляющем большинстве своем глубоко религиозных и мыслящих вполне традиционно, лишь умножит силы исламистов⁹.

С некоторым опозданием это поняли и другие лидеры политического ислама. Тем более, потому, что их конкуренты не дремали. В Египте, где за 20 лет правления Мубарака (1982–2002 гг.) темпы экономического роста составили 4–5% ежегодно, ВВП на душу населения вырос вдвое, а расходы на образование – в 20 раз, много внимания уделяется решению социальных проблем с участием бизнеса и общественных организаций. Первая леди страны Сюзанн Мубарак лично занимается вопросами охраны материнства и детства, ликвидации неграмотности и распространения культуры. Созданная ею Организация арабских женщин получила международное признание. В Египте 97,5% детей посещают школу, а уровень общей неграмотности сократился за последние десятилетия с более чем 50% до 30%. Выступая в октябре 2004 г. на международной книжной ярмарке во Франкфурте-на-Майне, Сюзанн Мубарак подчеркнула роль культуры как средства достижения взаимопонимания, терпимости и мира, указав на вклад женщин в арабо-исламскую цивилизацию, многому научившую Европу и представленную во всем мире огромным числом великолепных памятников от Альхамбры в Испании до Тадж-Махала в Индии. Она осудила «непонимание и подозрительность» по отноше-

нию к арабо-мусульманскому миру тех, «кто приравнивает ислам к терроризму, а арабов – к кочевникам». По ее словам, знания и просвещение сближают людей и «позволяют нам, наконец, надеяться на торжество силы разума, а не аргументов силы»¹⁰.

Об этом же свидетельствовал и такой неординарный шаг властей Бельгии, как назначение на пост министра труда Анисы Темсамани, марокканки по происхождению. Тем самым бельгийцы демонстрировали одновременно уважение к мусульманской диаспоре в своей стране (от 350 тыс. до 750 тыс. чел., по разным подсчетам), готовность к компромиссу с ней, а также желание ослабить взаимное недоверие Востока и Запада, особо подчеркнув равноправие мусульманских женщин¹¹.

Просвещение, судя по всему, стало оказывать воздействие и на самых консервативных традиционалистов мира ислама. В 2000 г. эмир Бахрейна назначил в состав Консультативного совета (Маджлис аш-Шура) 4 женщины – три мусульманки и одну христианку. Восстановив отмененную в 1975 г. конституцию, он предоставил женщинам право голоса на выборах в парламент. При этом на референдуме в феврале 2001 г. более 90% граждан эмирата поддержали начатые монархом еще в 1999 г. реформы, в соответствии с которыми женщины пользуются всеми правами, в том числе правом собственности и правом на самые разные профессии, в других странах ислама являющиеся привилегией мужчин. В соседнем эмирате – Катаре – в 2001 г. были проведены с участием женщин выборы в органы самоуправления и тоже начат процесс возрождения конституционных свобод для женщин. Жена эмира Муза бинт Насер открыто выступила против канонизированной шариатом полигамии (и это в стране, официально следующей учению ваххабизма!) и с гордостью подчеркнула, что более 60% студентов вузов Катара составляют девушки, а доля работающих женщин эмирата достигла 40%¹².

Наиболее значительны успехи женщин в борьбе за свои права в странах Магриба. В частности, в Тунисе неуклонно растет уровень грамотности женщин, их организованности (в том числе и в негосударственных организациях), их участия в выборах: 260 тыс. чел. в 1989 г., ок. 1 млн. чел. – в 1994 г. Действующая с 1975 г. программа модернизации страны способствует увеличению доли женщин среди работающих, расширению системы образования для женщин, помощи им в обучении и воспи-

тании детей. В результате их удельный вес в жизни общества достаточно велик, что, кстати, во многом помогает борьбе властей с клерикальными ретроgrадами. Национальный союз алжирских женщин (152 тыс. чел. в 1978 г.) уже полвека (с 1956 г.) играет важную роль в политической жизни Алжира. И хотя деятельность союза всегда контролировалась правительством, он во многом содействовал улучшению систем образования и здравоохранения в стране, проведению кампаний по ликвидации неграмотности и реализации аграрной реформы. Женщины страны вели борьбу против ограничения их прав по семейному кодексу 1984 г. и конституции 1989 г., а с началом гражданской войны в 1992 г., по словам тунисского министра юстиции С.Шаабана, «проявили истинный героизм и бесстрашие в борьбе с агрессивным фундаментализмом».

В Марокко с 1976 г. действовало 76 женских организаций, связанных со многими политическими партиями, этническими общинами и придворными кругами. Некоторые были созданы по инициативе короля и следовали его курсу. Но в целом все эти организации в той или иной степени позитивно повлияли на процесс улучшения положения женщин. В 80-е годы возникли 29 самостоятельных непартийных женских объединений и клубов, обсуждавших и политические проблемы. К 1988 г. они почти все были закрыты, но в 1985 г. возникла очень активная Демократическая ассоциация марокканских женщин, содействовавшая развитию женского образования, выходу в свет специальных женских изданий. В конце 2000 г. ассоциация заключила соглашение с правительством. Ее работа очень затруднена (67% женщин Марокко неграмотны). Однако в стране появились женщины – врачи, педагоги, писательницы, депутаты, министры. Принцесса из королевской семьи Лалла Айша стала послом в Италии. Но либерализация пока что затронула лишь узкий слой интеллектуальной элиты, мало коснувшись основной части жительниц города и особенно деревни, из которых лишь 17% грамотны.

Тем не менее сопротивление всем подобным реформам весьма значительно. Например, в Египте «братья-мусульмане» сумели добиться пересмотра в 1985 г. принятого в 1979 г. закона о гражданских состояниях, предусматривавшего, с их точки зрения, слишком широкие права женщин в вопросах наследования и развода. В Саудовской Аравии, где только в феврале 2005 г. были проведены выборы в органы местной власти,

женщины в голосовании не участвовали. В большинстве арабских стран не выполняются, по данным ООН на 2004 г., положения Международной конвенции по ликвидации всех форм дискриминации женщин, особенно касающиеся «их здоровья, прав на аборт и на наследство». Женщины в арабском мире составляют всего 28% рабочей силы, что «делает их финансово зависимыми от мужчин». Кроме того, несмотря на снижение смертности среди женщин и детей арабского мира, среди них по-прежнему широко распространены неграмотность, болезни, недоедание, нехватка лекарств и медицинского оборудования¹³.

Всем этим умело пользуются исламисты. Прежде всего они убеждают самые широкие слои верующих, в том числе женщин, что их социальные проблемы можно решить только в рамках «исламского государства», которое, руководствуясь Кораном и шариатом, лишь одно и способно построить общество социальной справедливости и всеобщего благоденствия. В качестве доказательства используется широкая благотворительность различных исламских фондов, их внимание к социальным проблемам женщин, их здоровью, обучению, оказанию им различных видов материальной помощи. Это имеет место всюду – от Марокко до Индонезии (а берет свое начало еще в конце 70-х годов в Египте, где основная часть «братьев-мусульман» решила тогда перейти к «умеренному» исламу, и в Пакистане, ставшем в то время основным международным центром подготовки, тренировки, обучения, вооружения и снабжения моджахедов со всех концов мира, в ряде случаев – оказания помощи их семьям)¹⁴.

Примером успеха работы исламистов среди женщин являются результаты выборов в парламент Палестинской автономии в феврале 2006 г., которые принесли победу исламистам из движения ХАМАС, причем 6 из 74 депутатов от ХАМАС – женщины. «Мы руководим фабриками и фермами, – сказала одна из них, 48-летняя преподавательница исламского университета Газы Джамила аш-Шанти, – мы присутствуем в обществе всюду. И мы продемонстрируем народам мира, что практика ислама в женском вопросе недостаточно известна». Ее коллега 56-летняя Мариам Фархат популярна как «мать мучеников». Трое ее сыновей погибли при нападениях на израильские поселения. Одного из них она благословила на это в специально снятом видеофильме, а потом сказала, что хотела бы иметь 100 сыновей для того, чтобы пожертвовать ими таким образом.

Это ее высказывание широко цитировалось в ходе предвыборной кампании. После выборов она сказала, что можно приносить в жертву все. «Есть разные виды жертв – деньгами, воспитанием (очевидно, борцов. – Р.Л.). Каждый должен чем-то пожертвовать по возможности». Женщины были избраны в парламент Палестинской автономии не только от ХАМАС. Депутат от организации светских националистов ФАТХ Наима Шейх Али подчеркнула, что догматическое истолкование ислама лидерами ХАМАС является препятствием для полноценного участия женщин в политике и общественной жизни, ибо означает сегрегацию и «несколько шагов назад». Однако высказывания депутатов-мусульманок не подтверждают это мнение. Одна из них, 44-летняя учительница физики Муна Мансур, вдова погибшего лидера ХАМАС Джамала Мансура, в своем предвыборном интервью касалась не столько специфических «женских» тем, сколько перспектив мирных переговоров с Израилем, проблем Иерусалима и возвращения беженцев, вопросов прекращения боев, восстановления экономики, борьбы с бедностью и безработицей. Что не помешало ей, по словам корреспондента «Нью-Йорк Таймс», одобрить действия «бомбометателей-самоубийц», которые «разъярены несправедливостью» и «хотят отдать жизнь за свой народ»¹⁵.

Однако секрет успеха ХАМАС среди женщин – не только в накале религиозно-патриотического энтузиазма. Студентка-химик 21-летняя Сабрина аль-Барави сказала корреспонденту «Нью-Йорк Таймс», что она выросла «на программах ХАМАС для женщин: их социальных группах, курсах по руководству, классах изучения Корана». Известно, что ХАМАС привлек к себе женщин именно своими социальными мерами – помощью вдовам погибших шахидов (мучеников), поддержкой бедняков, лечением в клиниках, повседневной заботой, детскими садами и дошкольным обучением. И в этом нет ничего нового. Умению привлекать женщин на свою сторону путем использования их патриотизма, а также с помощью разнообразных социальных мер ХАМАС учился и у египетских «братьев-мусульман» (филиалом которых он долго был), и у ФНО Алжира 50–70-х годов, и у своих более «умеренных» единомышленников в других странах, в частности в Иордании, где уже не раз женщины фигурировали среди депутатов и кандидатов в депутаты от исламистов. На последних парламентских выборах 2003 г. из 765 кандидатов было 54 женщины, из которых одна стала депутатом

в числе 20, представлявших исламистов. Обычно исламисты имели в парламенте Иордании до 40% мест – от 16 до 34. Причем их активно поддерживали женщины из «среднего класса»: например, в одном из университетов страны 73 из 78 студенток следовали за ними.

Однако общественно-политическая активность мусульманок не побуждает исламистов изменить их положение в семье и социальной жизни. Самое большее, чего от них ждут, это «быть революционной матерью, поставляющей революции героев» и одновременно признающей власть мужа, даже передающей ему право голосования от ее имени на выборах. Конечно, в наши дни многие мусульманки, подобно живущим в Багдаде суннитке Несме Абд ар-Раззак и шиитке Сальве Ибрахим, готовы всем поступиться ради мира и прекращения войны, ежедневно грозящей их жизни. Но другие, как Халида Мессауди, вице-президент алжирского Движения за республику, выступают против исламизма, заявляя: «Возникновение исламского государства будет означать отрицание гражданских прав и личности алжирской женщины»¹⁷.

В целом нельзя сказать, что мусульманки или пассивны, или выступают против отвергающих их гражданские права исламистов. Они расколоты, как и мусульмане-мужчины. При этом значительная их часть активно поддерживает исламистов, исходя не только из религиозных, но также социальных, патриотических и моральных соображений.

¹ Dominguez Ortiz A., Vincent B. Historia de los moriscos, vida y tragedia de una minoria. Madrid, 1993, с. 37–38.

² Le V-e Centenaire de la chute de Grenade. t. 1, Zaghuan (Tunis), 1993, с. 582–586, 607–608.

³ Цит. по: Барковская Е. Арабский мир: движение за женское равноправие // Азия и Африка сегодня, 2005, № 7, с. 28.

⁴ Там же, с. 28–29; Азия и Африка сегодня, 2005, № 9, с. 34; Ближний Восток и современность. 2003, № 18, с. 424–426; Al-Ahram weekly. Cairo, 14–20 October 2004, с. 8.

⁵ Барковская Е., цит. соч., с. 29–31; Долгов Б.В. Исламистский вызов и алжирское общество. М., 2004, с. 57–59; Восток, 1993, № 1, с. 141–142.

⁶ Ланда Р.Г. История Алжира. XX в. М., 1999, с. 230–231.

⁷ Charnay J.-P. Sociologie religieuse de l'Islam. P., 1994, с. 328–330.

⁸ Азия и Африка сегодня, 2005, № 4, с. 42–49; 2005, № 10, с. 23–25.

⁹ Al-Turabi H. Islam: avenir du monde. P., 1997, с. 34–37; The Middle East viewed from the North. Bergen, 1992, с. 194.

¹⁰ Азия и Африка сегодня, 2005, № 5, с. 53–55; Al-Ahram weekly. 14–20 October 2004, с. 6.

¹¹ Ближний Восток и современность. 2004, № 23, с. 265.

¹² Известия, 30.09 и 26.12.2000, 17.02.2001, 21.10.2002.

¹³ Ближний Восток и современность. 2003, № 18, с. 426–430; Шаабан С. Тунис – путь к политическому плюрализму. М., 1996, с. 149.

¹⁴ Ражбадинов М.З. Египетское движение «братьев-мусульман». М., 2004, с. 202–203, 208; Известия, 11.02.2005; Al-Ahram weekly, 14–20 October 2004, с. 8.

¹⁵ The New York Times, 13.02.2006.

¹⁶ Кепель Ж. Джихад. Экспансия и закат исламизма. М., 2004, с. 317–320, 428; Ражбадинов М. З. Указ. соч., с. 183–197, 401; Известия, 19.06.2003.

¹⁷ Ethnic encounter and culture change. Bergen, 1997, с. 165–176; The New York Times, 02.10.2005.

П.Н.Мамед-заде

ПОЗИЦИЯ АРАБСКОЙ РЕСПУБЛИКИ ЕГИПЕТ ПО ВОПРОСУ РЕФОРМИРОВАНИЯ ООН

Вопрос о реформировании Организации Объединенных Наций (ООН) является одним из наиболее актуальных в повестке дня международного сообщества. На рубеже XX–XXI вв. неоднократно высказывались мнения и предложения относительно реформы этой крупнейшей международной организации, в том числе из уст ее руководства. Как заявил в 1997 г. Генеральный секретарь ООН Кофи Аннан, «реформа должна основываться на новом консенсусе среди правительств относительно того..., что (Организация Объединенных Наций) может делать наилучшим образом, в чем она должна сотрудничать с другими и что она должна оставить на усмотрение других». В своем докладе о реформе ООН в 2002 г. Кофи Аннан подчеркнул, что «Организация Объединенных Наций существует не как статичный памятник чаяниям ушедшей эпохи, а как меняющийся механизм, несовершенный, как и все человеческие творения, но способный перестраиваться и совершенствоваться»¹.

Проблема реформирования ООН находит живой отклик в правящих кругах и среди общественности в арабских странах. По мнению видного государственного деятеля Египта, бывшего генерального секретаря Организации Объединенных Наций (1992–1996) Бутроса Бутроса Гали, процесс глобализации обуславливает необходимость разработки новой концепции работы ООН. По его мнению, большинство членов ООН не интересуется международными делами, которые полностью решаются отдельными развитыми странами, и привлечение других стран к работе ООН может изменить эту тенденцию. Б.Гали отметил, что «экономический и социальный прогресс, гармоничное развитие всех стран – это шаг к миру, чему должна способствовать работа ООН в развивающихся странах». Резкий толчок прореформистским настроениям дало решение США и Великобритании начать войну против Ирака в марте

2003 г. без согласия Совета Безопасности, что заставило арабо-мусульманский мир заговорить о несовершенстве системы мироустройства.

В своем докладе «При большей свободе: к развитию, безопасности и правам человека для всех», обнародованном в 2005 г., Кофи Аннан отметил: «Мы должны изменить облик Организации, проявляя такое творческое воображение, смелость и оперативность, на которые ранее мы не были даже способны, начав с полного пересмотра основных управленческих методов и создания более транспарентной, эффективной и действенной системы Организации Объединенных Наций и закончив перестройку наших крупнейших межправительственных учреждений, с тем чтобы они могли отражать реальности сегодняшнего мира и продвигать вперед решения приоритетных задач... Однако, если цели должны быть твердыми, а принципы – неизменными, практика и организация должны следовать в ногу со временем. Чтобы Организация Объединенных Наций служила полезным инструментом для своих государств-членов и для народов мира..., ее необходимо полностью переориентировать на потребности и обстоятельства XXI века»². В докладе был отмечен целый ряд весьма острых проблем, на необходимость скорейшего преодоления которых указал Генеральный секретарь. Среди них – бедность и отсталость, экологическая неустойчивость, международный терроризм, распространение ядерного, биологического и химического оружия, угроза применения силы. В докладе Кофи Аннана среди основных была предложена идея расширения Совета Безопасности ООН.

Арабская Республика Египет подвергла критике доклад Кофи Аннана. Египетский совет по иностранным делам заявил, что К.Аннан в недостаточной мере исследовал такие крайне важные вопросы, как проблема иностранной оккупации, строительство Израилем незаконных поселений на палестинских территориях, проблема распространения оружия массового поражения на Ближнем Востоке³. По мнению ряда политических и общественных деятелей Египта, определенную роль в снижении эффективности деятельности ООН играет политика США. В своей книге под названием «Подневольный. Моя история с США и ООН» Б.Гали подверг решительной критике действия администрации США в ООН. По его мнению, Вашингтон, избирательно обращаясь за содействием к Совету Безопасности ООН при урегулировании международных конфликтов, де-

лает эту международную организацию «козлом отпущения», особенно при проведении операций по обеспечению мира, как это было в Боснии, Сомали и Уганде⁴.

У Египта как активного участника международных процессов сложилось собственное видение такого устройства Организации Объединенных Наций, какое отвечало бы вызовам современности. Согласно занимаемой Каиром позиции, именно ООН должна принадлежать главенствующая роль в решении таких острых международных проблем, как урегулирование арабо-израильского конфликта и кризис вокруг Ирака. В отношении первого вопроса АРЕ настаивает на выполнении Израилем всех резолюций СБ ООН, касающихся вывода его войск и поселений с оккупированных арабских территорий и создания независимого палестинского государства. Основой для процесса ближневосточного урегулирования Каир считает план «Дорожная карта», разработанный «четверкой» международных посредников (Россия, США, ООН и ЕС) и одобренный СБ ООН. Сложная ситуация вокруг Ирака, сложившаяся после вторжения в эту страну войск США и их союзников, должна быть разрешена, по мнению Египта, усилиями международного сообщества под патронажем ООН.

В конце 1990-х гг. Египет предложил пересмотреть практику применения права вето постоянными членами Совета Безопасности ООН, мотивируя это тем, что сложившаяся практика «противоречит принципам демократии, которые должны характеризовать современный мировой порядок и которыми государства должны руководствоваться в отношениях друг с другом и во внутrigосударственной жизни»⁵. Как заявил глава МИД АРЕ Амр Муса, до полного отказа от права вето постоянные члены СБ ООН могли бы прибегать к нему только в случаях, когда речь идет о возможном применении силы. Кроме того, Каир заявил о необходимости пересмотра практики введения СБ ООН санкций против того или иного государства, с тем чтобы «более серьезно и всеобъемлюще учитывать все гуманитарные последствия», а также «устанавливать определенные временные рамки для мер воздействия, чтобы они не становились бесконечным наказанием для народов как самого государства, так и его соседей». Касаясь вопроса о расширении СБ ООН, Египет заявил, что «недопустимо, чтобы отдельные промышленно развитые страны являлись постоянными членами Совета Безопасности ООН при том, что развивающимся государст-

вам в подобном праве отказано». По мнению Ахмеда Абу аль-Гейта, возглавившего внешнеполитическое ведомство Египта в июле 2004 г., многие страны поддерживают идею расширения численного состава СБ ООН и понимают необходимость того, чтобы в Совбезе были представлены мусульмане и арабы. Египет рассматривает увеличение числа постоянных членов СБ ООН в качестве основного этапа в реформе системы Организации Объединенных Наций.

Одной из приоритетных целей дипломатии АРЕ на рубеже XX–XXI вв. является стремление занять место постоянного члена Совета Безопасности ООН. В докладе комитета по иностранным делам Народного собрания АРЕ, представленного в мае 1996 г., в качестве одного из приоритетов внешней политики была названа необходимость «использовать привилегированные отношения Египта с различными государствами мира и ключевую роль АРЕ в ближневосточном мирном процессе для того, чтобы добиться постоянного членства в Совете Безопасности ООН. Достижение этой цели отвечало бы совместным задачам Египта и всех стран, которые входят в сферу его важнейших внешнеполитических интересов»⁶. В своем выступлении на конференции в Каире по вопросам региональной безопасности и реформ, организованной властями АРЕ совместно с ООН, министр иностранных дел Египта Ахмед Абу аль-Гейт заявил, что реальный прогресс в деле реформирования и расширения Совета Безопасности невозможен без всеобъемлющего подхода, учитывающего «важность представительства всех цивилизаций и культур».

Официальный Каир считает, что страна отвечает многим критериям, необходимым, чтобы занять одно из двух новых мест в СБ ООН, которые предполагается выделить Африке в рамках проекта реформирования ООН. В качестве доводов в пользу своей кандидатуры Египет выдвигает целый ряд факторов. Как заявил Ахмед Абу аль-Гейт, «в Африке Египет располагает самой крупной экономикой и самым большим числом дипломатических миссий за рубежом, что позволяет ему строить широкие отношения с международным сообществом»⁷. В качестве факторов, обеспечивающих лидерство Египта в Африке, Каир называет сильную дипломатию и лучшие вооруженные силы на континенте, которые участвуют во многих международных миротворческих операциях, в том числе и в Африке. Таким образом, считают в Каире, Египет мог бы стать постоянным афри-

канским членом «с арабским, исламским и средиземноморским лицом». По мнению МИД АРЕ, «региональный и международный вклад Египта, его вес в африканских, арабских и исламских кругах, на Ближнем Востоке и среди развивающихся стран позволяют ему взять на себя ответственность нового члена в расширенном Совете Безопасности».

Необходимую поддержку в данном вопросе Египет получил от арабских стран. На 17-м саммите глав государств и правительств стран-членов ЛАГ, прошедшем 22–23 марта 2005 г. в Алжире, члены этой межарабской организации «поддержали Египет в том, чтобы он занял новое место в СБ ООН в случае расширения его состава для защиты прав Африки, арабов, исламских и развивающихся государств»⁸. Тем самым арабские страны признали заслуги египетской дипломатии и доверили ему отстаивать свои интересы в главном органе ООН. Принимая во внимание традиционную активность египетской дипломатии, ее многовекторность, необходимо отметить, что участие АРЕ в обсуждении проектов по реформированию ООН является подтверждением стремления руководства страны участвовать в формировании новой системы международных отношений, отвечающей современным вызовам и угрозам.

Важна для Египта и поддержка России. В Совместном заявлении о дальнейшем углублении дружественных отношений и партнерства между Российской Федерацией и Арабской Республикой Египет, принятом в апреле 2005 г. по итогам визита президента России В.Путина в АРЕ, было отмечено, что «Российская Федерация рассматривает Арабскую Республику Египет в качестве влиятельного и важного члена международного сообщества и в этой связи заявляет, что Египет является одним из достойных кандидатов на место постоянного члена расширенного Совета Безопасности ООН при условии достижения самого широкого согласия в отношении реформы Совета Безопасности»⁹.

О том, что вопрос об африканском представительстве имеет огромное политическое значение, говорит развернувшаяся полемика между странами-кандидатами по поводу возможного вхождения в будущий расширенный состав СБ ООН. Так, директор Института мира и урегулирования конфликтов и один из самых высокопоставленных чиновников нигерийской администрации Дава Олуйеми-Куса считает, что ЮАР и Египет «недостаточно черны», чтобы представлять Африку в Совете Безо-

пасности ООН. По мнению Д.Олуйеми-Куса, Египет не может претендовать на место в СБ ООН, потому что это – в первую очередь арабская страна, а не африканская, а ЮАР – «слишком белая», ее высокий уровень развития достигнут благодаря белым, а кандидатура Нигерии самая подходящая¹⁰.

В дипломатическую полемику по поводу африканского представительства в СБ ООН и реформ в крупнейшей международной организации включилась и Ливия, выступившая с целым пакетом предложений по данному вопросу. Как заявил в 2004 г. ливийский лидер Муамар Каддафи, его страна заслуживает постоянного членства в Совете Безопасности ООН. В качестве основного довода Триполи привел наличие у него «третьей мировой теории», позволяющей найти решение политических, экономических и социальных проблем, и в связи с этим, по мнению ливийских властей, страна является водоразделом между капитализмом и коммунизмом. Ливия призвала СБ ООН принять резолюцию о создании «совета мудрецов» из числа бывших государственных лидеров для урегулирования международных конфликтов. Одновременно с этим Муамар Каддафи предложил передать основные функции СБ ООН, состоящего из 15 членов, Генеральной Ассамблее ООН, в которую входит 191 государство. Необходимость такого шага, по мнению ливийского лидера, обусловлена тем, что в своем нынешнем виде ГА ООН «является лишь бездушным декоративным органом». Кроме того, Ливия также выступила с инициативой о переносе штаб-квартиры ООН из Нью-Йорка в Женеву.

Стремление Египта занять место постоянного члена СБ ООН логически вытекает из его внешнеполитической стратегии, нацеленной на укрепление своих международных позиций. Египет – активный участник миротворческих миссий ООН, автор различных инициатив, направленных на снижение напряженности в международных отношениях. Главным направлением миротворческой деятельности Каира является его участие в качестве посредника в процессе мирного урегулирования арабо-израильского конфликта. Также Египет прилагает активные усилия с целью скорейшей стабилизации в Ираке, способствуя осуществлению диалога между различными иракскими политическими силами. Египет выступает за превращение Ближнего Востока в зону, свободную от оружия массового поражения. Египет уделяет повышенное внимание вопросам безопасности в Африке, особенно в Северной Африке и районе Африканско-

го рога. По мнению Каира, Египет сыграл и играет значительную роль в судьбе африканского континента, особенно в период борьбы африканских стран за независимость и последовавшего за этим периода строительства, Египет активно участвует в процессе стабилизации внутривосточной ситуации в Судане. Египет одним из первых (еще в 1980-е гг.) указал на растущую опасность международного терроризма и выступил с инициативой созыва международной конференции под эгидой ООН с целью выработки мер противодействия этому явлению. Египет занимает третье место в Африке по взносам в бюджет ООН. Есть положительный опыт работы в структурах ООН египетских представителей. Такой известный египетский дипломат, как Бутрос Бутрос Гали, занимал пост генерального секретаря ООН, Мохаммед аль-Барадеи возглавляет МАГАТЭ, а египтянин Набиль аль-Араби является судьей в Международном суде в Гааге.

В свою очередь в ООН уделяется повышенное внимание региону Арабского Востока. В 2005 г. группой независимых экспертов при содействии Программы развития ООН (ПРООН) был подготовлен доклад, в котором прозвучал призыв к ускорению демократических реформ в арабском мире во избежание хаотических социальных потрясений. В докладе была подвергнута критике политическая система большинства арабских стран, в частности, широко распространенная там практика введения чрезвычайного положения и подчинения судов исполнительной власти, а также систематическое ущемление свободы слова, прав женщин, религиозных и национальных меньшинств. Отмечая рост политической активности населения в регионе, авторы доклада указали на то, что «в отсутствие мирных и эффективных механизмов устранения несправедливости и начала чередования властей некоторые слои общества могут поддаться соблазну насильственного протеста, который чреват внутренними беспорядками. Концентрация власти в одних руках – будь то монархия, военная диктатура или гражданский президент, избранный в условиях отсутствия конкурентов, – создает своего рода политическую «черную дыру» в сердцевине арабской политической жизни»¹¹.

Арабский мир, в том числе и его ключевой дипломатический центр – Египет, связывает с ООН большие надежды, рассчитывая на поддержку этой организации в вопросе справедливого урегулирования арабо-израильского и иракского кон-

фликтов, а в последующем – установления и развития равноправного, взаимовыгодного и долгосрочного сотрудничества в ближневосточном регионе.

- ¹ Официальный сайт Организации Объединенных Наций www.un.org
- ² Там же.
- ³ РИА «Новости». 02.09.2005.
- ⁴ ИТАР-ТАСС. ИНОТАСС. 17.05.1999.
- ⁵ Пульс планеты. 30.09.1997.
- ⁶ ИТАР-ТАСС. ИНОТАСС. 05.05.1996.
- ⁷ РИА «Новости». 25.03.2005.
- ⁸ Al-Ahram Weekly. 24–30 March 2005. Issue No. 735.
- ⁹ Официальный сайт Министерства иностранных дел Российской Федерации www.mid.ru // Новостная лента МИД. 27.04.2005.
- ¹⁰ ИТАР-ТАСС. ИНОТАСС. 28.01.2005.
- ¹¹ РИА «Новости». 06.04.2005.

Д.А.Нечитайло

ИСЛАМ В СКАНДИНАВСКИХ СТРАНАХ

Начиная с 90-х гг. вопросы, касающиеся исламской религии и мусульман-мигрантов, стали предметом серьезных общественно-политических дебатов в скандинавских странах. У общественности сформировалось крайне отрицательное отношение к последователям исламской религии. Мусульманские общины в скандинавских странах имеют, безусловно, общие черты, но у них есть и характерные особенности, связанные с политикой правительств в отношении интеграции мигрантов.

Финляндия

Ислам пришел в Финляндию с территории Российской империи. Его принесли предки нынешних татар, переселившихся сюда из двух десятков деревень Сергачского уезда на Волге к юго-востоку от Нижнего Новгорода в период от 1870-х годов до середины 1920-х. Это были купцы, торговавшие пушниной и текстильными товарами, поселившиеся сначала в Хельсинки и его окрестностях. Впоследствии переселенцы осели в городах Тампере, Котка, Рауме, Васа, Оулу, Кеми, Куопио. Часть татар осела в сельской местности в провинциях Варкаус, Ярвенпяя, Терийски. Новоселам удалось утвердиться на влиятельных позициях в экономической и культурной жизни Финляндии в качестве врачей, юристов, преподавателей, инженеров, предпринимателей. В настоящее время в их руках большинство уважаемых меховых магазинов в Хельсинки. Первая мечеть была построена татарами в 1871 г., а в 1925 году было учреждено и зарегистрировано первое мусульманское общество «Финляндия ислам джамаати», в состав которого вошли 700 членов. Татары долгое время были единственными мусульманами в Финляндии. Однако с начала 60-х годов XX века в страну начали приезжать иммигранты из разных мусульманских стран. Появились последователи ислама и среди коренных жителей. Сегодня число мусульман в Финляндии достигло 20 тыс. человек. Наиболее пол-

ное представление о жизни современных финских мусульман можно получить на примере г. Турку. В четвертом по величине городе страны Турку из ста шестидесяти пяти тысяч человек проживает более тысячи последователей ислама. По их инициативе в 1992 г. была зарегистрирована «Мусульманская община». Исламским центром Турку служит арендуемое общиной здание, которое выполняет функции мечети, образовательного и культурного центра¹. Беженцы из Сомали прибыли в Финляндию в 1990–1991 гг., они затем привезли с собой семьи в рамках проводимой государством программы объединения семей. Сомалийцы были первой группой африканцев, получившей политическое убежище в Финляндии. Прибытие сомалийцев, как охарактеризовал финский социолог, было «историческим событием и культурным шоком для финнов»². В стране действует «Финское исламское общество» (1987), «Финский исламский центр», «Хельсинкский исламский центр». С 80-х годов XX века в страну стали прибывать беженцы из Ирана и Ирака. В настоящее время в Финляндии 20 тыс. мусульман, большинство из которых проживает в столице³. В 1980 г. численность мусульман была 1500 чел., в 2000 г. – 10 тыс. чел.⁴ Татарское меньшинство внешне практически ничем не отличается от этнических финнов, и это, по мнению финских исследователей, является главной причиной, по которой они не являются объектом дискриминации⁵. В 1998 г. финский социолог Магдалена Яаккока провела опрос, который показал, что треть финнов считает, что ислам – это угроза для финского общества⁶.

Значительный приток в последние 15 лет иммигрантов в страну отразился как на национальном, так на религиозном составе населения. Сказалось это и на изучении религии как официального предмета в школе. Принятый в 2003 г. новый Закон о свободе вероисповедания гарантирует всем учащимся возможность изучать религию, традиционно исповедуемую в семье. Муниципалитет обязан организовать обучение, если с просьбой об этом обратятся родители не менее трех школьников, зарегистрированных в одной из религиозных общин Финляндии. В последнее время многие представители религиозных меньшинств воспользовались этим правом.

Интеграция мусульман в финское общество идет медленно. У Финляндии нет опыта взаимодействия с крупными потоками мигрантов. Сложность процесса интеграции частично можно объяснить этнической и религиозной гомогенностью

финского общества. Известно, что преобладающее большинство финнов является по вероисповеданию лютеранами. Традиционно Евангелическо-Лютеранская Церковь находилась в стране на особом положении, практически такой же статус был и у Финляндской Православной Церкви, насчитывающей сегодня около 55 тыс. членов. Процесс формирования национального самосознания в Финляндии шел медленно, а по мнению некоторых специалистов, он продолжается до сих пор. До 1809 г. территория современной Финляндии была частью Швеции. Затем находилась в составе Российской империи и только в 1917 г. стала независимой.

Швеция

Первая группа мусульман прибыла в Швецию в конце Второй мировой войны, они были татарского происхождения, из Финляндии, где они проживали с XIX века, когда Финляндия входила в состав Российской империи⁷. В 1969 г. было создано Министерство по делам иммигрантов. В 1975 г. Рикстаг Швеции обнародовал принципы политики по отношению к мигрантам и этническим меньшинствам – равенство в правах для шведов и мигрантов. Была введена программа помощи иммигрантским организациям. Мусульмане в Швеции представлены различными этническими группами. Только арабы – выходцы более чем из 20 стран, из них самая крупная группа – иракцы – 52 тыс. чел., ливанцы – 21 тыс.; марокканцы, сирийцы, тунисцы, палестинцы – 90 тыс. В 80-х годах в страну стали прибывать иранцы, их сейчас 52 тыс. чел., сомалийцев – 16 тыс., эфиопов – 12 тыс., мусульман из других африканских стран – 5 тыс. В настоящее время в Швеции насчитывается до 250 тыс. мусульман⁸.

В Швеции мусульмане создают свои организации. Сейчас здесь 50 организаций и более чем 1000 ассоциаций. В рамках политики мультикультурализма правительство оказывает поддержку мусульманским организациям. Для этого была создана Комиссия по государственным выплатам религиозным общинам. Для того, чтобы получить денежные субсидии, у организации должен быть председатель, казначей, секретарь и список членов. При непосредственной поддержке Комиссии по госвыплатам в 2000 г. была открыта Шведская исламская академия с целью подготовки религиозных кадров. В настоящее время в стране действует несколько крупных организаций: Союз исламских общин (1974 г.), Федерация шведских мусульман (1982 г.), Союз

исламских культурных центров Швеции (1984 г.). Эти организации, по сути, являются «зонтиками» и объединяют десятки мелких мусульманских общин. В 1990 г. Союз исламских общин Швеции и Федерация шведских мусульман объединились в Совет мусульман Швеции, чтобы представлять интересы мусульман на государственном уровне. При Совете мусульман действует Информационная исламская ассоциация, которая занимается просветительской работой. В 1995 г. были зарегистрированы Национальная исламская ассоциация Боснии и Герцеговины и Национальная исламская федерация, объединяющая 16 сомалийских общин. В Швеции посредством финансовых рычагов государство старается контролировать деятельность мусульманских общин.

Указанные выше три крупные исламские ассоциации образуют так называемый Совет сотрудничества, который контролирует субсидии мусульманским организациям, поступающие от Комиссии по госвыплатам. Совет может тормозить регистрацию новых исламских ассоциаций, если программа той или иной организации вызывает сомнения. Государство же получает возможность вести диалог не с многочисленными мусульманскими общинами, создаваемыми по этническому признаку, а с более крупными организациями, представляющими интересы мелких исламских ассоциаций. Между крупными исламскими ассоциациями существуют определенные противоречия. Так, Союз исламских культурных центров Швеции, в который входят турецкие иммигранты первой волны, традиционно представляющие ислам в Швеции, отказался вступить в Совет мусульман Швеции (1990), состоящий из общин иммигрантов «новой волны» (иранцев, арабов), объединенных в Союз исламских общин и Федерацию шведских мусульман. Идеологическая линия арабских мусульманских организаций близка к взглядам «Братьев-мусульман», делает акцент на необходимости воспитания молодежи на основе «истинного» учения ислама.

Швеция не стала исключением из списка стран, где существуют некоторые предубеждения к исламской религии и мусульманам. Зачастую понятия иммигрант и мусульманин воспринимаются как синонимы. Социолог Х.Витфельд провел опрос, который показал, что только 2% респондентов в скандинавских странах положительно относятся к исламу, а 65% — крайне негативно. Зачастую такое негативное отношение формировалось средствами массовой информации, у простого

обывателя ислам стал ассоциироваться с насилием, терроризмом, он не совместим с западными ценностями, мусульмане должны быть лояльны не к селу, племени, общине и этнической группе, а в первую очередь к государству⁹. Антииммигрантские лозунги пытались использовать политические партии. Так, в Швеции в 1991 г. был создан политический блок «Новая демократия». Эта партия критиковала политику правительства, проводимую в отношении мигрантов: «Мигранты слишком дорого обходятся налогоплательщикам и представляют собой угрозу для шведской культуры»¹⁰. Интеграция иммигрантов в шведское общество довольно сложна. Для обеспечения межкультурного диалога в пригороде Стокгольма, населенном в основном иммигрантами, была создана организация «Дети Авраама». Ее главная задача — наладить взаимопонимание между последователями разных религий. По мнению группы ученых, развернувших дискуссию на страницах одной из независимых и наиболее уважаемых в Швеции газет «Дагенс Нюхетер», беженцы, получающие в Швеции вид на жительство, практически составляют нечто вроде низшего класса в обществе. Основная проблема — отсутствие работы. Если люди, переселяющиеся в Швецию из западных стран, живут примерно на том же уровне достатка, что и урожденные шведы, то финансовое положение осевших здесь некоторых групп беженцев намного хуже.

Дискриминация на рынке труда подталкивает мигрантов-мусульман уходить в сферу частного бизнеса. Шведский автор А.Аббасиан пишет, что «частное предпринимательство — это не выход, это не интеграция. Уход в частный сектор ведет к усилению этнической сегрегации». Другой автор Д.Оланд говорит, что общество само подталкивает мигрантов-мусульман уходить в частный бизнес. Таким образом, создается новый этнический экономический сектор (рестораны, прачечные, парикмахерские), подобные тенденции приводят к «неорабству»¹¹. В 1999 г. каждое пятое частное предприятие было открыто мигрантами-мусульманами. Причем только 13% из них открыты людьми, недавно прибывшими в Швецию, остальные — вторым поколением мусульман. В этой связи Министерством промышленности, занятости и коммуникаций в 1999 г. был разработан проект «Управление философией многообразия». Его основной целью являлось остановить опасную тенденцию, когда получившие европейское образование мусульмане (с эмиг-

рантским прошлым) по причине дискриминационных преград уходят в частный сектор. Лозунг этого проекта – «Если два человека мыслят одинаково, значит, один из них лишний». Возможно, поэтому недавно премьер-министр Швеции Г.Персон назначил 36-летнего Ибрагима Байрана государственным министром образования. Таким образом, Ибрагим Байран стал первым в истории иммигрантом, мусульманином, который был назначен на столь высокий пост. Как сообщает агентство «Swedian Press», Ибрагим Байран прибыл в страну еще в 1978 г., вместе с тысячами иммигрантов из арабских стран. Ибрагим Байран – уроженец Алжира¹².

Некоторые мусульманские организации стараются оказывать влияние на лидеров тех или иных партий, отстаивая интересы членов общин. Например, в середине 90-х годов глава Совета мусульман Швеции направил открытое письмо лидерам ведущих политических партий страны. В письме, в частности, говорится, что голоса мусульман получит только та политическая партия, которая будет отстаивать интересы мусульман по вопросам, касающимся предоставления финансовой и административной поддержки мусульманам при строительстве культурных центров, разрешения ритуального забоя скота, создания курсов по подготовке имамов в шведских университетах. Иммигранты первой волны (в основном турки), как правило, поддерживают левые партии. Так называемые «новые мусульмане» – арабы, иранцы – являются сторонниками правых¹³. Это можно объяснить тем, что иммигранты – мусульмане новой волны, не найдя своего места в госсекторе и слабо представленные в профсоюзах, вынуждены заниматься бизнесом. Правые партии, как известно, выступают за снижение налогов, отстаивают интересы частного бизнеса.

В иммигрантской мусульманской среде очень низкий уровень образования. Министерством финансов Швеции был подготовлен доклад, в котором исследуются причины высокого уровня безработицы среди иммигрантов-мусульман. В нем говорится: несмотря на то, что уровень подготовки студентов из Африки, Латинской Америки, Азии, получивших образование в Швеции и странах Европейского союза, выше, чем у шведов, тем не менее из-за религиозной и расовой нетерпимости вероятность остаться без работы у иммигрантов выше. Мусульмане испытывают трудности на рынке вакансий и вынуждены выполнять неквалифицированную работу. В результате сложилась

такая ситуация, при которой молодежь теряет интерес к учебе, т.к. не видит для себя перспектив устроиться на высокооплачиваемую работу. Только 1–2% иммигрантов из Косово, Марокко, Пакистана, Сомали, Турции имеют высшее или среднее образование, иранцы, ливанцы – 3–5%, среди боснийских мусульман – 9%. В Норвегии 7% иранцев и ливанцев имеют диплом о высшем образовании. В газете «New York Times» была опубликована статья о положении мусульман в Дании. Молодой турок Беньямин Симсек говорит, что, имея датский диплом архитектора, он вынужден работать стюардом в одной из авиакомпаний. Другой респондент-мусульманин рассказывает, что собеседование для него закончилось вопросом – «откуда вы»¹⁴? Жители Швеции – выходцы из арабских и мусульманских стран – часто при поиске работы вынуждены менять имена, чтобы скрыть свое арабское или мусульманское происхождение, сообщает «Ислам онлайн» со ссылкой на результаты расследования, проведенного журналистами шведской газеты «Дагенс нюхтер». Так, перс Бойян Ашхари стал Стивеном Саднейлом, Мохаммад выбрал типичную шведскую фамилию Андерсон, а Халед стал Стефансоном. Люди меняют имя только для того, чтобы найти работу. На шведском рынке труда широко распространена дискриминация в отношении арабов и мусульман. По просьбе журналистов четыре шведских гражданина, двое из которых – этнические шведы, а двое – носители мусульманских фамилий, выходили несколько раз на контакт с потенциальными работодателями в поисках работы. И всякий раз шведы были более удачливы, нежели другие соискатели, получавшие постоянный отказ. По шведским законам сменить имя и фамилию достаточно легко, нужно лишь заполнить соответствующие анкеты. Сделать это может каждый¹⁵. Шведские социологи предсказывают, что в следующие 15 лет шведская нация будет «стареть», в то время как количество мусульман будет увеличиваться. Более того, для обеспечения стабильного экономического роста стране каждый год необходимо 45 тыс. иностранных рабочих¹⁶.

Мусульманское сообщество Швеции испытывает недостаток квалифицированных имамов. Молодые мусульмане ориентированы на свою «новую родину», они стремятся получить ответы на вопросы, которые перед ними возникают в скандинавском контексте. «Мы, мусульмане Швеции не желаем слышать советы по поводу решения проблем, которые имеют место в Саудовской Аравии или Каире. У нас свои сложности, с которыми

мы сталкиваемся, если имам не знает шведского языка, не разбирается в политической и социальной конъюнктуре Швеции, то он не понимает нас, не осознает наших проблем. Такие имамы подходят старшему поколению, но для тех, кто родился здесь, нужны современные имамы»¹⁷. Второе поколение мусульман выросло в других реалиях, они продукт европейской системы образования, дети своего времени, они не согласны занимать место граждан «второго сорта», им нужен ислам, который поможет им достичь поставленных целей и занять достойное место в стране¹⁸. Молодые мусульмане считают, что ислам необходимо интерпретировать в шведском контексте¹⁹.

В 1976 г. парламент Швеции узаконил право иностранных мигрантов голосовать на местных выборах, при этом мигранты должны выполнить ряд условий: владеть шведским языком, знать шведское законодательство. Однако на практике обладать правом избирать и участвовать в политической жизни – неравнозначные понятия. В 1998 г. только 25% мусульман участвовали в выборах. Существует несколько причин, объясняющих малый интерес мусульман к политике. Мигранты, сталкиваясь в своей повседневной жизни с дискриминацией, проявлениями ксенофобии в различных общественных сферах, не верят, что смогут на равных с коренными шведами участвовать в политическом процессе, как и в то, что коренные жители поделятся с ними какими-нибудь привилегиями. Мигранты в шведском обществе воспринимаются как «граждане второго сорта». В этой связи один из шведов говорит, что как только он принял ислам – автоматически стал «мигрантом», а значит «гражданином второго сорта». Те мусульмане, которые участвуют в политической жизни, зачастую не получают тех постов, которые им позволили бы принимать важные решения и влиять на общественные процессы.

Дания

В Дании насчитывается от 122 до 160 тыс. мусульман²⁰ из 5,3 млн. общей численности населения. В начале 70-х годов мусульмане из Турции, Пакистана, Марокко и республик бывшей Югославии стали прибывать в Данию в качестве гастарбайтеров. В 80–90-х годах численность мусульманского населения пополнилась за счет беженцев из стран Ближнего и Среднего Востока, Сомали и Боснии. В настоящее время 40% мусульман Дании – это беженцы²¹. В Дании мусульмане создали целый ряд

институтов, которые обеспечивают им сохранение религиозной и культурной идентичности. В 60–70 гг. взаимоотношения коренных датчан и мусульман-мигрантов не вызвали каких-либо опасений. Сложности возникли, когда мусульмане привезли свои семьи и решили навсегда остаться в этой скандинавской стране. В 1997 г. был открыт «Центр христиано-мусульманского диалога», целью которого явилось, как заявил один из руководителей исламской студенческой организации, не обратить датчан в ислам, а постоянно информировать и отвечать на вопросы, связанные с исламской религией, чтобы у жителей страны сложилось правильное отношение к мусульманам и их религии²². Мусульмане неоднородны по этническому составу: турки, пакистанцы, марокканцы, иранцы, иракцы, палестинцы, сомалийцы. В 2003 г. в Дании введены новые положения, касающиеся религии. Мусульманские лидеры должны самостоятельно обеспечивать общины финансовыми средствами, обязаны говорить на датском языке, с уважением относиться к западным ценностям. Эти положения были введены по инициативе «Народной партии Дании». Министр интеграции Дании Бертель Хаардер заявил, что имамы часто оказывают негативное влияние на молодежь²³. В стране действуют несколько мусульманских организаций, но ни одна из них не является представительным органом мусульман Дании. В Дании члены семей эмигрантов лишены государственной помощи, что означает, что эта категория иммигрантов оказывается в стороне от процесса интеграции в общество, так как у них отсутствует как право, так и обязанность интегрироваться. В Дании, например, правительство считает, что низкий уровень поддержки иммигрантов заставляет этих людей прилагать больше усилий и желания трудоустроиться.

Мусульманские организации обращались с просьбой к датскому правительству поддержать создание демократически избранного совета, представляющего интересы мусульманских общин страны. В качестве основного аргумента было высказано, что создание Совета мусульман Дании будет препятствовать распространению радикализма и ксенофобии в стране. Однако эта инициатива не нашла отклика со стороны правительства²⁴.

Министр внутренних дел Дании предложил выслать из страны тех переселенцев, которые въехали в страну незаконно. Обсуждение проблемы мигрантов–мусульман, отодвинуло на второй план политические дебаты по поводу вступления Дании в единую евровалютную систему в 2000 г. Член Евро-

парламента М. Камп заявил, что «эти презренные заставляют своих дочерей и жен покрывать голову платком, переполненные религиозным фанатизмом, они направляют самолеты на здание Всемирного Торгового Центра»²⁵. Премьер-министр Дании Расмусен считает, что его жесткие меры по отношению к иммигрантам должны быть взяты на вооружение и другими европейскими лидерами. Расмусену также во многом приходится «выполнять программу» крайне правой Народной партии, за которую в прошлом году проголосовало 12% избирателей.

Лидер партии не рекомендует европейцам брать пример со Швеции, которая решила превратить Стокгольм в «скандинавский Бейрут»²⁶. Министр по делам беженцев, иммиграции и интеграции Дании Бертель Хорде призвал разработать «новое, прозападное течение ислама». «В случае если мусульмане предпочтут придерживаться тех догм шариата, которые идут вразрез с демократическими нормами, они могут столкнуться в Дании с некоторыми проблемами», – отметил министр. Он также подчеркнул, что «не стоит слепо следовать религиозным традициям. Что-то необходимо менять». Послание с подобными предложениями Бертель Хордер направил ведущим представителям мусульманской общины Дании, в том числе имаму Копенгагена Фатиху Алеву. Последний уже заявил, что, по его мнению, датский министр находится на «неверном пути», т.к. ислам – целостная система, ниспосланная всевышним, которую невозможно подогнать в угоду тем или иным интересам²⁷.

Правительство предприняло целый ряд вынужденных мер, направленных на ускорение процесса интеграции мусульман, с одной стороны, и на ограничение их притока в страну, с другой. Среди них получение вида на жительство, уменьшение социальной помощи мигрантам, ужесточение законов о «восоединении семей»²⁸. Эти меры привели к тому, что мигранты-мусульмане стали рассматриваться как явление крайне негативное и даже опасное.

В 80–90-х годах политические партии стали активно использовать антииммигрантские лозунги в политической борьбе. Особенно протестные настроения избирателей использовали Датская народная партия и правая Партия прогресса. Члены этих партий обрушились с резкой критикой на мигрантов-мусульман, обвиняя их в подрыве западных ценностей и распространения насилия²⁹. Негативное отношение к мусульманам заметно усилилось в первые месяцы после 11 сентября 2001 г.

В это же время предвыборная кампания в Дании вступила в заключительную фазу. С сентября по декабрь 2001 г. было зарегистрировано 52 преступления, совершенных на расовой почве (поджоги, избиения). В 2002–2003 гг. эти показатели были еще выше³⁰. Датская народная партия, построив предвыборную программу на антииммигрантских лозунгах, на выборах 2001 г. получила 15% голосов избирателей. ДНП не только опубликовала списки 5 тыс. человек, получивших гражданство Королевства Дании в 2001 г., но и использовала в предвыборной агитации плакат с изображением молодой скандинавки с надписью «Когда она выйдет на пенсию, в Дании будет мусульманское большинство»³¹. В 2003 г. 12 членам этих партий были предъявлены обвинения за использование антимусульманской риторики³². В декабре 2003 г. Верховный суд Дании приговорил Питера Бухля (члена Партии прогресса) к условному тюремному заключению за расистские и антимусульманские высказывания. Он был признан виновным в публикации оскорбительных для мусульманского меньшинства материалов на своем интернет-сайте, вплоть до предложения поместить всех мусульман в специально отведенные концентрационные лагеря или депортировать их на родину. Верховный суд Дании признал, что статус политика не дает право на расистские заявления³³.

Исследования показали, что дискриминация на религиозной почве является основной проблемой, с которой сталкиваются мигранты при устройстве на работу. В апреле 2004 г. был обнародован доклад, в котором говорится, что население, пользуясь услугами тех или иных организаций, предпочитает датчан, нежели мусульман-мигрантов³⁴. В стране отсутствуют мусульманские кладбища. В Дании нет ни одной специально построенной для религиозных нужд мечети³⁵.

Студенты и преподаватели имеют право на ношение «хиджаба» в школах и университетах. В 2000 г. Верховный суд страны признал незаконными действия администрации супермаркета, отказавшейся принять на работу женщину-мусульманку из-за того, что она носила платок³⁶. В 2003 г. подобный случай произошел в другом супермаркете, (из-за ношения платка была уволена женщина-мусульманка), однако суд признал действия администрации законными, т.к. в трудовом контракте имелись пункты, запрещающие ношение религиозных атрибутов³⁷. В 1997 г. в Дании был открыт Центр христианско-мусульманского диалога. Стали создаваться студенческие ассоциации, как заявил

один из руководителей, что цель таких организаций – не обратить датчан в ислам, а информировать и отвечать на их вопросы, связанные с исламской религией³⁸.

События в Дании, связанные с публикацией карикатур на пророка Мухаммеда, не носят единичный характер. Дания является одной из европейских стран, в которых произошли мусульманские демонстрации протеста. Даже в этой скандинавской стране они имели место и ранее. Так, например, Исламская академия Дании обратилась в органы юстиции страны с просьбой рассмотреть вопрос о богохульстве, содержащемся в фильме «Покорность» голландского режиссера Тео Ван Гога, демонстрируемом двумя телевизионными каналами страны. Мусульмане требовали запретить дальнейшую демонстрацию фильма, т.к. он создает неблагоприятный климат в обществе. Между тем ультраправые партии Дании призывают отменить содержащееся в настоящее время в датском законодательстве положение о запрете богохульства под предлогом, что оно не использовалось на протяжении последних 30 лет³⁹. Осенью 2005 г. послы мусульманских стран потребовали от Дании запретить использование образа пророка Мухаммеда в газетных карикатурах. Письмо с таким требованием было направлено премьер-министру Дании Андресу Фогу Расмуссену. Представители десяти мусульманских стран, среди которых Иран, Пакистан, Индонезия, Босния и Герцеговина, обвиняют издательство датской газеты «Юландс Постен» в изображении пророка Мухаммеда как типичного исламского фундаменталиста. На улицы Копенгагена вышли тысячи мусульман. Газеты сравнили эти протесты с демонстрациями против «Сатанинских стихов» С.Рушди. В конце сентября газета опубликовала работы двенадцати ведущих датских карикатуристов, изображающие пророка Мухаммеда. Например, на одном рисунке Мухаммед изображен в тюрбане в виде атомной бомбы. Газета отказалась публиковать извинения, ссылаясь на свободу слова. Представители мусульманских организаций в Дании обратились к премьер-министру с жалобой на информационные агентства, в которых, по их мнению, негативно освещается сама исламская религия. По законам ислама запрещено всякое изображение пророка Мухаммеда. Тогда Расмуссен заявил, что в Дании действует свобода слова, и он не вправе приказывать изданиям, что можно публиковать и что нельзя. Датчане окружили здание Союза правоверных мусульман в Копенгагене. Их дей-

ствия стали ответом на публикацию в ряде мусульманских изданий серии эпиграмм на Христа и Богородицу и дали Союзу мусульман 48 часов на официальные извинения за публикацию этих эпиграмм. Группировки «Комитет датского единства» и «Бригады мучеников Марии Вальдхорн» распространили совместное заявление с угрозами совершать нападения на всех мусульман, которые окажутся в Скандинавии. Кроме того, представители этих организаций пообещали атаковать мечети, потребовали от мусульман немедленно покинуть территорию Западной Европы⁴⁰.

Согласно проведенному исследованию «Комиссии по правам человека Совета Европы», Дания является страной, где в отношении мигрантов проводится самая жесткая политика, особенно в последние годы⁴¹. Выступления людей «с иммигрантским прошлым» становятся неотъемлемым компонентом политической жизни Европы. Первым государством Европы, в котором на мусульманах жестко отразилась волна поднятой ксенофобии после 11 сентября, стала Дания. Королевство относится к числу стран, где довольно четко стараются выполнять предвыборные обещания со всеми вытекающими отсюда последствиями как для мусульман, уже получивших датское гражданство, так и тех, кто собирается сделать это в будущем. Реальной же интеграцией новых граждан и иммигрантов в датское общество парламентарии пока не занимаются, нанося серьезный удар по межконфессиональной и межэтнической стабильности Дании. Количество иммигрантов, получивших датское гражданство, составляет 4–7% и является самым низким показателем среди государств Северной и Западной Европы. Вероятно, резко негативное отношение местного коренного населения к мусульманскому меньшинству также можно объяснить этнической и религиозной гомогенностью датского общества. В Дании 87% населения являются последователями Евангелической Лютеранской церкви⁴².

Норвегия

До 1970 г. миграция мусульман в Норвегию практически не наблюдалась. Мигранты предпочитали Великобританию, Германию, Голландию, Францию. Однако экономический кризис середины 70-х годов и, как следствие, введение ограничений на въезд иностранных рабочих в эти страны, практически совпали с открытием в Северном море Норвегии нефтяных месторожде-

ний⁴³. Страна стала приглашать иностранных рабочих. Первой крупной группой мусульман-мигрантов были 2 тыс. пакистанцев, которые приехали в Норвегию в 1973 г. К началу 80-х годов в стране уже было 7 тыс. пакистанцев, которые стали самой крупной этнической группой среди мигрантов-мусульман⁴⁴. В январе 1996 г. численность мусульман возросла до 42 тыс. В 2003 г. до 110 тыс. мусульман являлись членами различных исламских организаций (пакистанцев – 26 тыс. чел, турок – 13 тыс., марокканцев – 7 тыс., иракцев, иранцев, боснийцев – по 13 тыс., сомалийцев – 11 тыс. чел.⁴⁵). Пакистанцы представлены «Мин-хадж уль-Куран», «Таблиг-и-джамаат». Турецкие мигранты представлены организациями – «Диянет», «Милли герюш», «Сулейман чи», «Бекташи»⁴⁶. В Осло 25 мечетей в специально переоборудованных для религиозных нужд помещениях. Единственная мечеть была построена пакистанской организацией «Всемирная Исламская Миссия».

Проблема интеграции иммигрантов в странах Европы является общей для многих правительств. В 1973 г. норвежский политик Андерс Ланге основал партию, которая первоначально носила его имя. Целями создания партии были заявлены снижение налогов, пошлин и государственного регулирования экономики. После смерти основателя в 1977 г. партия получила свое новое название – Партия прогресса. За тридцать с лишним лет цели партии не претерпели изменений, однако основным лозунгом программы стала борьба за сохранение идентичности норвежского общества. В устах ее председателя, искушенного оратора Хагена, борьба с чуждыми культурами превратилась в крестовый поход против иммигрантов из «незападных», прежде всего мусульманских, стран. Некоторые высказывания Хагена были шокирующими, например, его знаменитая фраза «Общество без этнических меньшинств – это общество, живущее в гармонии». События 11 сентября 2001 г. добавили Хагену новых «аргументов» в борьбе: он сравнил ислам с нацизмом и противопоставил Иисуса пророку Мухаммеду. Иисус, по мнению Хагена, призывал детей к любви, а Мухаммед хотел, чтобы дети насаждали исламизм любой ценой⁴⁷.

Подход Норвегии к решению проблемы интеграции мусульман и успехи в этой области заставляют многие страны в Скандинавии внимательно следить за работой норвежских коллег. Они предложили новые идеи, связанные с интегрированием лиц, получивших норвежское гражданство, в местное

общество. Были определены три неперенные составляющие: иммигранты должны овладеть норвежским языком, понимать норвежскую культуру и стремиться найти работу. При этом центральными остаются вопросы прав и обязанностей. Норвежское правительство в отличие от правительств других стран Скандинавии несколько иначе подошло к вопросу о средствах для лиц из других стран, получивших разрешение на пребывание в Норвегии. Такая группа лиц получает в Норвегии в виде так называемой интеграционной помощи ровно столько же, сколько и граждане этой страны по социальным пособиям. Заместитель министра по вопросам интеграции Кристин Ёрмен Йонсен (Консервативная партия правых) полагает, что правительство намеренно не стало устанавливать различия между гражданами Норвегии и теми, кто получил право на жительство в стране, так как последние, получив разрешение от властей страны, должны восприниматься так же, как и все остальные граждане Норвегии. Норвежская модель – это своеобразный договор между властями и лицами с правом жительства в стране. Эта модель находится в стадии эксперимента и, как полагают, может быть распространена по всей территории Норвегии. Главный принцип этой модели заключается в том, что лицо, получившее разрешение на проживание в стране, а также все его прямые родственники и члены семьи проходят двухгодичный курс, целью которого является помочь интегрироваться некоренным жителям в норвежское общество через изучение языка, получение знаний о стране пребывания и трудовую практику⁴⁸. Ответственной за курсы является местная власть, что позволяет установить прямой контакт между нею и конкретным лицом с правом проживания на территории Норвегии. Если иммигрант не появляется на занятиях, а это шесть часов ежедневной подготовки, то он рискует потерять дальнейшую поддержку со стороны норвежского государства. Подобное сочетание прав и обязанностей не характерно для многих других стран Европы и Скандинавии. Норвежцы придерживаются в этом вопросе принципа равноправия, которое распространяется и на мужчин, и на женщин. Эти меры норвежского государства позволяют иммигрантам пройти путь интеграции в общество и получить возможность трудоустроиться. Независимые аналитики уверены, что реализация такой программы интеграции иммигрантов позволит Норвегии сэкономить через 10 лет до 45 миллиардов крон. Норвегия выделяет

средства на поддержку каждого без учета общего дохода в семье. Таким образом, создается мотивация как для мужчин, так и для женщин участвовать в интеграционном процессе и стремиться найти свое рабочее место на рынке труда страны.

* * *

Скандинавские страны также столкнулись с проблемой радикального исламизма. В парламент Швеции хотел переизбраться человек, которого США считают «спонсором терроризма». Это 34-летний выходец из Сомали Абдирисак Аден. Он входил в американский «черный список» спонсоров террористической группировки «Аль-Каида» как человек, напрямую связанный с финансовой организацией «Аль-Баракат», которая, как подозревают в Вашингтоне, организовывала сбор средств для «Аль-Каиды». После терактов 11 сентября американцы назвали Адена и еще двух сомалийцев «руководителями фирмы «Баракаат Интернешнл», зарегистрированной в стокгольмском пригороде Спонга, а также фонда «Баракаат Интернешнл Фаундейшн». Недавно Прокуратура Норвегии предъявила обвинения мулле Крекару – основателю радикальной исламской курдской группировки «Ансар аль-Ислам» в связях с террористами из «Аль-Каиды» и осуществлении нападений на коалиционные войска в Ираке. Ему грозит депортация. В то же время, как заявили норвежские власти, у следствия пока нет доказательств причастности Крекара к подготовке убийств его политических противников в Ираке. Датское отделение радикальной исламистской организации «Хизб ут-Тахрир» выпускает журнал «Халифат», который носит антизападную и антисемитскую направленность: «Изгоняйте евреев из страны, как они выгоняют нас из Палестины»⁴⁹. В конце 2002 г. один из деятелей этой организации Фади Абдуллатиф был обвинен в расизме и приговорен к условному тюремному сроку. С осуждением этих заявлений выступил «Турецкий культурный Союз». В ситуацию даже вмешался авторитетный исламский деятель в Европе Т.Рамадан, который в интервью датской газете заявил, что «ненависть к евреям чужда исламу, ислам не узаконивает антисемитизм»⁵⁰.

* * *

Миграция мусульман в страны Скандинавии – явление довольно новое. Длительный период времени мигранты пред-

почитали Великобританию, Германию, Францию, Голландию. С массовым притоком мигрантов скандинавские страны столкнулись в последние 25–30 лет. Причем большую часть составляют беженцы из зон конфликтов. В Великобритании на протяжении многих лет достаточно просто было получить гражданство, особенно для выходцев из стран Содружества, необязательно было владеть английским языком. Правительство больше поощряло общинный образ жизни, чем индивидуальную интеграцию. Правительство, по сути, продолжало «коммуналистскую» традицию Британской империи в Индии, при которой конфессиональная принадлежность индусов, мусульман или сикхов определяла их политическое представительство, а руководитель каждой религиозной общины становился выразителем своих интересов во властных структурах. В крупных городах Великобритании муниципалитеты передавали советам мечетей целый ряд посреднических функций во взаимоотношениях с их паствой. В ответ за оказываемое доверие имамы агитировали своих прихожан за определенного кандидата от той или иной партии. Франция и Великобритания поощряли миграцию из своих бывших колоний: Англия с Индийского субконтинента, Франция из стран Магриба и Западной Африки⁵¹. В скандинавских странах отсутствовала подобная практика. Несколько лучше ситуация с мусульманским меньшинством обстоит в Швеции, где прием иммигрантов мотивирован и соображениями внешней политики – традиционно нейтральная страна, Швеция, не может оставаться безучастной к событиям, происходящим в мире: войнам, конфликтам, природным катаклизмам. Тем не менее современную политику Швеции в отношении иммигрантов либеральной назвать нельзя. Убежище в Швеции может быть предоставлено только тем, кто в своей стране преследуется по расовым, национальным, политическим, религиозным причинам, и лишь в том случае, если его жизнь подвергается угрозе при возвращении на родину. От 5 до 30% мусульман в Швеции, Норвегии, Дании имеют гражданство. Уровень политической активности мусульман этих стран крайне низок как на государственном, так и на местном уровне. Из 349 членов парламента Швеции только 4 мусульманина, в Норвегии и Дании по одному члену парламента имеют арабские имена. Политическая активность ограничивается местным уровнем. В Дании более негативное отно-

шение к мусульманскому населению, чем в Норвегии и Швеции. Скандинавские государства, как было показано выше, отличаются своей этнической и религиозной гомогенностью. В Норвегии и Дании, согласно конституции, Евангелическая Лютеранская церковь имеет статус государственной, облагает своих последователей налогами, получает государственные субсидии. Другие религиозные общины могут зарегистрироваться, чтобы получить освобождение от налогов⁵². В Швеции в 1995 г. был принят, а в 2000 г. вступил в силу закон об отделении Шведской (Лютеранской) церкви от государства⁵³. Безусловно, это не способствует скорейшей и безболезненной интеграции мусульман в скандинавское общество.

Всплеск эмоций, связанный с событиями 11 сентября 2001 года, стал катализатором ухудшения отношения многих «коренных» жителей европейских стран к согражданам и иммигрантам, исповедующим ислам.

Чем сильнее дискриминация и предубеждения, тем теснее сплачивается община, процесс интеграции несколько замедляется. Рост численности и социальной активности иммигрантов особенно в западных странах порождает опасение властных структур за социальную и политическую активность. Страны-реципиенты по мере изменения ситуации пересматривают свою иммиграционную политику. В Европе сегодня существует особо предвзятое отношение к приверженцам ислама, который в общественном сознании ассоциируется в первую очередь с агрессией, насилием, террором. Иммигрант осознает пределы возможности своей интеграции в принимающее общество из-за этнорасовых предубеждений. Мечети выступают не только центрами духовной жизни, но и как социальные институты, которые выполняют интеграционную функцию, община выполняет для иммигранта защитную функцию. Предубеждения против чужого глубоко проникают в сознание коренного населения, подпитывая в нем ложное чувство превосходства.

¹ Islamic Center and Mosquen Alppila. Hut, Ark 3, Studio, A-8.310 8 SW, Spring 2005.

² Aallas, Esa. Somalis' shock. Finnish Refugees. Publication Seri 2. Printed by Gummerus. Jyväskylä, Finland, 1991.

³ Hecker-Stamphel J. Notion State and Cultural Diversity in Finland. Helsinki, 2003.

⁴ Timo Makkonen L.M. Chapter on the General Situation of Discrimination in Finland. Helsinki, 2003.

⁵ Там же.

⁶ Там же.

⁷ Otterbeck J. The Baltic Tatars – The First Muslim Group // Sweden in Cultural Encounters in East and Central Europe. Stockholm: Swedish Council for planning and Coordination of Research, 1998.

⁸ Shireen T. Hunter. Islam, Europe's Second Religion. The New Social, Cultural, and Political Landscape. London, 2002, c. 124–126.

⁹ Anwar M., Blaschke J., Sander A. State Policies Towards Muslim Minorities (Sweden, Great Britain and Germany). Verlagsabteilung im Europäischen Migrationszentrum (EMZ) Schliemannstr, 23 D-10437, Berlin, 2004, c. 277.

¹⁰ Shireen T. Hunter. Islam, Europe's Second Religion. The New Social, Cultural, and Political Landscape. London, 2002, c. 128–129.

¹¹ Anwar M., Blaschke J., Sander A. State Policies Towards Muslim Minorities (Sweden, Great Britain and Germany). Verlagsabteilung im Europäischen Migrationszentrum (EMZ) Schliemannstr, 23 D-10437, Berlin, 2004, c. 277.

¹² Абдельазиз Адиаты. Впервые в истории Швеции назначен министр, мусульманин.

http://nurlat.kazan.ws/cgi-bin/guide.pl?id_org=78&action=fullnews&id_news=4629

¹³ Shireen T. Hunter. Islam, Europe's Second Religion. The New Social, Cultural, and Political Landscape. London, 2002, c. 128–129.

¹⁴ Там же.

¹⁵ <http://portal-credo.ru/site/?act=news&id=26618&cf=>

¹⁶ Anwar M., Blaschke J., Sander A. State Policies Towards Muslim Minorities (Sweden, Great Britain and Germany). Verlagsabteilung im Europäischen Migrationszentrum (EMZ) Schliemannstr, 23 D-10437, Berlin, 2004, c. 304–306.

¹⁷ Sander, Åke; Larsson G. The mobilization, organization and institutionalization of Islam in Sweden 1990–2000. From green to blue and yellow Islam? – 2000, in: Shadid, W. A. R.; Van Koningsveld, P. S. (Ed.), Religious Freedom and the Neutrality of the State: The Position of Islam in the European Union. Pharos/Kampen/ Nederlanderna, c. 91–112.

¹⁸ Ramadan T. Islam, the West and the challenges of modernity. Markfield, 2001.

¹⁹ Sander, Åke; Larsson G. The mobilization, organization and institutionalization of Islam in Sweden 1990–2000. From green to blue and yellow Islam?

²⁰ Shireen T. Hunter. Islam, Europe's Second Religion. The New Social, Cultural, and Political Landscape. London, 2002, c. 124.

²¹ Introduction to Islam and other religions in Denmark. At <http://www.islam.dk>

²² Mogens S. Mogensen. Conversion between Islam and Christianity in a Danish Context. Paper presented at the conference «Theology Meets Multireligiosity» University of Aarhus, May 13–15, 2002.

²³ Bashy Quraishy. E N A R (European Network Against Racism) Shadow Report – Denmark. Brussels, 2004.

²⁴ Liz Fekete. National council for Muslims proposed. Independent Race and Refugee News Network, July 17, 2003, at <http://www.irr.org.uk>

²⁵ Anti-Islamic reactions within the European Union after the recent acts of terror against the USA A collection of the EUMC of country reports from RAXEN National Focal Points (NFPs), Vienna, 10 October 2001.

²⁶ <http://war.pravda.ru/abroad/2002/05/27/41815.html>

²⁷ <http://jesuschrist.ru/news/2004/12/03/7456>

²⁸ Report by Mr. Alvaro Gil-Robles, Commissioner for Human Rights, on His Visit to Denmark 13th–16th April 2004, c. 4–5; European Network Against Racism (ENAR), Shadow Report 2003: Denmark (author: Bashy Quraishy), c. 46, at <http://www.enar-eu.org>

²⁹ Report by Mr. Alvaro Gil-Robles, Commissioner for Human Rights, on His Visit to Denmark 13th–16th April 2004, c. 4–5; European Network Against Racism (ENAR), Shadow Report 2003: Denmark (author: Bashy Quraishy), p. 46, at <http://www.enar-eu.org>

³⁰ European Monitoring Centre on Racism and Xenophobia (EUMC), Anti-Islamic Reactions in the EU after the Terror Attacks against the USA: Denmark (prepared by Danish Board for Ethnic Equality/Documentation and Advisory Centre on Racial Discrimination) (May 2002), at <http://www.eumc.at>

³¹ Большаков А. Антимусульманская ксенофобия в Дании // portal-credo.ru

³² Politicians absolved of racist slurs // The Copenhagen Post, December 11, 2003, at <http://www.cphpost.dk>

³³ The Copenhagen Post, December 11, 2003; «Racist politician // The Copenhagen Post, December 7, 2002.

³⁴ Whites-only cleaner row // The Copenhagen Post, April 15, 2004.

³⁵ European Network Against Racism (ENAR), Shadow Report 2003: Denmark (author: Bashy Quraishy), c. 52. <http://www.enar-eu.org>

³⁶ Islamic Human Rights Commission, Briefing: Good Practice on the Headscarf in Europe; European Industrial Relations Observatory,

«Court finds against department store in Muslim headscarf case», 2000, at <http://www.eiro.eurofound.eu.int>

³⁷ «Headscarves in the headlines», BBC News, February 10, 2004, at <http://www.bbc.co.uk>

³⁸ Cohen R., For 'New Danes' Differences Create a Divide // New York Times, 18.12.2000.

³⁹ Мусульмане Дании просят запретить показ фильма Ван Гога. <http://islam.com.ua/forum/index.php?showtopic=1445>

⁴⁰ Война миров. <http://sdobry.livejournal.com/81091.html?mode=reply>

⁴¹ Report by Mr. Alvaro Gil-Robles, Commissioner for Human Rights, on His Visit to Denmark 13th–16th April 2004, c. 4, at <http://www.coe.int>

⁴² Mogens S. Mogensen. Conversion between Islam and Christianity in a Danish Context. Paper presented at the conference «Theology Meets Multireligiosity» University of Aarhus, May 13–15, 2002.

⁴³ Urmila Goel. Norway: Pakistanis – the largest immigrant group, www.urmila.de, 2001.

⁴⁴ Finngeir Hiorth. Church and State in Norway (1997). 19 November 1997, Kirkehaugsveien, 3N-0283, Oslo, Norway.

⁴⁵ Leirvik O. Islam and Christian-Muslim Relations in Norway: Popular realities, political and religious responses, interfaith cooperation. Islamochristiana vol. 29, 2003, c. 121–140.

⁴⁶ Saphinaz-Amal Naguib: Mosques in Norway. The Creation and Iconography of Sacred Space. Oslo: Novus (The Institute for Comparative Research in Humane Center), 2001.

⁴⁷ Прохоров П. Проповедь Хагена. <http://brcinfo.ru/publics/public.php?id=2081>

⁴⁸ Shpilkin S.V. Успехи Норвегии в области интеграции иммигрантов, 2003. Библиотека и Норвежский Информационный Центр по материалам скандинавских СМИ, <http://www.norge.ru/lnic/august03.html>

⁴⁹ Judeo – Muslim Conflict in Copenhagen: Imagined or Real? Eddie Cohen and Jakob Silas Lund

⁵⁰ <http://eumc.eu.int/eumc/as/PDF04/AS-Country-DA-PDF04.pdf> (EUR)

⁵¹ Кепель Ж. Джихад. Экспансия и закат исламизма. М., 2004, c. 201.

⁵² The Evangelical Lutheran Church in Denmark, «Church and State», at <http://www.interchurch.dk/LutheranChurch/> (last visited on September 6, 2004); US Department of State, International Religious Freedom Report 2003, at <http://www.state.gov>

⁵³ Формула, по которой несколько столетий Швеция управлялась, была – «Одна нация, один народ, одна религия». В 1593 г. Евангелическая Лютеранская церковь была введена в ранг государственной. Единство веры рассматривалось в качестве основы стабильности и процветания общества. Это положение было зафиксировано в законодательстве 1634 г. С 1665 г. исповедание других религий было запрещено. За нарушение этого положения полагался штраф. Католики и иудеи получили некоторые религиозные свободы в 1781–1782 гг. В 1809 г. в период индустриализации Швеции в закон о вероисповедании страны были внесены дальнейшие изменения, согласно которым король обязан был защищать свободу религии и не принуждать кого-либо следовать той или иной религии.

И.А.Свистунова

О ВЛИЯНИИ ИРАКСКОГО ФАКТОРА НА РАЗВИТИЕ ОТНОШЕНИЙ ТУРЕЦКОЙ РЕСПУБЛИКИ С ИРАНОМ

В силу объективных геополитических причин Турция и Иран, являющиеся соседями по нестабильному ближневосточному региону, традиционно проявляют особый интерес к развитию взаимодействия. Официальные лица обеих стран часто отмечают тот факт, что на протяжении нескольких столетий турецко-иранская граница остается линией мира и добрососедства. В качестве двух крупнейших государств своего региона Турция и Иран обладают огромным потенциалом для плодотворного сотрудничества во многих сферах. Однако различия во внутривнутриполитическом строе и внешнеполитических установках наряду с соперничеством за региональное влияние нередко оказывают негативное воздействие на турецко-иранские отношения. Вместе с тем отношения двух стран подвержены влиянию внешних факторов, одним из важнейших среди которых оказалась иракская проблема, уже более пятнадцати лет привлекающая пристальное внимание всего мира. Для Турции и Ирана актуальность событий, связанных с Ираком, обусловлена соседством с ним, наличием в каждом из трех государств курдского меньшинства, проживающего на их сопредельных территориях, и последствиями международного вмешательства в Ирак. Влияние иракского фактора на развитие отношений Турции с Ираном можно проследить, начиная с 1990 года, когда вопрос об Ираке появился на повестке дня международного сообщества.

Кризис в Персидском заливе 1990–1991 гг. способствовал сближению Турции с Ираном, так как руководство обеих стран разделяло мнение о целесообразности поддержания диалога по иракской проблеме. Активизировались контакты на высшем уровне: в ноябре 1990 г. президент Турции Т.Озал побывал в Тегеране, а в апреле 1991 г. в Анкару приехал президент Ира-

на А.А.Хашеми-Рафсанджани; в этот же период министр иностранных дел Ирана дважды посещал Турцию. Обе стороны более всего беспокоило сохранение территориальной целостности Ирака, в этой сфере они проявляли полное единодушие и выступали с совместными заявлениями. В то же время Турция и Иран занимали различные позиции по характеру отношений с багдадским режимом. Турция выражала готовность сотрудничать с любым правительством, способным обеспечить стабильность в Ираке, а Иран, недавно воевавший с Ираком, категорически отказывался контактировать с представителями правящей партии «Баас».

Когда в 1991 г. С.Хусейн начал военные действия против курдов, приведшие к скоплению сотен тысяч беженцев на границе Ирака с Турцией и с Ираном, обе страны оказались объединенными общей озабоченностью. Правительства этих стран опасались, что если они примут беженцев на своей территории, иракские курды не захотят впоследствии возвращаться к себе домой, а осядут в Турции и в Иране. Подобная перспектива роста численности курдского населения в собственной стране, чреватая распространением сепаратистских настроений, не устраивала эти страны. Однако инициатива руководства Турции по созданию на севере Ирака «зоны безопасности» для беженцев под контролем международного сообщества встретила негативную реакцию со стороны Ирана. Военные самолеты США совершали полеты над «зоной безопасности», используя турецкие авиабазы, и Иран обвинял Турцию в том, что она способствовала наращиванию военного присутствия США в регионе.

Новый импульс развитию турецко-иранских отношений придали события, происходившие в Ираке после войны в Персидском заливе, когда на севере страны, над которым фактически утратило власть центральное правительство, началось активное формирование основ независимого курдского государства. Турция и Иран воспринимали перспективу создания независимого Курдистана как угрозу своим национальным интересам и опасались волнений среди собственного курдского населения, а поэтому стремились удержать ситуацию под контролем. При этом сходство позиций и понимание необходимости координации действий не означали полного сближения Турции и Ирана и не устраняли существующую между ними конкуренцию за региональное влияние.

Наоборот, иракский фактор в 90-е годы сыграл двоякую роль в развитии отношений Турции и Ирана: с одной стороны, он служил стимулом к сотрудничеству на основе общих интересов поддержания региональной стабильности и сохранения территориальной целостности Ирака; с другой, – он способствовал обострению соперничества за влияние в северном Ираке, выпавшем из-под контроля центрального правительства. Причем если Турция в своих действиях руководствовалась необходимостью борьбы с «Рабочей партией Курдистана» (РПК), воевавшей против турецкого правительства с территории Ирака, и потребностью в поставках иракской нефти, то мотивы Ирана были прежде всего связаны с конкуренцией за господство в регионе. В силу естественных причин каждая из сторон установила более тесные отношения с той из ведущих партий иракских курдов, зона влияния и базирования которой располагалась в приграничных с ней районах Ирака. То есть Турция преимущественно сотрудничала с Демократической партией Курдистана (ДПК), а Иран с Патриотическим союзом Курдистана (ПСК), при этом конфликты и вооруженные столкновения между двумя курдскими партиями только закрепляли такое положение вещей.

Выборы в Национальный парламент Курдистана, состоявшиеся в северном Ираке, и формирование парламента, в 1992 г. провозгласившего своей целью создание в Ираке федерации, вызвали негативную реакцию Турции и Ирана, подписавших ряд протоколов по вопросам безопасности. В соответствии с соглашением, достигнутым 30 ноября 1993 г., в круг мер по поддержанию безопасности входило проведение раз в полгода совещаний министров иностранных дел Турции, Ирана и Сирии по курдскому вопросу¹.

Министры уже встречались в Анкаре в ноябре 1992 г. для обсуждения событий в северном Ираке и согласования политики в отношении националистического движения курдов на Ближнем Востоке. На этой встрече все три государства выступили против распада Ирака и против создания суверенного Курдистана, что вызвало возмущение иракских курдов². Солидарная позиция по данному вопросу была характерной чертой турецко-иранских отношений и в последующий период.

В 90-е годы самые серьезные разногласия между двумя странами наблюдались в связи с проведенными Турцией в северном Ираке с 1992 по 1997 гг. крупномасштабными военны-

ми операциями по борьбе с боевиками РПК. Действия турецкой армии неизменно подвергались критике со стороны иранского руководства, опасавшегося, что Турция приобретет слишком большое влияние в северном Ираке. Иран пытался противодействовать этому, увеличивая собственное присутствие в регионе через поддержку исламистских курдских организаций северного Ирака и упоминавшегося сотрудничества с ПСК, имели место и военные акции. Так, в ноябре 1995 г. иранская армия вошла в северный Ирак под предлогом обеспечения перемирия между воевавшими курдами. А летом 1996 г. Иран принял военную операцию против партизан Демократической партии иранского Курдистана, создавших базы в северном Ираке, при этом иранская армия вторглась вглубь территории Ирака на 50 км³.

В свою очередь Турция с подозрением наблюдала за ростом политического и экономического влияния Ирана в иракском Курдистане, особенно в районах, подконтрольных ПСК, где была создана приграничная зона свободной торговли. Таким образом, ПСК (конфликтовавший с ДПК из-за распределения доходов от торговли с Турцией, которое держала в руках ДПК) получил собственный источник финансирования, что обеспечивало его ориентацию на Иран. Другим важным шагом Ирана в том же направлении стала организация путей сообщения между северным Ираком и Европой, ранее пролежавших только через территорию Турции. Закреплявший позиции Ирана в иракском Курдистане маршрут пролегал из подконтрольных ПСК районов по железной дороге до иранского города Урумия, а оттуда летали самолеты до немецкого Дюссельдорфа⁴.

Проблемы в турецко-иранских отношениях возникали также из-за лагерей РПК, расположенных на территории Ирана. В августе 1992 г. (в период активизации деятельности РПК в Турции) отряды вооруженных сил Турецкой Республики, преследовавшие боевиков РПК, вторглись на территорию Ирана на 4 км. Этот факт и последовавшее за ним заявление президента Т.Озала о том, что в случае необходимости турецкая армия повторит подобную операцию, вызвали кризис в турецко-иранских отношениях. Руководство Турции продемонстрировало решимость, направив в Иран министра внутренних дел И.Сезгина «для объяснений». Прибывший в Тегеран в сентябре 1992 г. И.Сезгин представил иранскому правительству документальные свидетельства того, что РПК базируется на тер-

ритории Ирана и располагает там каналами получения помощи⁵. Ситуация, сложившаяся к этому моменту в северном Ираке, способствовала готовности сторон найти компромисс. Турция и Иран предпочли не идти на дальнейшее обострение отношений и подписали соглашение «О безопасности и сотрудничестве», создав совместный комитет по безопасности на уровне министров внутренних дел. С конца 1992 г. Иран с целью поддержания отношений с Турцией на уровне конструктивного сотрудничества стал периодически объявлять о задержании членов РПК и выдавать некоторых из них Турции. В ответ руководство Турции выдавало иранских оппозиционеров, в предоставлении убежища которым его обвинял Иран. Тем не менее, взаимные претензии сторон относительно поддержки РПК и иранских оппозиционеров не удалось полностью свести на нет подобными шагами, «обмен обвинениями» время от времени возобновлялся на протяжении всех 90-х годов. При этом в данном случае иракский фактор играл стабилизирующую роль в развитии турецко-иранских отношений, так как общие интересы, связанные с северным Ираком, вынуждали Иран принимать во внимание обеспокоенность Турции.

В результате посетивший Иран в феврале 2001 г. министр иностранных дел Турции И.Джем на встрече с президентом М.Хатами и своим коллегой К.Харрази отметил, что «в последнее время Иран оказывает Турции содействие в борьбе с РПК», и выразил желание активизировать данное сотрудничество, наладив регулярный диалог между военными и разведывательными структурами⁶. В мае 2001 г. министр внутренних дел Турции С.Тантан провел в Тегеране переговоры со своим иранским коллегой А.Лари (в соответствии с договоренностью об организации подобных встреч раз в полгода). Темой обсуждения стала совместная политика в сфере безопасности. Несмотря на то, что С.Тантан в очередной раз приехал в Тегеран с информацией о поддержке, получаемой РПК в Иране, он положительно оценил проведенные встречи. На пресс-конференции по итогам переговоров два министра заявили о решении бороться с терроризмом сообща. «Совместные действия будут включать в себя взаимное предоставление информации, проведение одновременных и совместных операций, а также обмен наблюдателями», – пояснил С.Тантан. А.Лари в свою очередь подчеркнул, что между двумя министерствами не осталось необсужденных вопросов⁷.

Стоит еще раз отметить, что ни активный диалог на высшем уровне, ни обнадеживающие заявления руководителей обеих стран не могли окончательно исключить проблему РПК с повестки дня двусторонних переговоров, так же как озабоченность Ирана турецко-американским сотрудничеством и деятельностью иранских оппозиционеров в Турции. Взаимным недоверием в данных вопросах было заражено общественное мнение двух стран, о чем свидетельствуют следующие примеры.

В апреле 2002 г. в одной из ведущих турецких газет появилась статья под названием «Турция, Иран и РПК», автор которой, Т.Акйол, отмечал, что на территории Ирана находятся базы РПК и связанные с ней организации, а один из руководителей РПК проходит лечение в г. Урумия. По утверждению автора статьи, во властных структурах Ирана наблюдается раскол по поводу РПК. Правительство Ирана выступает за выдачу террористов Турции, стремясь к развитию двусторонних отношений и к улучшению внешнеполитического имиджа Ирана. Однако демократически избранному правительству противостоят такие влиятельные структуры, как «Стражи революции», духовные лидеры и службы безопасности, пытающиеся использовать террористов в своих интересах⁸.

В начале сентября 2002 г. иранский специалист по международным проблемам д-р Х.Ордуш в публичном выступлении по вопросам отношений Ирана с Турцией заявил, что руководство Турции делится на две группы: сторонников сближения с Ираном и тех, кто считает, что интересам Турции отвечает удаленность от него. Колебания в развитии ирано-турецких отношений связаны с переходом влияния от одной группы к другой, в то время как Иран всегда преследует одну цель: сохранение добрососедских отношений. К тому же некоторые дружественные Турции страны относятся к противникам Ирана и оказывают негативное влияние на ирано-турецкие отношения⁹.

Вместе с тем 2002 г. стал началом нового этапа сближения Турции и Ирана, причиной которого послужило намерение США напасть на Ирак после завершения военной кампании в Афганистане. Руководство обеих стран негативно относилось к планам Америки, выступая категорически против создания независимого Курдистана, которое могло стать последствием военного вмешательства в Ирак. Аналитики в разных странах прогнозировали возможность распада Ирака на три части: шиитскую, суннитскую и курдскую, что воспринималось соседями Ирака

как угроза дестабилизации региона. При этом каждая из стран имела еще дополнительные основания для тревоги: Турции предстояли тяжелые переговоры со своим давним стратегическим союзником – США, ждавшими от нее поддержки, а Иран опасался стать следующей мишенью американцев, поэтому несмотря на антагонизм с режимом С.Хусейна, ничуть не желал, чтобы его режим свергли США и заменили на прозападное правительство. К тому же крупнейшие месторождения иранской нефти и газа и основные нефтегазоносные экспортные терминалы расположены недалеко от ирано-иракской границы, что усиливало беспокойство Ирана, связанное с возможной военной операцией США.

В августе 2002 г. состоялся визит министра иностранных дел Турции Ш.Гюреля в Тегеран. Одной из важнейших тем на повестке дня переговоров были события вокруг Ирака и проблема сохранения его территориальной целостности. Стороны отметили совпадение взглядов по данному вопросу и подчеркнули неприемлемость каких-либо территориальных изменений на карте региона.

В октябре 2002 г. президент Ирана М.Хатами встретился с президентом Турции А.Сезером в Стамбуле на совещании Организации экономического сотрудничества. Главы двух государств воспользовались случаем, чтобы выразить общность взглядов на иракскую проблему, подчеркнуть необходимость поиска мирного решения и сохранения территориальной целостности страны, а также недопустимость создания независимого государства курдов, способного вызвать сепаратистские настроения среди курдского населения Ирана и Турции.

Несмотря на общую позицию двух стран по вопросу территориальной целостности Ирака, Иран не мог не опасаться, что в случае реализации худшего сценария (отделения северного Ирака от остальной страны) Турция пойдет на крайние меры и оккупирует Мосул. И тогда ко всем перечисленным отрицательным последствиям войны в Ираке добавится нежелательное для Ирана усиление региональных позиций Турции.

Парламентские выборы в Турции в ноябре 2002 г., приведшие к власти Партию справедливости и развития, не изменили вектора развития турецко-иранских отношений и подхода к ситуации в регионе. 30 ноября 2002 г. состоялся телефонный разговор первого вице-президента Ирана М.Арефа с новым премьер-министром Турции А.Гюлем, в ходе которого стороны

заявили о намерении продолжать всестороннее развитие отношений и выразили заинтересованность в проведении консультаций, играющих важную роль в укреплении региональной безопасности в нынешних сложных условиях¹⁰.

По мере того, как решимость США начать войну в Ираке становилась все более очевидной, активизировались усилия турецкой дипломатии, направленные на консолидацию с соседями по региону. В начале января 2003 г. премьер-министр Турции А.Гюль совершил поездку по странам Ближнего Востока с целью обсуждения ситуации вокруг Ирака. 12 января А.Гюль прибыл в Тегеран, где встретился с президентом М.Хатами. В условиях углублявшегося кризиса достижение взаимопонимания с Ираном приобрело для Турции особую актуальность, тем более, что незадолго до А.Гюля в Тегеран приезжали М.Барзани и Д.Талабани, стремившиеся убедить иранское руководство в том, что они не ставят своей целью раскол Ирака, и заручиться нейтралитетом Ирана в отношении попыток курдов захватить Мосул и Киркук, против чего выступала Турция. Иран не хотел распада Ирака и образования независимого Курдистана, тем не менее он не относился к перспективе полного перехода Мосула в руки курдов столь же болезненно, как Турция. Помимо этого, Тегеран по-прежнему беспокоили опасения, что Турция сама имеет притязания на Мосул и Киркук и может попытаться реализовать их, поэтому Иран не собирался отказываться от сотрудничества с иракскими курдами. К тому же в Турции звучали голоса, призывавшие в случае кризиса ввести турецкие войска в северный Ирак для установления контроля над ситуацией.

На встрече с премьер-министром Турции М.Хатами высказался за необходимость проведения консультаций и согласился на участие Ирана в саммите министров иностранных дел шести ближневосточных государств, который состоялся 23 января в Стамбуле по инициативе Турции. Саммит был организован с целью поиска путей мирного разрешения иракского кризиса, однако его итогом стал лишь очередной призыв к руководству Ирака выполнять резолюции ООН и сотрудничать с инспекторами ООН, чтобы не дать повода к началу боевых действий.

И все же руководство Ирана положительно оценило проведенную встречу, отдавая должное инициативе Турции. Накануне войны в Ираке иранское правительство стало проявлять повышенную заинтересованность в сближении с Турцией, которое могло продемонстрировать Вашингтону, что у Ирана

прочные позиции в регионе. В конце января иранский посол в Турции Ф.Девлетабади дал интервью турецкой газете «Миллийет», в котором отметил, что в случае вторжения в Ирак США задержатся там надолго, превратившись в «нового соседа» Ирана и Турции. «Мы любим своих соседей, но только легитимных», – добавил посол. Адресованным США можно считать и заявление Ф.Девлетабади о том, что дальнейшее сотрудничество Ирана и Турции, включая военное, будет ядром обеспечения безопасности и стабильности в регионе¹¹.

В последующий период представители руководства двух стран неоднократно заявляли о наличии у них общей позиции по поводу сохранения территориальной целостности Ирака и укрепления двустороннего сотрудничества. Начало военной операции США в Ираке только усилило взаимное тяготение Турции и Ирана. Турция, не позволившая США открыть второй фронт, воспользовавшись ее территорией, переживала кризис в отношениях со своим заокеанским союзником и испытывала потребность в укреплении региональных позиций. Иран стремился к тому же, чтобы предотвратить возможность повторения иракского сценария в применении к себе.

Заявление министра иностранных дел Ирана К.Харрази, переданное по турецкому телевидению накануне войны, свидетельствует о том, насколько значимо для Ирана было сотрудничество с Турцией в тот момент. Отметив необходимость выработать общую тактику и поддерживать постоянные контакты, К.Харрази подчеркнул, что «Иран не согласен с вводом турецких войск в населенные курдами приграничные районы Ирака, однако с пониманием относится к соображениям, исходя из которых Турция намеревается предпринять подобный шаг»¹². Очевидно, что ради сохранения согласия с Турцией по важнейшим вопросам руководство Ирана готово было пойти на некоторые уступки.

А в Турции, общественное мнение которой не так давно осуждало Иран за поддержку РПК, после американской интервенции в Ирак распространились совсем другие настроения. «Америка наш стратегический партнер, и мы хотим вступить в ЕС... Но успех Турции на этих направлениях зависит от прочных отношений с Ираном и Ближним Востоком», – писали турецкие газеты¹³.

Сближение Турции и Ирана никак не устраивало Вашингтон, предпочитавший видеть Иран в изоляции, а Турцию в роли

своего послушного вассала. Кроме того, США тревожило влияние шиитского Ирана на арабов-шиитов, составляющих крупнейшую группу населения в оккупированном Ираке. По этой причине, а также дабы посеять раздор между Турцией и Ираном, представители США заговорили о том, что светская прозападная Турция может стать «моделью» для постсаддамовского Ирака и принять активное участие в его переустройстве. Осенью 2003 г. предложение США включить турецкие войска в состав международного миротворческого контингента в Ираке вызвало беспокойство иракских шиитов, обратившихся к Ирану с просьбой о покровительстве, утверждая, что правительство Турции поддерживает суннитов, поэтому присутствие турецкой армии нарушит равновесие между шиитами и суннитами.

Поскольку Турция так и не отправила своих солдат в Ирак, турецко-иранские отношения избежали кризиса, который мог бы в них произойти в результате соперничества за региональное влияние. К тому же нестабильная обстановка в соседнем Ираке служила для обеих стран стимулом к сохранению единства перед лицом общей проблемы. Турция, стремившаяся к нормализации отношений с США, тем не менее осознавала, что в отношении Ирака у нее больше общих интересов с Ираном, чем с Соединенными Штатами, действия которых часто возбуждали подозрения в «двойной игре».

В ходе затянувшегося процесса определения основ послевоенного устройства Ирака руководители Турции и Ирана неоднократно выражали негативное отношение к идее федерализма, предполагающей, что северный Ирак станет курдским субъектом федерации, а также высказывались за необходимость скорейшего вывода из Ирака иностранных войск и предоставление иракскому народу права самому определять свою судьбу.

Стоит отметить, что турецко-иранское сближение, причиной которого послужили события вокруг Ирака, не ограничилось совместными политическими декларациями, но нашло отражение и в других областях сотрудничества. В 2003 г. объем товарооборота двух стран вырос на пятьдесят процентов и продолжал увеличиваться в 2004 и 2005 годах. Взаимное снижение таможенных пошлин способствовало развитию приграничной торговли, а в турецком приграничном поселке Капыкей был создан совместный турецко-иранский центр беспошлинной торговли. В мае 2004 г. Турция и Иран подписали

соглашение по приграничным вопросам, предусматривавшее совместные меры по охране границы и регулярные консультации погранслужб. Для Турции данное соглашение представляло особую важность с точки зрения предотвращения перехода границы боевиками РПК. В июле 2004 г. Турция и Иран договорились об осуществлении транзита иранского газа в Европу через территорию Турции, несмотря на предупреждения Вашингтона о нежелательности сотрудничества с Ираном в энергетической сфере и угрозы сокращения торгово-экономического оборота с американскими компаниями. В том же году получили детальную проработку проекты турецко-иранского консорциума сотовой связи и открытия новой железной дороги по маршруту Стамбул-Тегеран для пассажирских и транзитных перевозок. К удовлетворению Турции в 2004 г. Иран объявил о своем намерении бороться с боевиками «Конгра-Гель» (новое название РПК).

Заслуживает внимания, что позитивная динамика в развитии турецко-иранских отношений приходится на тот период, когда США усилили давление на международное сообщество с целью изоляции Ирана, обвиняя его руководство в разработке ядерного оружия. В этой ситуации подход Турции к развитию связей с Ираном, с одной стороны, свидетельствует о ее решимости проводить региональную политику, руководствуясь собственными интересами, а с другой стороны, демонстрирует небывалый уровень сближения с Ираном, достигнутый под влиянием иракского кризиса 2003 г. Возможность того, что Иран превратится в ядерную державу, нежелательна для Турции и вызывает опасения очередного международного конфликта по соседству с ней, но несмотря на идеологические трения и региональное соперничество, при современном состоянии турецко-иранских отношений Турция не может рассматривать ядерный Иран в качестве непосредственной угрозы и заявляет, что не позволит США использовать свою территорию против Ирана.

Ход событий в послевоенном Ираке дает все основания полагать, что заинтересованность Турции и Ирана в согласовании своих позиций сохранится и даже усилится. Избрание президентом Ирака лидера ПСК Д.Талабани создало новую ситуацию в турецко-иракских и ирано-иракских отношениях. Турция прежде всего озабочена тем, что идея курдского сепаратизма может выйти на более высокий уровень. А Иран ста-

рается в полной мере воспользоваться внезапно открывшейся возможностью наладить торгово-экономические связи с Ираком и даже предоставил ему безвозмездный кредит в размере 10 млн. долларов.

В свою очередь президент Ирака демонстрирует стремление к поддержанию дружественных отношений с обоими соседями. Посетив в ноябре 2005 г. Иран с официальным визитом, Д.Талабани не ограничился обсуждением проектов сотрудничества, но поднял вопрос о борьбе с терроризмом в Ираке и выразил надежду на помощь Ирана. Очевидно, что для правительства Д.Талабани влияние, которое Иран способен оказать на иракских шиитов, придает дополнительную ценность возможности развития ирано-иракских отношений. Одновременно можно предположить намерение «обезвредить» Иран, официально включив его в процессы урегулирования в Ираке.

Что касается Турции, то жестом доброй воли со стороны Д.Талабани служат заявления, осуждающие деятельность РПК как наносящую вред интересам курдского народа. «Война против турецкого правительства выгодна тем, кто не желает демократического решения курдского вопроса в Турции», – отметил Д.Талабани в ходе визита в Вену¹⁴. После беспорядков и волнений, прокатившихся в 2005 г. по курдским районам Турции и Ирана, предложения иракского руководства о сотрудничестве в сфере безопасности встречают заинтересованный отклик в Анкаре и Тегеране.

Наряду с этим Д.Талабани делает заявления, призванные рассеять подозрения Турции и Ирана, касающиеся подготовки иракских курдов к провозглашению независимости. Однако успокаивающим словам иракского президента противоречат реалии обстановки на севере Ирака, где де-факто существует курдское государство, пост руководителя которого занимает лидер ДПК М.Барзани. По сути дела и Турция, и Иран смирились с федеративным устройством Ирака, против которого резко выступали раньше. Между тем М.Барзани не скрывает, что целью курдов является независимое государство, включающее части территории Турции, Ирана и Сирии. При этом иракские курды прилагают усилия к налаживанию экономических и культурных связей со своими единоплеменниками в юго-восточных районах Турции. По этой причине озабоченные происходящим турецкие политологи призывают правительство пересмотреть политику в отношении Ирака и отказаться от поддержки

М.Барзани, которую ему всегда оказывали, надеясь на его помощь в борьбе с РПК.

При внимательном рассмотрении в высказываниях президента Д.Талабани об отсутствии намерения создавать Курдистан можно увидеть объяснение стремлению нового правительства интенсифицировать сотрудничество с Турцией и Ираном: «Только представьте, что произойдет, если иракский Курдистан объявит о независимости. Наши соседи сразу закроют свои границы. Как мы сможем существовать в такой обстановке? Страны Ближнего Востока против независимости Курдистана. Мы не сможем воевать со всеми одновременно»¹⁵. Нельзя исключать, что форсированное развитие взаимосвязей с Турцией и Ираном является лишь частью стратегического плана, предполагающего, что чем прочнее эти страны будут привязаны к Ираку, тем сложнее для них окажется решиться на закрытие границ, а тем более, на боевые действия в случае отделения Курдистана от Ирака. При этом тесное сотрудничество иракских курдов с США во время войны в Ираке и в ходе послевоенного урегулирования наводит на мысль о причастности Белого Дома к любому сценарию, реализуемому правительством Д.Талабани.

Иракский фактор играл значительную роль в развитии турецко-иранских отношений, начиная с войны в Персидском заливе, под его влиянием сотрудничество Турции и Ирана получило особенно заметный импульс в последние годы. В подходе обеих стран к проблеме Ирака по-прежнему переплетаются внутривосточные (нерешенность собственного курдского вопроса, потребность в экономическом развитии) и внешнеполитические составляющие (отношения с США, баланс сил в регионе, положение на международной арене). Диалог по всему комплексу направлений объективно отвечает интересам Турции и Ирана. Поэтому можно предположить, что сложная обстановка в Ираке и неоднозначность прогнозов о будущем этой страны будут способствовать дальнейшему сближению Турецкой Республики с Ираном.

¹ Erkmen S. Türkiye'nin Körfez savaşı sonrası Kuzey Irak politikası. ASAM «Irak Krizi (2002–2003)». Ankara, 2003, с. 287–288.

² Kıran A. Türkiye'nin Kuzey Irak politikası // Birikim, İstanbul, Ağustos, 2001, с. 95.

³ <http://www.curds-cr.narod.ru/page 6.html>

⁴ Erkmen S. Türkiye'nin Körfez savaşı sonrası Kuzey Irak politikası. ASAM «Irak Krizi (2002–2003)». Ankara, 2003, с. 289.

⁵ Oran B. Türk Dış Politikası, cilt 2, İstanbul, 2003, с. 583.

⁶ Radikal, 13.02.2001.

⁷ Radikal, 10.05.2001.

⁸ Milliyet, 05.04.2002.

⁹ <http://www.iran.ru> 06.09.2002.

¹⁰ <http://www.iran.ru> 02.12.2002.

¹¹ Milliyet, 30.01.2003.

¹² <http://www.iran.ru> 19.03.2003.

¹³ Milliyet, 07.04.2003.

¹⁴ Milliyet, 20.11.2005.

¹⁵ Там же.

Р.Р.Сикоев

ЧЕТЫРЕ УСЛОВИЯ «АФГАНСКОГО ДОГОВОРА» В КОНТЕКСТЕ ИСТОРИИ АФГАНИСТАНА

Наиболее выдающимся событием последнего времени, связанным с Афганистаном, несомненно, следует считать международную конференцию по Афганистану, состоявшуюся в Лондоне в начале этого года.

Представители 70 государств, собравшиеся в Лондоне, руководствуясь стремлением помочь этой стране в решении актуальных социально-экономических и военно-политических проблем, приняли программу под названием «Афганский договор» (Afghanistan Compact). Этот договор намечает план развития Афганистана на ближайшие 5 лет и выделение правительству Х.Карзая десятимиллиардной финансовой помощи. При этом предусмотрено целевое финансирование 4 главных национальных проектов. Во-первых, это борьба с коррупцией; во-вторых, – противодействие наркобизнесу; в третьих – снижение уровня бедности населения; и, наконец – разоружение полевых командиров (war lords) и создание национальной армии.

Задачи для афганского общества, страдающего от нерешенности этих проблем, действительно жизненно важны, но насколько реальны шансы правительства справиться с ними, даже при финансовой и военной поддержке США и Европы, на наш взгляд, взвесить весьма проблематично.

Чтобы оценить перспективы их решения, было бы полезно обратиться к истории Афганистана.

Борьба с коррупцией. Попытки покончить с этим злом, глубоко укоренившимся в афганском обществе, предпринимались не раз. Напомним некоторые факты. Особенно жесткую борьбу с взяточничеством и подкупом развернул король-реформатор Аманулла-хан (1919–1929). В годы его правления официальная газета «Амани афган» сравнивала взяточничество с «болезнетворными микробами», разлагающими организм человека, и назвала привычку брать взятки «наигнуснейшим пре-

ступлением». Газета сообщала о разоблачении ряда чиновников министерства финансов, уличенных во взяточничестве и приговоренных к длительным срокам тюремного заключения¹.

Вопрос о борьбе с взяточничеством и подкупом должностных лиц был даже вынесен на специальное заседание парламента. Сам король, выступая в парламенте, предложил завести особую «книгу регистрации», в которой бы фиксировалось финансовое и имущественное положение чиновника до поступления на госслужбу и после ухода с нее.

Предлагалось также проводить периодические ревизии и в случае обнаружения нетрудовых доходов конфисковать имущество чиновников, а их самих строго наказывать².

Король Надир-Шах, пришедший к власти в 1929 г. после свержения мятежника Бачаи Сакао, несколько месяцев правившего страной под именем Хабибуллы-хана Гази, в своем первом декрете объявил, что «основной причиной только что закончившейся революции и гибели 150-летней афганской монархии было единственно взяточничество». «Грязный этот порок, – говорилось далее в декрете, – ввергает в огненную геену и дающего и берущего»³.

Правительственная газета «Ислах» тогда же сообщала о наказании некоторых чиновников, уличенных во взяточничестве. Так, некий Абдул Гаффар был приговорен к 2 месяцам тюремного заключения и «позорному вождению по кабульским базарам»⁴.

Казалось, переломный этап в борьбе с коррупцией наступил с приходом к власти в 1978 г. Народно-демократической партии Афганистана (НДПА), которая в своей программе (март 1982) поставила задачу по искоренению таких «пережитков прошлого, как взяточничество, казнокрадство, бюрократизм, кумовство и произвол». Однако не прошло и года, как руководители НДПА были вынуждены признать, что использование служебного положения в целях личной наживы, выражающееся в различных видах коррупции, как и прежде, имеет распространение в госаппарате⁵.

Гражданская война в Афганистане только усилила этот порок. С победой муджахедов и падением в 1992 г. режима НДПА страна погрузилась в анархию, оказалась расколотой на множество «удельных княжеств», где полевые командиры правили по собственным понятиям, а не по закону: процветали поборы, насилие, грабежи, разбой и коррупция. В этих условиях

появление в стране талибов, провозгласивших борьбу с произволом и обещавших очистить Афганистан «от скверны», было встречено большинством населения с энтузиазмом. Талибы приговаривали самых одиозных коррупционеров к смертной казни, а затем выставили их тела на всеобщее обозрение, в знак позора вставляя им в рот денежные купюры⁶.

После усилий Амануллы-хана прошло почти 80 лет, останки иных бывших монархов-борцов со взяточничеством давно превратились в прах, рухнула власть талибов, а этот порок по-прежнему жив и процветает в афганском обществе, о чем свидетельствуют новые попытки его искоренения, зафиксированные в «Афганском договоре».

Борьба с коррупцией и сегодня остается одной из острых проблем социальной жизни афганского общества. О ней много говорилось в ходе предвыборных кампаний, как президентских, так и парламентских. И все кандидаты обещали бороться с этим злом. Так, один из бывших претендентов на президентский пост Юнус Кануни – ныне председатель нижней палаты парламента – в своей предвыборной программе, в частности, заявил: «Мы приложим все усилия в борьбе со взяточничеством, растратами государственных средств, воровством и другими проявлениями недобросовестных отношений в административной сфере»⁷.

Не случайно президент Х.Карзай просил страны-доноры адресовать выделяемые его стране деньги непосредственно правительству, которое брало на себя ответственность за их целевое расходование. Понимая, что соблазн слишком велик и чиновники, как иностранные, так и местные, могут поддаться искушению использовать средства в корыстных целях, Х.Карзай потребовал также «остановить коррумпированные и никому не подотчетные неправительственные организации, занимающиеся «восстановлением страны»⁸.

Борьба с наркобизнесом. Одним из самых тяжких последствий войны стало то, что площади под пшеницей, хлопчатником, виноградниками и многими другими культурами уступили место посевам опийного мака. Производство и контрабанда наркотиков в годы войны стала основным источником дохода для всех воюющих сторон, вовлеченных в межафганский конфликт⁹.

Известно, что культура разведения опийного мака и конопли насчитывает в Афганистане не одно столетие. Наркомания

существовала в этой стране всегда, но никогда не рассматривалась обществом как социальная угроза, и декларируемые властью меры по борьбе с наркоманами – «чарси» – не перерастали в решительную кампанию, наркоманы встречались во всех слоях общества, даже в самых высших кругах.

Лариса Рейснер, посетившая Афганистан в 30-е годы прошлого столетия, описывая природу этой страны, упоминала о бескрайних «полях опийного мака» как явлении само собой разумеющемся. О толерантном, если не больше, отношении власть предержащих к наркомании свидетельствует следующий пример из истории. Эмир Хабибулла Гази в одном из своих первых выступлений перед народом говорил следующее: «Вы свободны! Можете играть в карты, курить чаре, но берегитесь! – не пейте вина. Если будете пить вино, муллы вас накажут»¹⁰.

Настоящий наркотический бум начался в годы гражданской войны, когда лидеры муджахедов, среди которых выделялся глава ИПА Г.Хекматьяр, поставили производство наркотиков на промышленную основу (Г.Хекматьяр имел собственную фабрику по производству героина). Вот как описывает становление наркопроизводства и его контрабанды Сайид Абдулла Казем, автор книги «Афганистан в чарах дьявольского круга несчастий». По его словам, в глухих и труднодоступных районах приграничной зоны между Пакистаном и Афганистаном производство героина было налажено уже к концу 1979 г. «В 1979 г., – пишет С.А.Казем, – иностранцы, в первую очередь американцы и немцы, как безумные, бросились в этот район, ввозя с собой приборы для очистки опиума ...»; «в то время, – продолжает он, – там действовала лишь одна лаборатория по очистке опиума в районе Ланди Коталя... Однако год спустя это положение изменилось, и число лабораторий достигло 22, а к 1987 г. уже действовало 60, а позже число их подскочило до 100. К 1991 г., – продолжает С.А.Казем, – в Пакистан переправлялось до 70 тонн героина, который расходился по всему миру»¹¹.

Руководство движения «Талибан» с момента своего появления не раз заявляло о своей решимости покончить с наркобизнесом. Надо отдать им должное: они действительно предприняли некоторые меры по ограничению производства наркокультур.

Талибы даже создали Высшую комиссию по борьбе с наркотиками. Эта комиссия 8 июня 1998 г. выступила с заявлением о том, что правительство приняло ряд практических мер по уменьшению посевов опийного мака и замене его на другие

сельскохозяйственные культуры в уезде Шинвар провинции Нангархар, уездах Хакриз, Гур, Майванд провинции Кандагар. Далее в заявлении сообщалось, что 1 июня 1997 г. в присутствии иностранных дипломатов, журналистов и сотрудников ООН талибы сожгли 2 тонны опиума. Однако все эти паллиативные меры не привели к кардинальному решению проблемы. Заметим, что каждый раз в ответ на критику со стороны международного сообщества руководство талибов оправдывало свою пассивность в борьбе с производителями опийного мака «заботой» о крестьянах, выращивающих это растение якобы для медицинских целей. В феврале 1997 г. тогдашний министр иностранных дел маулави Мухаммад Гаусс в интервью, опубликованном эмигрантской газетой «Аму», пытался доказать, что талибы хотят бороться с культивированием опийного мака на подвластной им территории, однако без международной помощи и финансовой компенсации крестьянам сделать это практически невозможно. Но еще в 1999 г., по данным эмигрантского журнала «Азад Афганистан», талибы продолжали взимать налог («ушр» – десятина) с посевов опийного мака в провинциях Кунар, Лагман и Нангархар. Только в одной провинции Лагман талибы получили в том году в качестве десятины 1000 кг опия¹².

Кстати, поток наркотиков из Афганистана никогда не прекращался, причем, судя по всему, занимались контрабандой обе воюющие стороны. Газета «Хамбастеги», выходящая в Душанбе и поддерживающая «Северный альянс», признавала, что «теперь зона распространения наркотиков охватывает всю территорию, подвластную талибам, и небольшие участки, подвластные Исламскому Государству Афганистан», – то есть муджахедам¹³.

Правда, в прошлом 2005 г. если верить сообщениям кабульской прессы, ссылающейся на данные ООН, посевы опийного мака в стране уменьшились на 21%, а освободившиеся площади после уничтожения посевов мака раздаются беженцам, возвращающимся в страну¹⁴.

Нынешнее правительство Х.Карзая объявило об активизации борьбы с производством и распространением наркотиков, приняв в январе 2002 г. специальный закон и потребовав от властных структур принятия мер по разъяснению крестьянству пагубных последствий производства опийного мака.

Трудно предсказать, чем окончится эта борьба, особенно в свете требований «Афганского договора», поскольку все прошлые режимы, оправдывая выращивание наркокультур, ссы-

лались на то, что в условиях войны и экономической разрухи, высокой безработицы и отсутствия других легальных источников доходов их производство фактически остается единственным средством выживания крестьян.

Действительно, выращивание опийного мака и производство героина все еще являются самыми доходными статьями афганской экономики. По сообщению еженедельника «Кабул», только за один 1995 г. из страны было экспортировано 200 тонн наркотиков.

Между тем, по данным той же газеты, лишь в одной столице Афганистана, согласно исследованиям Программы контроля за наркотиками ООН и представительства ЮНИСЕФ, по неполным данным, насчитывается 60 тыс. наркозависимых людей, употребляющих героин, гашиш, опиум, различные наркосодержащие медицинские препараты¹⁵.

Что касается попыток соответствующих международных организаций перекрыть национальные каналы контрабанды наркотиков из Афганистана через соседние страны, то, несмотря на все их усилия, решить эту задачу пока не удастся.

Радикальное предложение американцев уничтожить посевы опийного мака с помощью авиации (видимо, с помощью бомбометания или распыления дефолиантов) было отклонено президентом Х.Карзаем, который представлял себе, к какому возмущению населения это может привести. А пока смертоносный поток продолжает двигаться на запад.

Борьба с бедностью. Согласно всем довоенным (до 1979 г.) справочникам и статистическим данным, Афганистан постоянно входил в число беднейших стран, где национальный доход на душу населения был одним из самых низких в мире.

По данным ООН, к концу 70 — началу 80-х годов XX века Афганистан занимал по уровню национального дохода на душу населения 108-е место из 129 развивающихся стран. По сведениям той же организации, к 1995 г. по доходу на душу населения страна занимала уже 170-е место из 174 стран мира¹⁶.

Афганистан — аграрная страна, 9/10 населения которой проживает в сельской местности. При этом сельское хозяйство здесь всегда страдало от нехватки воды, плодородных земель, отсутствия механизированных средств их обработки и дефицита электроэнергии.

Тем не менее собственная сельскохозяйственная продукция, развитое животноводство (вместе с импортом основных

продуктов, таких как мука, жиры и т.п.) позволяли удерживать, хотя и низкий, но относительно стабильный прожиточный минимум. Попытки улучшить экономическое положение страны предпринимались не раз. Первые реальные шаги по реформированию экономики страны были предприняты в 50–60-е годы прошлого столетия при премьер-министре М.Дауде. Именно при нем были заложены основы экономической инфраструктуры как в области промышленности, так и сельского хозяйства. Бесспорно, что в это время ведущая роль в планах развития национальной экономики принадлежала технико-экономической помощи СССР, который построил в 50–70-е годы в Афганистане около 200 объектов промышленного, сельскохозяйственного и социально-культурного назначения, а главное — способствовал созданию большого числа рабочих мест и подготовке квалифицированного технического персонала.

Вернувшись к власти в 1973 г., М.Дауд продолжил свою политику «руководимой экономики». Сочетая собственные ресурсы Афганистана с широкой международной финансовой помощью, прежде всего СССР, правительству М.Дауда удалось еще больше укрепить основы экономической инфраструктуры, в частности разработать планы проведения крайне необходимых народу аграрных преобразований. По мнению российского ученого Г.П.Ежова, земельная реформа, предложенная М.Даудом, была «значительным шагом вперед»¹⁷ и могла успешно осуществиться и улучшить жизнь населения страны.

Более того, продуманная реформа М.Дауда, по мнению Г.П.Ежова, могла бы реализоваться «без особых социальных потрясений»¹⁸, что выгодно отличало ее от провалившейся «земельной реформы» 1978 г., проводившейся НДПА «революционными методами» без учета традиций и устоев жизни патриархального афганского общества.

Междоусобная война, начавшаяся после свержения М.Дауда и прихода к власти «коммунистической» НДПА, надолго похоронила планы развития экономики и подъема жизненного уровня населения. В ходе почти 25-летних боевых действий огромный ущерб был нанесен всем сферам экономической жизни общества. Особенно пострадало сельское хозяйство страны. Большие площади сельскохозяйственных угодий превратились в минные поля, оказались разрушенными оросительные каналы, исчезло много садов, виноградников и погиб-

ло значительное число домашнего скота, многие крестьяне бежали из разрушенных деревень за пределы страны.

Согласно данным ООН, только валовый сбор урожая сельскохозяйственных культур составил лишь половину от довоенного уровня¹⁹. При этом посевы пшеницы, хлопчатника, площади под виноградниками и другими продовольственными культурами все больше вытеснялись посевами мака. Таким образом, в результате гражданской войны почти все сферы национального хозяйства страны, особенно земледелие, сильно пострадали, что не могло не сказаться на росте бедности подавляющей части населения Афганистана²⁰.

После завершения военных действий против талибов за последние 4 года международное сообщество действительно оказало Афганистану значительную финансовую и техническую помощь. Восстанавливаются дороги, энергетические объекты, ирригационные сооружения, жилищный фонд, особенно городской; разминирована большая часть территории страны, в том числе и сельскохозяйственные угодья и др. Однако до того, чтобы улучшилась жизнь беднейших слоев населения, еще слишком далеко.

Между тем Афганистан – одна из стран, недра которой тают запасы ценных и стратегических ископаемых.

Это не только изумруды, рубины, алмазы, золото и серебро, но и запасы меди, железа, асбеста, олова, бериллия, лития, тантала, барита, а главное урана (например, месторождение Ханшин в Гильменде). Более того, радужные перспективы открываются в сфере использования углеводородного сырья. Судя по сообщениям западных СМИ, геологическая служба США и министерство промышленности Афганистана объявили, что прогнозируемые запасы в целом по стране составляют 3,6 млрд. баррелей нефти, а газа – 36,5 трлн. кубометров²¹. Если эти оценочные данные подтвердятся, то наибольшую выгоду от разработки этих богатств получают американцы, которые не скрывают своих интересов. Тем не менее хотелось бы надеяться, что рациональное использование всех природных богатств страны могло бы в значительной мере способствовать улучшению жизни самого афганского народа.

В заключение хотелось коснуться еще одного аспекта проблемы. Сегодня в Афганистане доминируют США и страны Запада. Они, действительно, стремятся обеспечить стабильность в этой стране, делают щедрые финансовые вливания в эконо-

мику страны. Это понятно. Ведь для США Афганистан представляет интерес в качестве геополитического и военно-стратегического плацдарма в этом регионе мира; емкого рынка для сбыта товаров и, наконец, удобного пути для транзита газовых и нефтяных потоков в Пакистан, откуда, в частности, нефть можно будет доставлять морским путем в любой район мира.

Судя по всему, США, обладая в Афганистане сильными военно-политическими и экономическими рычагами, в пылу некой эйфории пытаются отстранить Россию от участия в процессе восстановления этой страны, не учитывая того, что и Россия, традиционно сотрудничавшая с Афганистаном до трагических событий междоусобной войны, также имеет свои интересы в этой стране и регионе. Но те, кто считает, что американцы надолго останутся в Афганистане, а участие или неучастие России в афганских делах исключительно зависит от воли США и Запада, заблуждаются.

Принятие решения по этому вопросу – прерогатива суверенного Афганистана. В подкрепление сказанного, наверное, было бы нелишним обратиться к афганской истории и напомнить одну «важную особенность», традиционно свойственную внешней политике этой страны, основной закон которой был сформулирован еще эмиром (1880–1901) Абдуррахман-ханом. Он гласил следующее: «Политика Афганистана в отношении обоих соседей (Британской Индии и России. – *Р.С.*) должна быть более дружественной к наименее агрессивной из них и враждебной к державе, стремящейся пройти через страну или посягнуть на ее независимость. Сам Афганистан своими действиями не должен провоцировать ни одну из соседних держав, ни под каким предлогом не допуская их к вступлению на свою территорию; какие бы они ни давали обещания в договорах»²².

Этим принципом всегда руководствовались последующие афганские правители. Так, его внук король Аманулла-хан после 1922 г. в основу своего внешнеполитического курса положил принцип «позитивного нейтралитета», что позволило ему улучшить свои отношения как с Британской Индией, так и с СССР²³. Этой же политикой балансирования между сверхдержавами руководствовались бывший король М.Захир-Шах и его премьер-министр, а впоследствии и президент Республики Афганистан М. Дауд, про которого говорили, что ему удастся «зажигать американские сигареты русскими спичками».

Наглядный тому пример. Как только в 50–60-е годы американцы начали строительство автомагистрали Кабул-Кандагар-Спинбулдак и аэродрома в Кандагаре, Советский Союз был приглашен начать строительство дороги Кушка-Кандагар-Герат и аэродрома в Шинданде.

Но как только этот принцип политического балансирования нарушался в пользу какой-то одной из иностранных держав, как это случалось в годы правления шаха Шуджи или режима НДПА, такой сдвиг приводил к недовольству народных масс, выливавшемуся в вооруженное сопротивление режиму и его иностранным союзникам.

Как нам представляется, в афганском руководстве зреет понимание того, что ориентирование только на одну силу контрпродуктивно. Симптомы такого осознания, на наш взгляд, уже проявляются. В феврале этого года в Москве состоялась научно-практическая конференция: «Россия и Афганистан: прошлое и настоящее, совместный поиск путей восстановления добрососедских отношений на благо народов двух стран и укрепления международного правопорядка как в Центральной Азии, так и в мире в целом», на которой присутствовал официальный представитель Афганистана, министр-советник по делам культуры при президенте страны Залмай Хивадмаль, а также участвовали представители посольства Республики Афганистан. На конференции вполне определенно прозвучало: Афганистан совсем не против участия России в восстановлении страны после окончательного урегулирования финансовых проблем, существующих ныне между двумя государствами.

Создание национальной армии. Согласно «Афганскому договору», численность национальной армии Афганистана к концу 2007 г. должна составить 70 тыс. человек.

Создание современной армии, преданной центральному правительству, – вопрос жизненно важный для него, поскольку без такой вооруженной силы оно не может контролировать провинции страны, где все еще продолжают хозяйничать полковые командиры, особо не прислушивающиеся к приказам из Кабула.

Так, несмотря на указы президента Х.Карзая и требования статьи 35 Конституции, запрещающие нынешним политическим партиям иметь собственные воинские подразделения, бывшие военно-политические группировки моджахедов, ныне выступающие в роли политических партий, продолжают игнориро-

вать эти требования. Не соблюдаются нормы ст. 15 Конституции и ст. 12 Закона о политических партиях, запрещающих членам любых партий занимать командные посты в армии и правоохранительных органах. Как отмечала столичная газета «Армане мелли», по-прежнему все ключевые позиции в указанных структурах находятся в руках членов политических партий, в основном моджахедских группировок.

И, конечно, без сильной современной армии правительство не может успешно бороться с движением «Талибан», ведущим партизанскую войну. Нынешняя армия, насчитывающая около 20 тыс. солдат и офицеров, не может справиться с этими задачами в силу целого ряда причин, одной из которых является дезертирство, вызванное, по мнению кабульской газеты «Джомхурият», этнической дискриминацией, малым денежным довольствием, слабой дисциплиной, трудностями с военным обучением новобранцев, плохими условиями жизни их семей и т.п.

Напомним, что в первое время после разгрома талибов костяк армии составили воинские части «Северного альянса», где преобладали этнические таджики. В этот период командный состав армии, начиная от командующего маршала Фахима и кончая командирами частей, был почти полностью представлен таджиками, что естественно вызвало недовольство пуштунов, из которых при прежних режимах в основном и формировалась регулярная армия. Известный российский историк И.М.Рейснер отмечал, что пуштунские племена, особенно «близкие эмирскому роду», становились «ядром регулярной армии»²⁴.

Чтобы оценить перспективы выполнения требований «Афганского договора», нелишне напомнить некоторые факты из истории создания афганской армии. За последние два столетия (XIX–XX) афганская армия не участвовала в боевых действиях вне пределов своей страны. Давно стали достоянием истории завоевательные походы афганцев под командованием Захируддина Мухаммада Бабура – основателя династии Великих Моголов; Ахмад-шаха Дуррани – создателя афганского государства.

Афганские вооруженные силы в основном использовались правителями в качестве полицейской силы для усмирения мятежных племен, периодически восстававших против Кабула. Не особенно эффективной оказывалась роль регулярной армии в отражении иностранной агрессии.

Подлинной ударной силой всегда были племенные ополчения лашкары. По оценкам российских ученых, в военное время только пуштунские племена могли выставить до 500 тыс. бойцов.

Разрозненные и часто враждовавшие между собой пуштунские племена, равно как и кланы этнических таджиков, хазарейцев, узбеков и др. перед угрозой иностранной агрессии объединялись и под знаменем «джихада» успешно сражались против иностранного военного вмешательства, о чем свидетельствует опыт трех англо-афганских войн и борьбы с советской армией.

Как нам представляется, цифра в 70 тыс., скорее всего, была определена, исходя из исторического опыта строительства армии в Афганистане. Именно такой по своему количественному составу была первая регулярная армия, созданная эмиром Абдурахман-ханом.

Этот «железный» эмир, впервые основавший единое афганское государство, большое внимание уделял организации сильной, боеспособной армии. В наказе своим наследникам, основные положения которого, на наш взгляд, сохранили свою актуальность и сегодня, содержались, например, такие положения: афганская армия должна быть вооружена лучшим оружием; 1 млн. бойцов достаточен, чтобы защитить страну от любой иностранной агрессии; армия не должна пополняться путем обязательной повинности (по информации И.М.Рейснера, при Абдурахмане армия все-таки комплектовалась «путем обязательного рекрутного набора», хотя некоторые рекруты «могли откупаться»); жалование военным следует выплачивать из госказны регулярно²⁵.

Особенно примечательны следующие наставления эмира: не следует прибегать к услугам иностранных военных специалистов, так как это может привести к тому, что «солдаты будут обучены служить чужим интересам»; не следует посылать офицеров для изучения военного дела в Европу, ибо там они «могут быть легко восстановлены против своего правительства и своей страны теми народами, среди которых они будут жить»²⁶.

Завет Абдурахман-хана не был воспринят потомками. Афганская армия не раз реформировалась с помощью иностранных специалистов (турецких, немецких, советских), а большая часть офицерского корпуса получала высшее образование

за рубежами страны (к чему это привело можно было наблюдать в апреле 1973 г., а затем и в 1978 г., когда костяк заговорщиков, свергнувших короля Захир-шаха, а затем и президента М.Дауда, составили офицеры, в прошлом обучавшиеся в СССР).

Ныне заботу о создании новой афганской армии взяли на себя США и НАТО: американские и натовские инструкторы обучают солдат и офицеров, выделяют большие средства на содержание армии и полиции, поскольку афганское правительство само не располагает необходимыми средствами. Но, ведь история еще не знала прецедента, когда бы армия какого-то государства существовала исключительно за счет иностранной помощи!

Конечно, возможно создать за 5 лет боеспособную национальную армию, можно нанести серьезный удар по производству наркотиков и их контрабанде, реально, в конце концов, если не победить бедность, то хотя бы несколько улучшить условия жизни народа, но победить коррупцию?! Насколько нам известно, история человечества еще не знает положительного опыта окончательного решения этой проблемы.

¹ Бюллетень прессы Среднего Востока (БПСВ). Ташкент, 1928, книги 6–7, с. 164–165.

² Там же, с. 152–153.

³ БПСВ, № 6–7 (14–15), Ташкент, 1930, с. 89.

⁴ Там же.

⁵ Актуальные проблемы афганской революции. М., 1984, с. 364–365.

⁶ Давыдов А.Д. Движение «Талибан» и проблемы достижения мира // Афганистан: проблемы войны и мира. М., 1996, с. 160.

⁷ Анис, 12.09.2004.

⁸ Коммерсант, 05.04.2005.

⁹ Подробнее см.: Арунова М.Р. Война и наркобизнес // Афганистан: война и проблемы мира. М., 1998, с. 31–38.

¹⁰ Азад Афганистан, 1999, № 10, с. 50.

¹¹ Казем С.А. Афганистан в чарах дьявольского круга несчастий (Афганистан дар телесме даирейе шейтанийе мосибат). Пешавар, 1997, с. 47.

¹² Сикоев Р.Р. Талибы. М., 2004, с. 140.

¹³ Там же, с. 140.

¹⁴ Иктидаре мелли, 05.09.2005.

¹⁵ Кабул, 02.08.2004.

¹⁶ Афганистан: Справочник. М., 2000, с. 126–127.

¹⁷ Ежов Г.П. Реализация реформаторских идей М.Дауда 50–60-х гг. // Афганистан: проблемы войны и мира. М., 1996, с. 14.

¹⁸ Там же, с. 14.

¹⁹ Афганистан: Справочник. М., 2000, с. 139.

²⁰ Подробнее о последствиях войны см.: Давыдов А.Д. Война и проблемы восстановления экономики Афганистана // Афганистан: проблемы войны и мира. М., 2000, с. 49–63.

²¹ <http://afghanistan.ru> (18.03.2006).

²² Рейснер И.М. Независимый Афганистан. М., 1929, с. 63.

²³ Gregorian The Emergency of Modern Afghanistan. Stanford University Press, Stanford, 1969, с. 395.

²⁴ Рейснер И.М. Независимый Афганистан, с. 77.

²⁵ Там же, с. 89.

²⁶ Автобиография Абдурахман-хана «Эмира Афганистана», т. II. С.-Петербург, 1901, с. 252–260.

О.Г.Тяпышев

О СПЕЦИФИЧЕСКИХ ТЕНДЕНЦИЯХ В ЭКОНОМИКЕ АФГАНИСТАНА НА ВОССТАНОВИТЕЛЬНОМ ЭТАПЕ

Основными задачами, стоящими перед экономикой Афганистана на современном этапе, являются восстановление разрушенной в период боевых действий инфраструктуры и осуществление перехода от «военной экономики», базирующейся на производстве и сбыте наркотиков, нелегальных операциях с оружием и контрабанде, к нормальной системе хозяйствования. Нестабильность в ряде провинций в сфере безопасности негативно сказывается на доставке и распределении гуманитарной помощи, серьезные проблемы связаны с недостаточным финансированием восстановительных работ. Тем не менее международное сообщество и особенно соседи Афганистана по региону заинтересованы в продолжении активной поддержки этого государства, так как в противном случае оно может превратиться в «наркомафиозное», представляющее угрозу для развития этой взрывоопасной части мира. Одновременно доноры стремятся не допустить трансформации Афганистана в «иждивенческое» государство, тем более в условиях острой потребности спонсирования ими ряда других стран.

Тем не менее на современном этапе можно говорить о заметной нормализации внутривнутриполитической обстановки в Афганистане и результативности осуществления там восстановительных проектов. По оценкам МВФ, ВВП этой страны в 2002–2004 гг. вырос на 22,5% (без учета производства сырья для получения наркотиков), а в 2004/05 фин. г. – на 7,5%. Весьма внушительным выглядит и прогноз на 2005/06 фин. г. – 14%. Значительный экономический рост в прошлом году во многом связан с хорошими погодными-климатическими условиями (прежде всего с высоким уровнем выпавших осадков), что позволило существенно увеличить отдачу сельскохозяйственного производства, от которого напрямую зависят 80% жителей этой страны.

Позитивные тенденции наметились в динамике ВВП в расчете на душу населения: в 2001–2005 гг. этот показатель непрерывно рос – со 122 до 284 долл. и в текущем году, скорее всего, достигнет 350 долл. Планируется ежегодно сокращать численность бедняков (т.е. лиц, живущих менее чем на 1 долл. в день) на 3% и нуждающихся в продовольственной помощи – на 5%.

С мая 2003 г. по май 2005 г. объем новых инвестиций составил 1,3 млрд. долл. (без учета вложений в телекоммуникационные услуги). Капиталовложения достигают 22% ВВП, что оценивается МВФ как достаточно высокий показатель. В то же время инвестиции представлены преимущественно государственными капиталовложениями, для которых основным источником служит иностранная помощь. Резкая активизация инвестиционной деятельности объясняется низким стартовым уровнем, прекращением военных действий, а в последнее время – благоприятными погодными условиями. Среди крупных инвестиционных проектов следует назвать сооружение на окраине Кабула фабрики «Coca-Cola» с автономной установкой по очистке воды. Достаточно большие вложения осуществлены также «Baghlan Sugar» и компаниями в сфере связи. Инвестиции из-за рубежа помогли восстановить текстильную фабрику в окрестностях Кабула, оснащенную прядильными машинами, импортированными из Германии. Начали свою деятельность в Афганистане (с вложением определенных средств) «Siemens», «Standard Chartered Bank» и некоторые другие известные фирмы и банки.

Более 75 предприятий в стране классифицируются как государственные, на них трудится персонал общей численностью 18 тыс. человек. Активы в основном представлены в форме земельных участков. Государство имеет долевое участие и в других предприятиях, которые в соответствии с афганским законодательством не рассматриваются в качестве государственных. В отличие от многих развивающихся стран госпредприятия не создают особых проблем для национального бюджета и не претендуют на значительные по объему банковские кредиты. Такая специфика объясняется простым этих объектов или низкой степенью использования имеющихся мощностей. Правительству до сих пор удавалось ограничивать запросы госпредприятий на бюджетные средства, поэтому этот сектор не выступает конкурентом для частного бизнеса, например, в качестве претендента на заемные средства. Однако в некоторых случаях, в частности в хлопкоочистительной от-

расли, государственные предприятия пытались помешать функционированию аналогичных частных предприятий. Не исключается повторение такой ситуации и в других секторах.

Многие государственные предприятия нерентабельны и подлежат ликвидации. Более или менее эффективно работающие производственные объекты нередко имеют избыточные земельные ресурсы. Их высвобождение в процессе приватизации или ликвидации предприятий поможет частично ослабить проблему с земельными площадями, существование которой в определенной мере сдерживает развитие частного сектора. В то же время приватизационные инициативы в Афганистане осуществляются пока крайне медленно.

Анализ положения в отдельных отраслях афганской экономики показывает, что наиболее высокими темпами в стране развивается телекоммуникационный бизнес (в значительной мере из-за низких стартовых позиций). Частично принадлежащая государству компания «Afghan Wireless Communications» и «Roshan», одним из собственников которой является известный предприниматель Ага Хан, имеют в настоящее время приблизительно 662,5 тыс. абонентов, в том числе в ряде отдаленных районов Афганистана. Распространение мобильной телефонной связи оказало позитивное влияние на сферу бизнеса в целом и на его сельскохозяйственную составляющую, в частности. Успешно развивается строительство, а также экспортная сфера. Товарные поставки из Афганистана в 2005 г. увеличились на 40% – до 500 млн. долл. Укрепляется валютная сфера: благодаря ее реформированию в начале 2003 г. произошло значительное ослабление инфляционных тенденций, что способствовало стабилизации национальной валюты – афгани.

В афганской экономике быстрыми темпами развивается отрасль, укрепление которой вызывает беспокойство соседних государств и международной общественности: в стране процветают производство наркотиков и торговля ими. На долю этого сектора приходится примерно 1/3 ВВП Афганистана, или 2,7 млрд. долл., что существенно больше, чем, например, суммарные поступления в государственную казну, достигшие в 2005 г. 260 млн. долл.

Для решения многих социальных и экономических проблем Афганистан нуждается в значительной поддержке из-за рубежа. На недавней конференции финансовых доноров Афганистана (проходила в Лондоне с 31 января по 1 февраля) 70 стран и

международных организаций взяли обязательства предоставить этой стране помощь в размере 10,5 млрд. долл. (реальные потребности оцениваются афганским правительством и МБРР в 28 млрд.). МБРР выделит 1,2 млрд. долл., США – 1,1 млрд., Азиатский банк развития – 1 млрд., Великобритания – 855 млн. (на три года), Германия – 480 млн., Япония – 450 млн. Среди доноров выделяются также Испания, Индия, Нидерланды, Саудовская Аравия, Пакистан, Норвегия, Китай. США планируют сократить военное присутствие в Афганистане, Американская администрация запросила у конгресса на 2006/07 фин. г. на проведение операций в Афганистане примерно такую же сумму, что и на оказание помощи этой стране. Пока же содержание 19 тыс. военнослужащих (включая и гражданский персонал) обходится американским налогоплательщикам в 800 млн. долл. в месяц. Россия наряду с другими государствами-кредиторами намерена рассмотреть вопрос о списании афганской задолженности. В 2002–2005 гг. РФ направила на оказание гуманитарной помощи 30 млн. долл. и осуществила поставки вооруженным силам Афганистана на общую сумму, превышающую 200 млн. долл.

За последние 4 года (сентябрь 2001 г. – август 2005 г.) из обещанных донорами 13,4 млрд. долл. страна получила лишь 6,8 млрд. В то же время потребности Афганистана в финансовой поддержке из-за рубежа остаются весьма значительными, причем средства необходимы в первую очередь для базовых гуманитарных целей. По официальным данным, 40% сельских жителей Афганистана в текущем году не уверены в продовольственной безопасности для своих семей. 7 из 10 совершеннолетних афганцев не умеют ни читать, ни писать. Половина детей школьного возраста вообще не посещает образовательных учреждений. По уровню индекса человеческого развития (human development index; данный синтетический показатель широко используется в системе ООН) страна занимает 173-е место среди 178 государств. Для преодоления значительного отставания требуются крупные инвестиции, источником которых в современных условиях могут быть в основном внешние доноры – иностранные государства и международные организации. Доходы государства не позволяют покрывать текущие расходы на их нынешнем уровне, не говоря уже о вложениях в «будущее» Афганистана. Огромные средства необходимы для обеспечения работой и жильем тысяч беженцев, вернув-

шихся на родину, разоружения армий, созданных в прежние времена на территории отдельных провинций и регионов, создания некоего подобия общенациональной судебной системы.

Поддержка из-за рубежа осуществляется не только в виде иностранной помощи, но и в форме инвестиций. Вернувшиеся в Афганистан предприниматели располагают как капиталом, так и необходимыми для ведения бизнеса связями с предпринимателями из других стран. Однако основную роль в инвестиционной сфере играют иностранные компании, базирующиеся, в частности, в мусульманских странах.

По состоянию на декабрь 2005 г. Афганское управление по содействию инвестициям одобрило прямые иностранные инвестиции на общую сумму 520 млн. долл., из которых более половины направляется в строительство, 1/3 – в сферу услуг и оставшаяся часть – в промышленность. Учитывая значительный риск вложений в Афганистане, иностранные предприниматели предпочитают вкладывать капитал в государственные проекты по восстановлению национальной экономики, в проекты с участием иностранных финансовых доноров, а также в развитие сферы услуг. Инвестиции из-за рубежа поступают преимущественно в такие сферы, где возможно получение отдачи в относительно сжатые сроки.

Турция является крупнейшим инвестором: на ее долю приходится более 20% всех прямых иностранных инвестиций, одобренных Афганским управлением по содействию инвестициям. (Почти все турецкие вложения осуществляются в строительство.) Доля американских инвесторов ниже – 17%, далее следуют инвесторы из Китая и ОАЭ (менее 10% в каждом случае), Пакистана и Ирана (по 5%). Иранские фирмы вкладывают капитал в основном в производство продовольственных и других промышленных товаров.

Благодаря иностранному капиталу, внешней помощи и внутренним резервам предприятия в Афганистане постепенно возвращаются к более или менее нормальному функционированию. Опрошенные МБРР фирмы сообщают об увеличении численности персонала за последние пять лет на 67%. Особенно активно эта тенденция развивается в последнее время: за истекший год занятость выросла на 22%. За этот же период степень использования промышленных мощностей увеличилась на 10%.

Реальное положение на афганских предприятиях МБРР оценивает исходя из результатов опроса их руководителей и

сравнения с аналогичными объектами в других, в основном развивающихся странах. В частности, выявлено, что в Афганистане средний объем продаж в расчете на одного занятого в промышленной компании (с численностью занятых не более 100 человек) составляет 3333 долл. Аналогичный показатель в Таджикистане и Узбекистане ниже – 1859 и 567 долл. Велико отставание Афганистана от Пакистана (10043 долл.) и Индии (9146 долл.) и особенно от Китая (20374 долл.).

По степени использования мощностей (в среднем 62%) афганская промышленность ненамного отстает от индустрии соседних государств и превосходит промышленность стран, недавно переживших военные конфликты (например, Мозамбика).

Отношение стоимости основных производственных фондов (на предприятиях с численностью занятых не более 100 человек) к численности персонала в Афганистане (1500 долл.) ниже, чем в Китае (3170 долл.), Индии (2307 долл.), Пакистане (2063 долл.), и выше, чем в Таджикистане (721 долл.), Сирии (567 долл.) и Узбекистане (229 долл.). Низкая степень фондовооруженности негативно сказывается на производительности труда на афганских предприятиях.

Несмотря на сложное положение, в котором находятся афганские продуценты, правительство Х. Карзая стремится ориентировать их на развитие экспортных производств. В укреплении внешней торговли оно видит один из главных рычагов стратегии развития национальной экономики. С учетом необходимости удовлетворения почти всех афганских потребностей в промышленной продукции за счет импорта роль внешней торговли в национальной экономике представляется особенно значимой. Для повышения эффективности внешней торговли необходимы снижение производственных издержек в Афганистане и увеличение конкурентоспособности афганского экспорта. Подъему отрасли должно способствовать и превращение Афганистана в своего рода транзитный «мост» для выхода центральноазиатских государств на рынки Южной Азии.

Правительство Х.Карзая осуществило ряд мер по содействию торговле с внешним миром. Заключены торговые и транспортные соглашения с соседними государствами и достигнуты договоренности о предоставлении преференций для афганских товаров. В ближайшее пятилетие страна намерена добиться присоединения к ВТО. В 2004 г. Афганистан провел реформы в таможенной сфере, которые сделали национальную эконо-

мику одной из самых открытых в регионе. Была упрощена таможенно-тарифная структура, сужен диапазон ввозных пошлин – до 2,5–16% (ранее максимальный уровень достигал 150%). Министерство финансов в сотрудничестве с Министерством торговли осуществляет Программу модернизации таможенной службы, нацеленную на разграничение сфер ответственности правительственных структур в данной области и наращивание ее потенциала. Однако многие проблемы пока не решены: например, для осуществления импортной операции требуется выполнение многих формальностей, в частности, оформление 10 документов и получение как минимум 57 подписей. Таможенные органы часто произвольно определяют стоимость ввозимых в страну грузов и круг инспекционных задач, что способствует коррупции и задержке с таможенной очисткой. Досмотр партий товаров требует больше времени, чем в соседних государствах. Для отправки своих грузов экспортерам необходимо в среднем 9,8 дня, временные затраты импортеров еще больше – 11 дней (для сравнения: в Узбекистане эти сроки составляют соответственно 1,3 и 1,3 дня, Таджикистане – 3 и 2 дня, Индии – 7,1 и 5,3 дня, Китае – 7,9 и 5,4 дня, Сирии – 15 и 6,3 дня, Пакистане – 17 и 9,8 дня). Экспедиторы отмечают, что этот срок может быть сокращен до нескольких часов при даче достаточно крупной взятки.

Несмотря на либерализацию таможенной системы, промышленные фирмы считают, что действующий таможенный режим является по отношению к ним дискриминирующим, в частности у этих компаний возникают дополнительные проблемы с открытием новых производственных объектов в Афганистане. Руководство большинства промышленных предприятий (т.е. не относящихся к малым или наиболее крупным) полагает, что из-за их величины избежать налогов или пошлин практически невозможно, кроме того, эти предприятия часто становятся объектами вымогательства со стороны коррумпированных чиновников. Нередко приходится конкурировать с небольшими торговыми фирмами, которые могут импортировать товары, минуя систему таможенного обложения и избегая разного рода неформальных поборов. Что касается самых крупных (в первую очередь иностранных) компаний, то они располагают реальными шансами договориться о налоговых льготах.

Менее крупным фирмам приходится сталкиваться с весьма значительной налоговой нагрузкой. Ниже приводится пример с

наиболее типичными издержками, которые вынуждены покрывать афганские фирмы, поставляющие свою продукцию за рубеж (в данном случае изюм через порт Хайратон в Узбекистан). На афганской стороне на ежегодное возобновление торговой лицензии расходуется 3,5 тыс. афг. (в 2004 г. была введена новая упрощенная схема лицензирования, отличающаяся большей прозрачностью); получение фитосанитарного сертификата в Министерстве земледелия и животноводства обходится в 40–60 афг. и сертификата в Институте экспорта изюма – в 50 афг./т; экспортная пошлина была временно отменена президентским декретом от 2002 г., однако на все экспортные и импортные операции на временной основе установлен налог (0,5%), уплачиваемый Министерству финансов; кроме того, некоторые экспортеры сообщают о взимании с них экспортной пошлины (2,5%); налог (20%) на прибыль от торговых операций и налог на продажи (2,5%) уплачивается Министерству финансов; дополнительные налоги устанавливаются «местными властями», определенные платежи взимаются на контрольно-пропускных пунктах; к прочим специфическим налогам относится, например, взимаемый на севере Афганистана налог на «защиту бизнеса» по ставке 0,5% от рыночной стоимости экспортного товара, возвратность налога декларируется, но в действительности не практикуется; взятки и портовые сборы оцениваются в 8 долл./т. На узбекской стороне в случае легальности торговых операций и правильного оформления сопроводительной документации ввозная пошлина не взимается; если требования к документации не выполнены, груз облагается 20%-ным сбором; возможны взятки, составляющие приблизительно 4 долл./т.

Промышленные фирмы считают, что при специфической таможенно-тарифной структуре в Афганистане им часто приходится платить более высокие ввозные пошлины на комплектующие, чем торговым фирмам – на готовую продукцию. Так, предприниматель, пытающийся открыть фармацевтическую компанию, несет дополнительные убытки из-за совокупности высоких транспортных расходов, ввозных пошлин и неформальных издержек, которые добавляют 25–30% к стоимости импортного оборудования. Ему приходится платить 5%-ную пошлину на импортные комплектующие, в то же время торговые фирмы могут импортировать готовую продукцию и уплачивать при этом пониженную (2%-ную) пошлину, так как лекарст-

ва отнесены к приоритетной импортной продукции. Модернизация таможенной системы в Афганистане была важным и необходимым шагом, однако для реального содействия местному производству предстоит ее дальнейшее совершенствование.

Нелегальные контрольно-пропускные пункты, созданные местными полевыми командирами, больше не представляют серьезных препятствий, однако инспекционная деятельность правительственных структур нередко нарушает обычную процедуру таможенного досмотра в отдаленных районах страны. Ответственность разных правительственных органов за инспектирование внешнеторговых грузов четко не конкретизирована. Многочисленные инспекции и задержки увеличивают расходы предпринимателей.

Отсутствие служб, содействующих внешней торговле, является еще одним ограничителем для развития бизнеса в стране. Опрос реальных и потенциальных экспортеров показал, что острая нехватка холодильных установок и других мощностей для хранения товаров, а также неэффективность таможенных структур являются определенными ограничивающими факторами для расширения экспорта. Дороговизна или отсутствие кредитования для осуществления внешнеторговых операций заставляет производителей полагаться на посредников, имеющих связи и источники финансирования.

Местные и иностранные предприниматели используют в Афганистане лишь малую часть имеющихся в этой стране возможностей. Некоторые из них связаны с возрождением традиционных форм бизнеса, другие – с новыми видами предпринимательства (например, с предоставлением услуг мобильной телефонной связи или с нетрадиционным экспортом). Отдельные формы деятельности осуществлялись в прошлом либо в небольших масштабах (в частности, строительство), либо только в государственном секторе (производство электроэнергии, оказание банковских, авиатранспортных и других услуг). МБРР выделяет следующие перспективные направления организации бизнеса в современном Афганистане:

импортозамещающий бизнес. Поскольку в Афганистане никогда не было значительной и диверсифицированной промышленной базы, существенная часть местного спроса удовлетворялась за счет закупок за рубежом. Из-за уничтожения большей части промышленных мощностей импорт стал еще более значимым после прекращения в стране военных дейст-

вий. По производству многих товаров, особенно с низкой долей добавленной стоимости и не требующих сложных технологий, Афганистан может иметь сравнительные преимущества, в частности, это касается продуктов питания (птицеводческой продукции и мучных изделий), а также таких несложных потребительских товаров, как мыло, шампуни, стиральные порошки;

осуществление поставок за рубеж традиционных экспортных товаров. В эту категорию попадают в основном ковры и фрукты. Ковры производятся преимущественно в сельской местности с привлечением в качестве рабочей силы главным образом женщин. Во время боевых действий многие изготовители этой продукции перебазировались в Пакистан (главным образом в Пешавар). Не случайно большая часть экспорта ковров в торговой статистике Пакистана в действительности представлена изделиями афганских ковроткаческих мастерских. Производство изюма, занимавшее в прежние времена заметное место в афганском экспорте, находится в упадке из-за серьезного ущерба, нанесенного виноградникам и перерабатывающим предприятиям. В то же время недавно заключенное преференциальное торговое соглашение с Индией способствует значительному увеличению поставок афганских сухофруктов на индийский рынок;

«экзотический» экспорт. Частично базируется на сельскохозяйственном, частично – на минеральном сырье. В перечень соответствующей продукции МБРР включил пряности (тмин, шафран), лекарственные растения, драгоценные камни и некоторые другие товары;

бизнес, связанный со строительством. Резкое увеличение расходов на строительные работы характерно для стран, находящихся на постконфликтном восстановительном этапе. Однако после первоначального бума нередко происходит замедление темпов развития отрасли. Тем не менее в переходный период строительство и обслуживающие его отрасли сулят несомненные перспективы для организации выгодного бизнеса;

развитие инфраструктуры и коммунальных услуг. Неплохие возможности для предпринимательства появляются в строительстве и ремонте автодорог, мелких систем водоснабжения, развитии мобильной телефонной связи и телефонной связи обычного типа, расширении электrorаспределительной сети. Модернизация в стране «кольцевой дороги», Кабульского

и Гератского аэропортов, прокладка через афганскую территорию транзитного газопровода из Туркмении в Пакистан, строительство линий электропередачи, включая трансграничные, и другие конкретные инициативы дают бизнесу дополнительные возможности для приложения сил.

Правительство страны предприняло ряд шагов по улучшению климата для предпринимательства и привлечения инвестиций. В частности, осуществлена налоговая реформа. В результате Афганистан в исследовании МБРР «2005. Doing Business», охватившем 155 государств, оказался на 7-м месте. Налог на прибыль составляет 21,4% по сравнению с 35% в среднем по региону и 46% по странам ОЭСР. Средняя по размерам компания обычно делает две налоговые выплаты и тратит в год примерно 80 час. на выполнение формальностей в налоговой области. Предприниматели не видят особых сложностей с уплатой налогов, так как требования по гарантированию полного выполнения обязательств в этой сфере не отличаются особой строгостью. По мере роста экономики и совершенствования деятельности государственных структур можно ожидать повышения эффективности управления. Афганистан уже сильно упростил процесс регистрации бизнеса. Значительный прогресс достигнут в регулировании трудовых отношений. Наем и увольнение персонала предельно упрощены. Тем не менее для развития бизнеса в стране существуют ощутимые препоны, которые специально анализировались экспертами МБРР на базе массовых опросов, организованных в Афганистане.

Более 64% опрошенных предприятий назвали проблему электроснабжения одним из важнейших ограничителей для осуществления успешного бизнеса. В настоящее время лишь 6% населения имеют доступ к сетевому электроснабжению. Его качество невысоко, часто происходит падение напряжения в сети, обыденным явлением здесь остаются аварии. Даже столица страны – Кабул – обеспечивается электроэнергией через день и только в течение 4 час. в сутки. Более или менее устойчивое снабжение станет возможным не ранее 2008 г. В таких условиях предприятиям приходится использовать автономные генераторы. Не случайно Афганистан по доле компаний, имеющих собственные генераторы, опережает многие соседние страны, о чем свидетельствуют нижеприведенные данные (%): Афганистан – 76, Сирия – 73, Индия – 64, Пакистан – 42, Китай – 18, Узбекистан – 2, Таджикистан – 0. Для

работы этого энергетического оборудования требуются закупки дорогостоящего топлива, что ложится дополнительным бременем на бюджет афганских предприятий.

Особая острота проблемы с электроснабжением отмечается в районе Джелалабада. Частично трудности с получением тока преодолеваются за счет импорта из соседних стран. В настоящее время прокладывается линия электропередачи из Узбекистана в Кабул, которая вступит в строй в конце 2008 г.

60% опрошенных фирм особые трудности для успешного осуществления предпринимательской деятельности испытывают при получении земельных участков. Для частичного ослабления остроты проблемы при спонсорской поддержке США на окраинах некоторых городов созданы пользующиеся большой популярностью бизнес-парки; они не только позволяют компаниям иметь земельные участки, но и предоставляют базовые услуги, а также заметно упрощают процесс выхода на рынок. Планируется открытие еще нескольких парков такого типа.

Крупными проблемами для развития бизнеса в Афганистане остаются широкое распространение коррупции и ограниченность доступа к финансовым средствам. Процветанию коррупции способствует неудовлетворительное материальное положение населения. Для занятых в государственном секторе, где средний уровень оплаты труда составляет 50 долл. в месяц, взяточничество является вынужденной мерой, так как только оплата скромного жилья в многоквартирных домах, выстроенных по советским проектам, обходится ежемесячно в несколько сотен долларов. Семьи обычно являются многодетными, что еще больше усугубляет повседневные материальные трудности.

Помимо коррупции, трудности для бизнеса в Афганистане создает слабое развитие финансовых структур. Банковская деятельность в стране находится только в начальной стадии роста и часто подменяется примитивной неформальной системой, получившей название «хавала». Лицензии на работу в Афганистане выданы 12 коммерческим банкам, большинство из которых действуют в Кабуле и предоставляют услуги в основном международным донорам, иностранным организациям и правительственным агентствам. Ни один коммерческий банк долгосрочно не кредитует (заемные средства выдаются на срок не более трех лет).

Перечень основных трудностей для развития бизнеса в разных районах Афганистана различен. Так, острота проблемы

с устойчивостью электроснабжения в Герате заметно ослабла, что подтвердили результаты опроса местных предпринимателей. В Кандагаре большое значение (наряду с доступом к финансовым ресурсам) имеет совершенствование таможенного и внешнеторгового режима, что отчасти связано со значительной долей среди респондентов торговых фирм. В Мазари-Шарифе в качестве препятствия для бизнеса чаще всего называлась практика, ограничивающая конкуренцию. В этой части Афганистана глубоко укоренились интересы местного бизнеса, использующего тесные связи с властями для минимизации конкурентной борьбы.

Серьезной проблемой продолжает оставаться обеспечение безопасности. Опрошенные фирмы сообщили, что расходуют 15% доходов от продаж на создание инфраструктуры для защиты от криминала, т.е. значительно больше, чем фирмы в соседних странах (в Китае – 1,5%, Узбекистане – 1,9%, Пакистане – 2,2%, Таджикистане – 3,4%). Еще 3% составляют выплаты полевым командирам, правительственным чиновникам и даже организованным криминальным группировкам для обеспечения соответствующей защиты. Расходы на гарантирование безопасности особенно велики у иностранных фирм. Арендная плата за безопасное помещение в Кабуле может равняться стоимости недвижимости в Токио, Лондоне или других крупных и «дорогих» городах мира.

Список использованных сайтов в Интернете:

afghanistannews.net
newsvote.bbc.co.uk
siteresources.worldbank.org
www.adb.org
www.afghan-web.com/economy
www.alertnet.org
www.thebanker.com
www.e-ariana.com
www.economist.com.uk
www.forbes.com
www.ft.com
www.futureharvest.org/news/afghanistan
www.iht.com
www.iimes.ru
www.worldbank.org/af

Владимир (Зеэв) Ханин

«РУССКАЯ» ОБЩИНА, ВЫБОРЫ И ВЛАСТЬ В ИЗРАИЛЕ: ИТОГИ И ПЕРСПЕКТИВЫ

В израильском обществе в отношении русскоязычных евреев бытуют два предубеждения. Первое: все «русские» придерживаются крайне правых взглядов. Второе: выходцы из СССР/СНГ всегда голосуют против существующей власти, какая бы партия не возглавляла правительство.

Оба представления очевидно неверны. Если суммировать опросы последнего десятилетия, то выяснится, что 12–15% репатриантов традиционно относят себя к «левому» лагерю, примерно 25% – к «правому», а остальные – к различным фракциям «умеренного центра», причем каждая из этих групп в разных пропорциях делит свои симпатии между общеизраильскими и «русскими» партиями.

Помимо отношения к путям разрешения арабо-израильского конфликта, русскоязычная община, как и израильское общество в целом, расколота и по другим линиям. Там – понятно, в неравных пропорциях – представлены «светские», «религиозные» и «традиционалисты», по-разному относящиеся к проблеме взаимоотношений религии и государства; есть свои «ашкеназы» и «сефарды», часто голосующие за разные партии, равно как и этнические евреи и неевреи-члены смешанных семей, часто по-разному относящиеся к гражданским вопросам и национальной идентичности государства.

Наконец, есть те (в большинстве своем репатрианты 70-х – начала 90-х гг.), которые пополнили израильский средний класс, и те (в основном пенсионеры и репатрианты последних лет), которые балансируют у черты бедности. Показательно, например, что община выходцев из бывшего СССР почти поровну делится между теми, чье политическое поведение связано главным образом с социально-экономическими интересами (жилье, работа, социальное обеспечение и т.д.), и теми, кто в основном озабочен проблемами идеологии.

Потому неверна и вторая стигма: почти во всех случаях голосование «русских» репатриантов является не только и не столько протестом, сколько демонстрацией определенной ценностной позиции, во многом связанной с главной для общины темой выборов. С другой стороны, было бы неверным утверждать, что в свете сказанного выходцы из СССР/СНГ в Израиле разрознены настолько, что не существуют как единая электоральная группа. Скорее их можно представить в качестве своего рода внутренне противоречивой, но гомогенной и динамичной электоральной общности.

Именно поэтому израильским социологам крайне редко удается точно спрогнозировать и адекватно объяснить итоги голосования новых олим. Не стали исключением и прошедшие 28 марта 2006 г. выборы – одним из их предсказуемых сюрпризов стало возрождение в стране самостоятельной «русской» политики, которую многие комментаторы по итогам выборов 2003 г. поспешили объявить ушедшей в небытие.

Факторы и тенденции возрождения «русской» политики в Израиле

Действительно, некогда ведущая политическая сила общины выходцев из бывшего СССР – «центристская» партия Исраэль ба-алия Натана Щаранского на тех выборах получила лишь два мандата – против 7 в 1996 г. и 6 в 1999. Две другие «русские» партии – правая «Наш дом – Израиль» (НДИ) Авигдора Либермана и левая Демвыбор Романа Бронфмана участвовали в выборах 2003 г. в рамках идеологически близких общеизраильских блоков «Национальное единство» (НЕ) и Мерец. При этом НДИ и после выборов остался ведущей силой своего блока, превратив его остальные компоненты – партии «Моледет» и «Ткума» в своих младших партнеров; в свою очередь «Демвыбор», формально сохранив свою автономию, стал периферийной частью блока «Мерец».

С присоединением сильно похудевшей фракции ИБА к «Ликуду» и объявленным слиянием их низовых организаций, «русских» партий, если не считать мелких субобщинных группировок (типа движений бухарских и кавказских евреев или русских, без кавычек, этнических списков), стабильно набирающих менее процента голосов выходцев из СССР/СНГ, на политиче-

ском рынке не осталось. На основании этого многие тогда и заявляли о том, что самостоятельная политическая история «русской общины» в Израиле завершилась.

Однозначность подобных выводов, однако, уже в тот момент вызывала большие сомнения в их корректности¹. Существовал ряд очевидных обстоятельств, которые могли способствовать (и так действительно случилось) возвращению на политическую арену страны сообщества выходцев из бывшего СССР в качестве самостоятельной силы².

Во-первых, это явная диспропорция между политическим потенциалом почти миллионной русскоязычной общины (что соответствовало почти 15% израильского электората и примерно 20 мандатам в 120-местном Кнессете) и уровнем представительства, который она смогла получить во властно-управленческих структурах. Так, несмотря на относительный рост числа русскоязычных избирателей по сравнению с 1999 г., число депутатов, представляющих политически организованную «русскую» общину, снизилось вдвое – с 10–11 до 6. Соответственно, резко снизился потенциал влияния «русских» элит на процесс принятия политических и экономических решений как на общенациональном, так и муниципальном уровнях – и негативные для общины последствия незамедлили сказаться, что стало фактором общественного недовольства.

Во-вторых, составившие основу второй коалиции А.Шарона общеизраильские партии, которые разделили между собой около 60% голосов русскоязычных репатриантов – «Ликуд» и «Шинуй», почти сразу же после выборов взяли курс на ограничение влияния в партийных и контролируемых ими государственных институтах. Так, в «Ликуде», которому репатрианты дали в 2003 г. пятую часть его мандатов и в котором «русские» тогда составляли около 10% членов партии, был представлен только 1% членов 3000-ного (и крайне влиятельного) Центра партии, и еще меньшее число членов исполнительных органов, игравших в 2003–2005 гг. колоссальную роль в процессе политических и профессиональных назначений в стране. Лидеры «антиклерикально-рыночного» «Шинуй», которому русскоязычные израильтяне дали не менее 4 из полученных партией в 2003 г. 15 мандатов, также проявили явную незаинтересованность в поддержании этой тенденции. Они, в частности, жестко блокировали попытки формализации и укрепления репатриантского крыла «Шинуй»

как нового «русского» общинного лобби. Своеобразную точку в начавшемся было процессе «израилизации» общинной «русской» политики, во многом обратившую ее вспять, поставило увольнение из правительства Шарона министров от НДИ/НЕ, выступивших против его плана размежевания. В итоге с середины 2004 г. недовольство выходцев из бывшего СССР общенациональными партиями и израильскими элитами в целом росло в геометрической прогрессии.

В-третьих, большинство израильского истеблишмента восприняло итоги выборов 2003 на «русской улице» как свидетельство того, что репатрианты уже вполне довольны своим местом в израильском обществе. Соответственно, нет никакой нужды в особых усилиях – особенно в условиях экономической стагнации и бюджетных проблем 2002–2004 гг. – по поддержке «русских» репатриантов как группы, по реализации новых проектов интеграции, а также продвижению представителей олим в структурах законодательной, исполнительной и местной власти, равно как и в госкомпаниях, учреждениях социально-гуманитарной сферы и т.д. Этот вывод явно противоречил как объективной ситуации, так и господствующим среди немалой части «русской улицы» настроениям и надеждам, что было немедленно использовано соответствующими группами интересов³.

В-четвертых, помимо части репатриантов, недовольных социально-экономической политикой второго коалиционного правительства Шарона, в массе своей правонастроенной общине было и немало тех, кого разочаровал переход правительства от широкомасштабной борьбы с арабским террором к политике односторонних уступок и «размежевания» с территориями и поселениями в секторе Газа и Северной Самарии⁴. И хотя среди немалого числа репатриантов харизма Шарона и вера в его политическое чутье перевешивали их опасения, подобные настроения отнюдь не распространялись на окружение или «официальных наследников» Шарона.

Не случайно, что опрос, проведенный Тель-Авивским институтом «Мутагим» в начале ноября 2003 г., зафиксировал растущее недовольство «русских» репатриантов правительством Шарона. Лишь 35,2% респондентов были удовлетворены деятельностью правительства в сфере безопасности (42,5% были неудовлетворены ею) и лишь 14,1% (против 67,0%) были удовлетворены деятельностью Ариэля Шарона в социально-экономической сфере, причем 51,4% считали, что руководство

страны утратило контроль за социально-экономическим положением в Израиле⁵.

Наконец, с конца 2003 г. вновь предметом общественно-го внимания стали уже, казалось бы, прочно забытые сюжеты полицейского произвола и этнической дискриминации по отношению к выходцам из СССР/СНГ. Так, крупный общественный резонанс вызвали многочисленные эпизоды предвзятого отношения и даже избиения полицейскими (в массе своей – восточного происхождения) выходцев из бывшего СССР⁶. Соответственно, в ходе исследования правовой защищенности русскоязычных репатриантов, проведенного в конце 2004 г. группой социологов под руководством Моше Кенигштейна по заказу Института гражданского общества «Эдан Хадаш», 78% опрошенных заявили, что полиция негативно и предвзято относится к «русским», 52% отметили, что проблема произвола правоохранительных органов по отношению к русскоязычным репатриантам является «очень острой» или «довольно острой», а 21% опрошенных непосредственно сталкивался с незаконными действиями и произволом полиции⁷.

Полицейское расследование в отношении деятельности филиалов израильских банков «Хапоалим» и «Мизрахи» по обвинению в отмывании многомиллионных сумм, в ходе которого активно мелькали многочисленные имена крупных предпринимателей русско-еврейского происхождения – Владимира Гусинского, Михаила Черного, Леонида Невзлина, Семена Могиловича, Аркадия Гайдамака, Михаила Брудно, Владимира Дубова и т.д. – также, по мнению многих, почти сразу же пошло по накатанным рельсам «борьбы с русской мафией»⁸.

Борьба за «русское лобби»

Все эти факты, активно «раскручиваемые» русскоязычными и ивритоязычными СМИ с подачи различных групп политических интересов⁹, способствовали воспроизводству у ряда русскоязычных израильтян ощущения «ущемленной общинной гордости», которое десять лет назад способствовало электоральному успеху партии «Исраэль ба-Алия». Типичным в этом смысле можно считать заявление депутата Кнессета от ИБА/Ликуд Марины Солодкиной:

«Я не думала, что будет так плохо. Дело даже не в том, что на нас сэкономили... Удар нанесен по достоинству репатриантов. И мы его пропустили. 28 января 2003 года община добровольно передала рычаги управления в чужие руки. Замена в лице депутатов и министров от «Ликуда» и «Шинуя», как и ожидалось, оказалась крайне неудачной. Потеряно министерство абсорбции, в орбите которого находится весь наш бывший «золотой миллион». Утрачен контроль над многими важнейшими областями, прямо влияющими на интеграцию репатриантов. Нас пытаются вытеснить на обочину культурной, общественной жизни. Еще бесцеремоннее стали вести себя с «русскими» полиция, МВД... Сможет ли община вырваться из такого плотного окружения?»¹⁰.

Нарастающие в среде репатриантов настроения о необходимости возрождения своего «эффективного политического лобби», в свою очередь, стимулировали новый виток активности различных фракций репатриантских политических элит. Причем речь шла как о представителях «старой гвардии», чьи политические лагеря уже, казалось бы без остатка растворились в общеизраильских движениях, так и о «русских» муниципальных лидерах и активистах среднего звена, именно сейчас получивших возможность выйти на общенациональную политическую арену, а также о новом поколении общинных политиков.

Все эти лидеры были готовы в который раз использовать опцию «секторальной», в том числе, партийной политики в различных ее конфигурациях и вариантах, о которых в 2003–2005 гг. шли напряженные дискуссии. По сути, обсуждались три возможные модели:

- возвращение в нишу самостоятельной общинной политики прежних, либо «обновленных» репатриантских партий;

- структурное вхождение организованных репатриантских групп в общеизраильские политические организации и продвижение общинных интересов через существующие, в том числе неформальные, внутрипартийные механизмы лоббирования;

- создание при существующих общенациональных партиях сильных репатриантских филиалов и спутниковых организаций, в том числе (как и при первом варианте) с использованием остатков инфраструктуры «русских» партий первого поколения.

Первая модель была наиболее релевантна прежде всего для «русских» политических группировок, в той или иной степени сохранивших свою общинную инфраструктуру – лагерей

Н.Щаранского, А.Либермана, и в какой-то мере – Р.Бронфмана. Какое-то время два первых лидера обсуждали популярную в общине идею создания объединенной «русской» партии. Как и прошлые инициативы такого рода, эта идея не получила продолжения, в том числе и потому, что никто из ведущих лидеров «русской» общины не готов был быть вторым¹¹.

Наиболее последовательно по пути воссоздания общинной политической структуры пошли сторонники А.Либермана, по мнению которого эксперимент с участием НДИ в блоке «Национальное единство» был явно неудачным. Из семи мандатов, которые получил блок на выборах, почти пять, по оценкам, были получены за счет «русской улицы», и лишь два с небольшим дали правонастроенные уроженцы страны и ветераны. Лидеры партии, судя по всему, пришли к выводу, что передача «русских» мандатов своим «туземным» партнерам была неадекватным вложением в их политическое будущее¹².

Практически сразу же после выборов 2003 г. лидеры партии предприняли усилия по восстановлению и обновлению своей общинной инфраструктуры. В 2003–2004 гг. НДИ провела самостоятельную, без участия партнеров по блоку НЕ муниципальную кампанию, в ходе которой под эгидой партии были созданы избирательные блоки, в том числе и с участием бывших активистов «Исраэль ба-алия». Относительный успех этой кампании вдохновил лидеров НДИ на дальнейшие шаги – в ноябре 2004 г. они окончательно вышли из блока «Национальное единство» и объявили свою организацию «единственной партией, представляющей русскоязычную общину Израиля»¹³. Партия начала свою «общинную кампанию» с пресс-конференции, на которой лидер НДИ А.Либерман сообщил о «принципиально новой программе, разработанной им и его единомышленниками», реализация положений которой «позволит решить многие насущные для «русской улицы» проблемы»¹⁴.

В 2004–2005 гг. Либерман и Штерн провели серию встреч с видными представителями русскоязычной общины – учеными, деятелями искусств, спортсменами, на которых последние, как правило, заявляли о своей поддержке НДИ. В январе и феврале 2005 г. была также предпринята попытка создания своего рода «русского общественно-политического лобби», представители которого активно включились в борьбу с полицейским произволом и дискриминацией по отношению к выходцам из СССР/СНГ, впрочем, решительно отвергая идею как наличия у них собст-

венных партийных амбиций, так и прямой связи с партией «Наш дом – Израиль». Пытаясь сохранить свой статус «русской несекторальной партии», НДИ отказалась от самоопределения образца 1999–2003 гг. как «общеизраильской правой партии, большинство избирателей которой говорят по-русски», выступив в новой функции «русской партии с израильским акцентом»¹⁵.

Почти через год, когда перспектива досрочных выборов стала очевидной, примеру Либермана последовал и Роман Бронфман, лидер третьей русской партии образца 90-х гг. – «Демвыбор». В сентябре 2005 он решил прекратить сотрудничество с МЕРЕЦ и баллотироваться на выборах отдельным списком. Бронфман, очевидно, рассчитывал на «левый» политический лагерь «русской общины, но все же существующий, который так и не был по-настоящему политически институционализирован. Поскольку «левых русских голосов» (по нашим оценкам, не превышающих 2 мандатов)¹⁶, даже если бы их не сумели завоевать левые общенациональные партии, было явно недостаточно для преодоления электорального барьера, Бронфман также надеялся на поддержку тех «русских», которые в 1999 г. отдали свои голоса на выборах премьер-министра Э.Бараку, а в 2003 г. в массе своей поддержали «Шинуй»¹⁷.

Что касается Н.Щаранского, то он и его сторонники также не отвергали «с порога» возможность войти во вновь открывшуюся нишу самостоятельной «русской» партийной политики. Так, в октябре 2004 г. была проведена встреча Н.Щаранского и пяти десятков бывших высших функционеров ИБА, на которой обсуждались перспективы выхода «русского лагеря» из «Ликуда» и воссоздания инфраструктуры самостоятельной массовой репатриантской партии¹⁸.

Тем не менее в конечном итоге победило желание использовать инерцию популярности «Ликуда» среди олим и механизмов влияния правящей партии, в которую влилась ИБА после выборов 2003 г. В январе 2005 г. конференция Ликуда окончательно утвердила слияние с ИБА, бывшим членам которой было предоставлено 128 мест в Центре объединенной партии¹⁹. В «Ликуде» лидеры бывшей ведущей «русской» партии проявили себя последовательными сторонниками второй модели «русского лобби», продемонстрировав очевидное желание играть по существующим в общенациональных партиях правилам игры.

Соответственно, они взяли курс на формирование «персонального политического лагеря», работающего не столько с

«репатриантскими массами», сколько занимающегося кооперацией и обменом ресурсами с другими группами влияния в Центре партии. После августовского «размежевания» и последовавшего в октябре 2005 г. раскола «Ликуда» и выхода из него в октябре лагеря А.Шарона, вскоре создавшего новую центристскую партию «Кадима», Щаранский и Эдельштейн поддержали в борьбе за пост лидера «Ликуда» Биньямина Нетанияху, который, в свою очередь, помог им получить высокие, как тогда казалось, места в списке партии (соответственно, 11-е и 15-е)²⁰.

В самой «Кадиме» близкую модель отстаивает Зеэв Элькин (сотрудник Еврейского Университета в Иерусалиме и бывший активист «русского штаба «Ликуда» против размежевания»), который неожиданно для многих занял 17-е место в списке «Кадимы». Присоединившись к «лагерю Ольмерта» в «Кадиме», З.Элькин еще до выборов предложил идею «массовой записи» репатриантов в эту партию с тем, чтобы доведя их численность до критических размеров, таким образом повлиять на формирование и деятельность партийных институтов²¹. (В своем крайнем варианте подобная модель теоретически может привести к трансформации соответствующей партии в «общеизраильское движение с сильным русским акцентом» — нечто близкое к тому, чем стал в 70–80-х гг. для выходцев из стран Азии и Африки «Ликуд». Такой вариант, от которого отказался Либерман, в зачаточной форме в свое время имел место в партиях «Моледет» и «Шинуй», с разной степенью жесткости пресеченный официальным партийным руководством)²².

Третья модель «русского политического лобби» была предложена еще одним членом Кнессета от ИБА / «Ликуда» Мариной Солодкиной, план которой, если бы он был воплощен в жизнь, привел бы к созданию на базе остатков инфраструктуры ИБА своего рода неофициальной «русской» партии-спутника «Ликуда», обладающей широкой внутренней автономией и работающей преимущественно на «русской улице». Соответственно, выделенная бывшей ИБА 128-местная квота в Центре «Ликуда», по логике Солодкиной, должна была стать «штабом» такой организации и быть заполнена не столько «верными бойцами лидеров», как считали Щаранский и Эдельштейн, сколько «лидерами с мест»²³.

Нетрудно заметить, что такая модель устроила бы немало недовольных роспуском ИБА бывших глав и активистов отделений этой партии, особенно в экономически неблагополучных

периферийных городах, где авторитет М.Солодкиной, признанного «главного социального работника русской общины» был особенно велик. Показательно, что целый ряд таких оставшихся за бортом активистов, занявших сторону Солодкиной в ее конфликте с Щаранским, заявляли о готовности «последовать за Солодкиной в любую партию, к которой она посчитает нужным присоединиться, включая ШАС»²⁴.

Нечто подобное, в конечном итоге, и произошло: М.Солодкина, которая в отличие от своих давних соратников и покровителей Н.Щаранского и Ю.Эдельштейна поддержала план «одностороннего отделения» А.Шарона, вместе с ним перешла в его новую партию «Кадима», в списке которой она получила 6-е место и стала главой репатриантского штаба и главным инструментом по мобилизации поддержки олим для этой партии. За ней последовала и какая-то часть бывших аппаратчиков и активистов ИБА, из среды которых «русский штаб» «Кадимы» стал набирать координаторов на местах. Еще одна заметная репатриантская группа в «Кадиме» представлена членами «независимых» муниципальных блоков выходцев из бывшего СССР, которые перешли в «Кадиму» вместе со своими мэрами городов и поселков (в списке Кадимы эти блоки символизировала зам. мэра Кармиэля Рина Гринберг, которая так и не попала в Кнессет). Наконец, в «Кадиму» вслед за проигравшим выборы в Аводе Шимоном Пересом перешла сплоченной группой и немалая часть олим-членов партии Труда.

Что касается самой партии Труда, то там тоже были предприняты усилия по восстановлению ее заметного в 1992–1996 гг., но практически развалившегося к концу того десятилетия «русского» крыла (оно сократилось с порядка 18000 членов в 1995 до 2500 в конце 2001 г.). Инициатива на этот раз исходила от двух соперничающих групп. Одна из них — т.н. «Русскоязычный форум» профсоюзной партии Ам Эхад (единый народ) Амира Переца, вошедший в «Аводу» вместе со своей партией в начале 2004 г. На момент выборов лидера партии, победу на которых одержал глава Ам Эхад Амир Перец, «Форум», во главе которого стоит давний соратник Амира Переца Леонид Литинецкий, насчитывал около 3000 членов. Другая также преимущественно «русская» группа в партии — Объединение репатриантов, насчитавшая, по сведениям главы этого блока Неды Чужой, около 4000 чел., около 100 из которых представлены в Центре партии²⁵.

В противовес Амиру Перецу и его «Русскоязычному форуму» лидеры Объединения репатриантов, по имеющимся сведениям, поддерживали бывшего премьер-министра Израиля в 1999–2001 гг. Эхуда Барака, а после его отхода от борьбы за лидерство в партии – Шимона Переса. После того как выделенное репатриантам «полупроходное» 21-е место при поддержке Переца занял Леонид Литинецкий, Неда Чужая со своими сторонниками, как отмечалось, перешла в Кадиму. Кроме того, в январе 2006 г. к Либерману перешла депутат от Аводы Софья Ландвер, глава «Федерации организаций русскоязычных израильтян», ресурсы которой, по утверждению противников НДИ, были задействованы в ее избирательной кампании.

«Русский голос» на выборах-2006: партийный расклад

Успех или неудача той или иной модели представительства и лоббирования общинных интересов в конечном итоге зависели от поддержки потенциальных избирателей. А в их среде в этом плане имело место существенное расхождение позиций. Так, по мнению более половины участников проведенного в конце 2004 г. Тель-Авивским Институтом социально-политических исследований «Мутагим» репрезентативного опроса общественного мнения выходцев из СССР/СНГ, функцию общинного лобби наиболее эффективно сможет выполнить «русская» партия; треть опрошенных были готовы поддерживать влиятельные репатриантские организации в рамках общеизраильских партий, и лишь 12–15% считали, что существующие общеизраильские партии итак адекватно представляют их интересы²⁶.

В пересчете на места в Кнессете это означало, что потенциал «русских» партий составлял тогда 9–11 мандатов. Партия, которые сумели бы создать сильные репатриантские организации и предоставить выходцам из бывшего СССР высокие места в своих избирательных списках, община могла дать от 6 до 8 мест в будущем Кнессете. Остальные общенациональные и секторальные партии могли рассчитывать не более чем на 3–4 «русских» мандата.

Именно этот расклад и реализовался, несмотря на все драматические перипетии 2005 г., полтора года спустя.

Итоги голосования русскоязычных израильтян 28 марта 2006 г.

	Среди «русских»		По стране в целом		Число мандатов		
	%%*	N**	N****	%%	«Русских»	Всего	Русских членов Кнессета
Всего голосовавших	69%	518,000	3,137,064	63,2%	20	120	13
«Русские» партии							
НДИ	48,4%	250,000	281,880	9,0%	9,3	11	8
Лидер (этнические русские)***	0,1%	580	580	0,02%	-	-	-
Лев («русские сефарды»)***	0,3%	1,500	1,765	0,06%	-	-	-
Общенациональные партии							
Правые							
Ликуд	15,3%	80,000	281,996	9,0%	3	12	1
МАФДАЛ-Нац.Единство	1,8%	10,000	224,083	7,1%	0,4	9	0
Херут***, ЕНФ***	0,8%	4,600	27,211	0,87%	0,4		
Центристы							
Кадима	18,9%	102000	690,901	22,0%	4	29	3
Гиль («пенсионеры»)	1,7%	9,000	185,759	5,9%	0,3	7	0
Левые							
Авода	4,5%	24,000	472,366	15,1%	1	19	0
Мерец	2,1%	11,000	118,302	3,8%	0,5	5	0
Шинуй***, Хец***	2%	10,500	14,788	0,47%	0,3		
Але Ярок***	0,8%	4,200	40,353	1,29%	0,2		
Ультраортодоксы и другие							
ШАС	1,7%	8,900	299,054	9,5%	0,3	12	1
Еврейство Торы	-		147,091	4,7%		6	0
Другие	1,6%	8,400	350,935	11,27%	0,2		
Итого, партии:							
«Русские»	48,8%	252,000	284,225		9,3		
Общенациональные	49,0%	253,300	2,123,449		10,2		
Другие секторальные	2,2%	12,000	729,390		0,5		
В целом	100%	518,000	3,137,064	100%	20	120	13

* Данные экзит-пулов («голосований на выходе») и телефонных опросов, ISPR, 28 марта 2006 г.

** Оценка.

*** Не прошли 2% электоральный барьер.

**** Официальные данные.

Общинные движения

Первоначально казалось, что недостатка в кандидатах на нишу «обновленной русской партии» не будет²⁷. Помимо вернувшихся в общинную нишу «правой» НДИ А.Либермана и «левого» «Демвыбора» Р.Бронфмана, которые кроме попыток сохранить «твердое ядро» своих избирателей выдвинули претензии на электоральное наследство «центристской» ИБА образца 90-х гг., с инициативой создания новой «социально-центристской» общинной партии выходцев из СССР-СНГ зимой 2004/05 года выступил бывший директор правительственного Бюро по связям с евреями Восточной Европы (Натив) и бывший видный активист подпольного сионистского движения в СССР Яков Кедми. Выдвинув набор социальных лозунгов, сходный с теми, которыми ранее оперировали на «русской» улице слившаяся с «Ликудом» ИБА и стремительно разваливающийся левоцентристский антиклерикальный «Шинуй», Я.Кедми был намерен привлечь бывших русскоязычных избирателей этих партий.

Тем не менее Я.Кедми так и не решился пуститься в самостоятельное партийное плавание. Официальной причиной Я.Кедми назвал отсутствие у него необходимых финансовых ресурсов²⁸. По другой версии Я.Кедми просто упустил время, ожидая «телефонного звонка» сначала от человека, давним сподвижником которого считается Кедми – бывшего премьер-министра Э.Барака²⁹ (последний долго колебался между новой попыткой борьбы за руководство в Авде и созданием отдельного левоцентристского списка), а затем от Ариэля Шарона. Ни того, ни другого, как известно, не произошло. Сам же Я.Кедми решительно отрицал, что его политические проекты имели какое-то отношение к Эхуду Бараку или «Кадиме».

В отсутствие Кедми и Щаранского на оставшиеся в тот момент «бесхозными» 6–7 «русских» мандатов – видимо, «наследство» ИБА образца 1999 г. – помимо НДИ и «Демвыбора», выдвинули претензии общенациональные партии, а также и авторы ряда новых «русских» инициатив. Одной из них было движение «полуторного поколения» русскоязычных израильтян «С тобой и для тебя» (явная аллюзия с предвыборным лозунгом ИБА 2003 г.), созданное вскоре после выборов 2003 г. Лидеры движения смогли провести своих представителей в муниципальные советы четырех городов севера страны и в марте 2005 г. объявили о своих парламентских амбициях³⁰, однако уже в декабре того же года присоединились к левоцентрист-

ской партии «Тафнит» Узи Даяна, которая на выборах 2006 г. не сумела преодолеть электоральный барьер.

Еще две «секторально-центристские» заявки сделали отколовшийся в сентябре 2004 от фракции НДИ член Кнессета Михаил Нудельман и известный российский и израильский бизнесмен Аркадий Гайдамак. Осенью 2005 г. Нудельман заявил о своем желании идти на выборы во главе все еще формально существующей партии «Алия», а Гайдамак 27 ноября 2005 г. объявил о намерении создать при поддержке возглавляемого им движения «Бейтар» одноименную «общеизраильскую партию с русским акцентом». Впрочем, оба политика почти сразу же заявили, что предпочитают войти в только что созданную Шароном партию Кадима. (Шарон в благодарность за поддержку его «плана размежевания» взял в список «Кадимы» Нудельмана, а Гайдамак отказался от партийно-политических амбиций).

После того как уже на пике кампании из предвыборной гонки, реально оценив свои шансы, вышел Роман Бронфман, единственной группой, которая подходила на роль «всеобщинной русской партии», оказалась НДИ. Было очевидно, что оставшиеся в игре два субобщинных репатриантских списка – основанная еще в 1999 г. партия «Лев ле олим», которая пыталась говорить от имени выходцев из Средней Азии, Северного Кавказа и Грузии, и русский (без кавычек) список «Лидер», впервые заявивший о себе на выборах 2003 г. как об «израильском филиале» Либерально-демократической партии России В. Жириновского, не смогут составить НДИ никакой конкуренции. И действительно, эти партии собрали на выборах соответственно 1,765 и 580 голосов – что было даже меньше, чем в моменты своего дебюта (соответственно, 6 тыс. и около 700 голосов).

В итоге у половины русскоязычных избирателей, которые по сложившейся традиции были готовы поддержать «свою» партию, практически не осталось выбора. Почти все эти мандаты (более 9) и получил А.Либерман и его НДИ.

Общеизраильские партии с «русской» коннотацией

Другие 7–7,5 мандатов получили партии с «объявленным» репатриантским компонентом, предоставившие «русским» политикам реальные (или казавшиеся в тот момент реальными) места в своих списках – «Кадима» и «Ликуд». Обе партии в основном боролись между собой за один и тот же умеренно-правый электорат, большую часть которого в 2003 г. получил политиче-

ский бренд «Шарон во главе Ликуда». При этом борьба с НДИ как за его «твердое идеологическое ядро», так и активно осваиваемое последним «электоральное наследство» «Израэль ба-алия», судя по всему, оказалась малопродуктивной.

Раскол Ликуд 20 ноября 2005 г., Шарон «забрал с собой» в его новую партию «Кадима», судя по опросам, 4–5 из 5–6 имевшихся на тот момент у «Ликуда» «русских» мандатов. Еще мандат-полтора этот новый бренд мог привлечь из электората разваливающегося «Шинуя».

Ситуация стала меняться после ухода Шарона с политической арены страны и особенно победы Б.Нетаниягу в Ликудовских праймериз. Эта победа, судя по опросам, почти вдвое (с 4 до 7%) увеличила поддержку партии репатриантов и еще вдвое (за счет поддержки «Кадимы») после того, как стало очевидно, что Шарон, судя по всему, не вернется в политику³¹. Именно с потерей поддержки на «русской» улице эксперты связывали снижение рейтинга «Кадимы», и на пике избирательной кампании – в конце февраля 2006 г. опросы впервые показали, что созданное Ариэлем Шароном движение наберет менее 40 мандатов.

Учтя ошибки своей линии в отношении олим во время выборов 1999 г. (что, судя по всему, и стоило ему тогда поста Премьера)³², Netanyahu decided to allocate a significant part of his campaign budget on the Russian vote³³. Основные надежды на «поправку» электорального образа партии среди «русских» Нетаниягу связывал со своими партнерами Натаном Щаранским и Юлием Эдельштейном, которым Нетаниягу помог занять 11-е и 15-е места в предвыборном списке партии в Кнессет. (Опрос института «Мутагим» утверждал, что если имена этих бывших министров в правительстве Нетаниягу образца 1996–1999 гг. будут стоять в первой десятке списка «Ликуда», поддержка русскоязычными израильтянами партии «Ликуд» под руководством Биньямина Нетаниягу на предстоящих парламентских выборах резко вырастет³⁴.

Пропаганда в этом секторе, за которую отвечали Щаранский и Эдельштейн, строилась на борьбе с личностью и платформой Эхуда Ольмерта³⁵. Как заявил на пике кампании Эдельштейн, уход Шарона «полностью меняет картину. Ольмерт – личность серая и уж точно не пользуется популярностью Шарона. Биби лучше знают и уважают больше, чем Ольмерта. Когда он был премьер-министром, а мы с Натаном ми-

нистрами – это было очень хорошее время для репатриантов»³⁶. Кроме того, политтехнологи «Ликуда» учли относительную популярность Нетаниягу среди «русских» (16% против 10% в целом по стране), а также то, что почти половина репатриантов на момент выборов объявляла себя сторонниками «либерально-рыночной» ориентации в социально-экономической политике, которая в последние годы ассоциировалась с реформами Биби³⁷.

В итоге «Ликуд» сумел закончить кампанию, получив три репатриантских мандата – успех тем более заметный на фоне беспрецедентно низкого за всю историю этой партии (с момента создания в 1964 г. блока Херут и Либералов) общего результата (12 мандатов в 2006 г. против 38 в 2003 г.), в силу чего лишь один «русскоязычный» репатриант – Натан Щаранский – стал депутатом Кнессета.

Общеизраильские движения с «ослабленным русским компонентом»

Как и предсказывали опросы, оставшиеся голоса (от трех до четырех мандатов) действительно получили партии, которые пытались, но не сумели (как «Авода», ШАС и осколки «Шинуя»), не хотели (как НЕ-МАФДАЛ, «Херут» и ЕНФ) или, в принципе, хотели, но изначально считали бесперспективным (как «Мерец» / «Яхад» или «Гиль») акцентировать интересы «русской улицы».

Причина такой реакции очевидна: леворадикальный «Мерец», равно как и левоцентристская «Авода» в сознании русскоязычных избирателей продолжают идентифицироваться с негативными последствиями обанкротившегося «процесса Осло». Однако новый лидер последней, бывший председатель Гистадрута Амир Перец в отличие от линии руководства «Агоды» в отношении голосов репатриантов в 2003 г. все же попытался привлечь новых репатриантов к Партии труда.

Взявшись за изучение русского языка как символ солидарности с этой группой, Перец также выбросил на «русскую улицу» набор социальных лозунгов, которые, судя по всему, должны были найти отклик у той части репатриантов, для которых проблемы трудоустройства, жилья и социальной поддержки были более важны, чем вопросы безопасности или идентичности государства. Проведенные в ходе кампании опросы показали, что более половины общины действительно

поддерживают социальные лозунги Переца, однако этот факт почти не влиял на желание репатриантов проголосовать за «Аводу», и только для 3% репатриантов (против 20% в среднем по стране), по данным упоминавшегося исследования Эфраима Яира, Амир Перец является предпочтительной фигурой на посту главы правительства³⁸.

Негативное впечатление произвели, в частности, требования Переца, одного из видных активистов ультралевого движения «Мир сегодня», о полном отступлении Израиля к границам 1967 г. и разделе Иерусалима; воспоминания о инициированных им в качестве лидера Гистадрута в 2001–2003 гг. многодневных забастовках – и как следствие, заваленных мусором улицах, закрытых детских садах, школах и правительственных офисах, о потерянных (и неоплаченных) рабочих часах; а также неспособность привлечь к партии аттрактивную для новых репатриантов фигуру. Наконец, свою роль сыграл и этносоциальный фактор – все еще существующее, хотя и уже не столь острое противостояние выходцев из бывшего СССР и выходцев из стран Востока (к которым относится и А.Перец).

Другой левоцентристской общеизраильской партией, практически потерявшей свой немалый «русский» потенциал, стал «Шинуй». Уровень поддержки новыми репатриантами «Шинуй» сократился к сентябрю-ноябрю 2005 г. с 4 до примерно 1,2 мандата, а политический «взрыв», связанный с образованием партии «Кадима» сразу же ослабил «Шинуй» на еще примерно половину «русского» мандата, причем с распадом партии процесс потери ею «русского» электората продолжился.

В целом левые партии – «Авода» и «Мерец», равно как и не попавшие в Кнессет левоцентристские списки «Шинуй», «Хец», «Тафнит», а также партия сторонников легализации легких наркотиков «Зеленый лист» в общей сложности получили примерно два мандата. Логично предположить, что на их долю пришлось и какая-то часть «русских» голосов, которые при ином раскладе получила бы антиклерикальная и/или левая (или «левоцентристская») «русская» партия. Поскольку такой партии не оказалось, то большая часть этих избирателей либо, в соответствии с принципом этнической солидарности, проголосовала за Либермана, либо, что еще вероятнее, вообще осталась дома.

В свою очередь, примерно мандат (или чуть больше) получили партии правее «Ликуда» – совместный список блока НЕ и

МАФДАЛ, и непрошедшие электоральный барьер обновленная партия «Херут» и Еврейский национальный фронт Б.Марзеля.

Число голосов, которые получили «нерусские» секторальные партии, оказалось невелико. На долю блока ашкеназов-ультраортодоксов «Еврейство Торы», как и в прошлом, пришлось не более тысячи «русских» голосов. «Ультраортодоксально-социальная» сефардская партия ШАС практически потеряла свой в прошлом немалый потенциал голосов «русских сефардов»- традиционалистов.

Если на выборах 1999 г. выходцы из Средней Азии и Кавказа дали этой партии, по оценкам, около 3 мандатов и чуть более одного мандата в 2003 г., то на выборах 2006 г., несмотря на то, что на третьем месте в списке стоял представитель общины бухарских евреев Амнон Коэн, от четверти до половины мандата. Как отмечалось, субобщинная партия «русских сефардов» – «Лев» также получила чуть более 2 тысяч голосов. В прошлом немало голосов этой группы получал «Ликуд», однако общее падение популярности партии в 2006 г. затронуло и этот сектор. Учитывая право-центристскую («правосоциальную») направленность «русских сефардов», доля голосов, которую в этом секторе получила «Авода» Амира Переца, была, судя по всему, также невелика. Как можно заметить, на этот раз главным фаворитом выходцев из постсоветской Средней Азии, Северного Кавказа и Грузии стал «Наш дом – Израиль» А.Либермана, в меньшей степени – «Кадима».

Столь популярная на этих выборах среди коренных израильтян форма политического протеста как голосование за партию пенсионеров «Гиль» не получила особенного развития на «русской улице» – ее протестный потенциал имел иную природу, и большую его часть, похоже, также успешно освоила та же НДИ.

Казус Солодкиной и перспективы Либермана

Итак, партия А.Либермана «Наш дом – Израиль», получившая 28 марта 2006 г. 11 мандатов, включая 9 от репатриантов, стала главной «звездой» общинной политики. Сумеет ли НДИ сохранить набранную динамику? Ответ пока неочевиден.

Основу созданной в январе 1999 г. А.Либерманом НДИ составили бывшие активисты «русского крыла» право-центристской партии «Ликуд», которые вышли из этой партии вслед за ее

Гендиректором А.Либерманом, будучи разочарованы политической уступкой палестинцам, которую проводило правительство во главе с лидером «Ликуда» Б.Нетаниягу, равно как и «невниманием» руководства партии к интересам ее «русских» членов. Впоследствии к НДИ присоединилось «правое крыло» «Исраэль ба-алия», вышедшее из нее в 1999 г. во главе с Юрием Штерном и Михаилом Нудельманом, а также независимые общинные репатриантские списки (крупнейшим из которых был «Наш дом – Ашдо́д» Семена Каценельсона)³⁹.

Первоначально НДИ делила с «Ликудом» умеренно-правую нишу, одновременно конкурируя на общинной улице с «центристской» ИБА, а затем, в 2001–2003 гг., сдвигается резко вправо. После выборов 2003 г., признав, как отмечалось, этот эксперимент неудачным, НДИ возвращается в правоцентристскую часть политического спектра, сумев, как показали выборы 2006 г., сохранить большую часть своего «твердого правого общинного ядра» (НДИ, видимо, потеряла около полумандата в пользу «Ликуда», НЕ-МАФДАЛ и еще более правых списков, многократно перекрыв потери приобретениями в центре).

В принципе, идея обмена еврейских поселенческих блоков Иудеи и Самарии на населенные израильскими арабами-мусульманами города южной Галилеи (т.н. «проект Киссинджера-Либермана») должна была соответствовать умеренно-правым настроениям большинства «русских» израильтян. Эта же идея, а также популярные в среде олим лозунги искоренения преступности (их символизировало присутствие в списке НДИ бывшего замначальника полиции Ицхака Аароновича и бывшего замглавы ШАБАКА Исраэля Хасона) оказались привлекательны и для коренных израильтян. Последние (в основном из числа умеренно-правых бывших избирателей «Ликуда») дали «русской партии с израильским акцентом» примерно два мандата.

Третьей группой избирателей, которые дали партии около половины ее мандатов, стали бывшие сторонники исчезнувшей «Исраэль ба-алия», успевшие за время после выборов 2003 г. разочароваться в общенациональных партиях («Ликуд» и особенно «Шинуй»). Именно с целью привлечения этих политически умеренных и социально ориентированных избирателей с начала кампании Либерман серьезно сдвинулся к центру. Эту тенденцию символизировало присоединение в январе 2006 г. к партийному списку депутата от Аводы Софьи Ландвер, «ши-

нуйника» Игаля Ясинова, а также известного своими левыми взглядами журналиста Й.Шагала.

В интересах этого электората начале избирательной кампании в Кнессет 17-го созыва Либерман сделал несколько «социальных заявлений», противоречащих традиционно «рыночной» ориентации НДИ. Кроме того, с целью привлечь внимание светских репатриантов, отошедших в свое время от ИБА в «Шинуй», партия пообещала бороться за введение института гражданских браков и работу общественного транспорта по субботам и праздникам. В разрез с прежней позицией НДИ, предлагавшей ужесточить Закон о возвращении, объявленная накануне выборов Ю.Штерном платформа партии предлагает (явно в интересах нееврейских родственников граждан Израиля – выходцев из СНГ этнически смешанного происхождения) признать законным статус всех жителей Израиля, которые доказали свою лояльность еврейскому государству.

В целом НДИ сегодня, перейдя на преимущественно общинное поле, продолжает позиционировать себя и как секторальная, и как общенациональная партия. В этом втором качестве она в каком-то смысле заменила исчезнувший «Шинуй» в нише «партии центра», но в отличие от последнего черпает основные электоральные ресурсы не в левоцентристской, а в правоцентристской части политического спектра.

С другой стороны, НДИ сегодня де-факто приобретает статус «партии общинного консенсуса», который в момент своего создания имела «Исраэль ба-алия». Общим знаменателем для всех входящих в нее фракций, вероятно, должно стать чувство «ущемленной общинной гордости», чрезвычайно важное для возрождения «русской» партийной политики после выборов 2003 г. Это чувство вполне утилизировало заявление лидера НДИ Авигодора Либермана о том, что русскоязычная община «доказала, что она – единственная, которая реально спасла Израиль в самый для него тяжелый момент», и потому на нее должна быть также возложена миссия «по выведению Израиля из глубочайшего кризиса» и его превращения в «часть Европы и [ее] передовой форпост на Ближнем Востоке»⁴⁰.

Обращаясь к общине в целом, А.Либерман в результате выборов оказался главой не одной, а сразу двух «партий». Одна – это собственно «исторический» правый НДИ, усиленный всегда присутствовавшим в партии, но сегодня выросшим ивритоязычным компонентом. Другая – это «социально-центри-

стская» ИБА. Таким образом, главная дилемма, которая сегодня стоит перед Либерманом, – это успешно использовав потенциал солидарного общинного голосования, не потерять и свой «идеологический» электорат. То есть тщательно балансируя между фракциями, по-разному относящимися к критическим для израильского общества темам – арабо-израильскому конфликту, светско-религиозному противостоянию и социально-экономической политике, не повторить судьбу взлетевших и распавшихся центристских партий прошлого – «русской» ИБА и «общенационального» «Шинуя».

Первые намеки на возможные трещины видны уже сейчас – электорат НДИ по-разному отреагировал на провал переговоров о присоединении НДИ к правительственной коалиции. Как можно заключить по некоторым косвенным данным, в то время как «социально-центристская» половина электората партии осталась недовольна тем, что представители так и не стали министрами и потому не смогут реализовать предвыборные социальные и гражданские проекты, немалая «идеологическая» часть избирателей, судя по опросам, оказалась разочарована тем, что Либерман вообще вел переговоры о вхождении в «правительство свертывания».

Намечающийся внутренний кризис, однако, разрешился, когда стало известно, что в правительстве не только не будет министров от ИБА, но и (впервые за десять лет) вообще министров – выходцев из СССР. Шестой номер в списке «Кадимы» Марина Солодкина, которая, согласно всем обещаниям (и Шарона, и Ольмерта), должна была получить критическое для репатриантов Министерство абсорбции, так и не стала министром. (Ольмерт предпочел отдать это министерство своему приближенному Зеэву Бойму, который является важной фигурой в конструируемом премьер-министром вместо шароновско-го «Форума Шикмим» новом «ближнем круге» власти).

Шаг этот вызвал серьезное недовольство части общинных активистов «Кадимы» (соответствующее письмо протеста было подписано 25 местными «русскими координаторами» партии) и серьезно поднял акции на «русской улице» находящихся в оппозиции со своими партиями Щаранского и особенно Либермана. (Согласно данным опроса Тель-Авивского ИСПИ, проведенного по следам событий, сформированная Ольмертом коалиция не нравилась 72% русскоязычных респондентов. При этом около 40% были недовольны отсутствием в правительст-

ве НДИ, треть – отсутствием там русскоязычных министров вообще, а 60% заявляли, что видят себя на стороне оппозиции правительству Ольмерта).

В свою очередь, оценивая сложившуюся ситуацию, Марина Солодкина, которая перешла в своего рода «внутреннюю оппозицию» в «Кадиме», заметила:

«Если называть вещи своими именами, «Кадима» – это тот блин, который вышел для нас комом... У меня нет желания... гордо заявить, что я – стопроцентная израильтянка. Я в первую очередь – «русская» еврейка, я, разумеется, израильтянка, но я всегда помню о своих корнях... Я начала защищать интересы репатриантов в «Исраэль ба-алия», и продолжаю этим заниматься, «союзничая» с другими партиями. [И эта партия] жива – во мне и в активистах, ставших независимыми... Я не сомневаюсь, что должна быть «русская партия»... У меня была своя концепция, свое видение политической ситуации, наиболее благоприятной для общины. «Русская» партия плюс наши политики на видных местах в крупных общенациональных партиях. Но вот сейчас ШАС и «Кадима» доказали, что и эта концепция не оправдала себя»⁴¹.

В качестве выхода из ситуации, когда в руках общины «нет министерств с их бюджетными возможностями и решающих голосов в правительстве», и принимая во внимание, «что миллион двести тысяч человек не могут думать одинаково», и потому «русская партия» в единственном числе быть не может», Солодкина предложила создать надпартийный форум «русской улицы», состоящий из политиков, представителей бизнеса, хай-тека, культуры, общественных организаций и т.д. Это, по ее мнению, «должен быть работающий форум, а не карманный и не играющий в чужие игры»⁴².

Надо полагать, что Марина Солодкина, по сути, предлагает восстановить организационную самостоятельность партии «Исраэль ба-алия», предъявив претензии не только на те «русские» мандаты, которые получила на выборах «Кадима», но и на ту часть бывшего электората ИБА, которая на выборах 2006 г. поддержала Либермана. В том, что последние относятся к этой угрозе достаточно серьезно, свидетельствует реакция лидеров НДИ. Так, Юрий Штерн в своем ответном письме заметил:

«В связи с многочисленными заявлениями в прессе и призывами к созданию новой партии репатриантов хочу напомнить,

что такая партия уже есть. Она называется «Наш дом Израиль». НДИ — это единственная партия, которая представляет полуторамиллионную русскоязычную алию и защищает интересы репатриантов. На прошедших выборах партия НДИ добилась беспрецедентного успеха, делегировав в Кнессет 11 депутатов. Поэтому сегодня любые призывы к созданию какой-то новой «русской» партии являются ничем иным, как попыткой раскола русскоязычной общины и распыления сил «русской улицы»⁴³.

Разумеется, ситуация остается многовариантной, и до следующих выборов — состоятся ли они в срок, или, что намного вероятнее, вновь досрочно, многое может измениться. Но в том, что вновь открывшаяся ниша общинной партийной политики будет чрезвычайно востребована, сомневаться не приходится.

Итоги и перспективы

Что же показали выборы?

Во-первых, русские в очередной раз сыграли критическую роль в успехах и неудачах израильских партий, но как община, как нетрудно было предположить накануне выборов, не слишком от этого выиграли.

Во-вторых, похоже, что в «русской» общине воспроизвелась политическая ситуация конца 90-х гг., когда репатрианты почти поровну делили свои симпатии между общенациональными и секторальными партиями. Стабильный рост доли голосов, которые репатрианты отдавали за «свои» партии проходил на протяжении всего прошлого десятилетия⁴⁴. Так, в 1992 две «русские» партии — ДА и ТАЛИ, а также «Список олим и пенсионеров» в сумме получили примерно 20% голосов новых репатриантов (ни одна из них не прошла тогда электоральный барьер). В 1996 г. ИБА Н.Щаранского получила уже 44% и еще около 6% не прошедший в Кнессет соперничавший с ИБА «русский» олимовский список «Единство и алия». В 1999 г. две «русские» партии — ИБА и НДИ получили уже 55% голосов репатриантов.

Эта тенденция, на первый взгляд, не получила продолжения в 2003 г., когда репатрианты в массе своей проголосовали за общеизраильские движения. Ситуация была тем более странной, что еще в конце 2001 г. «русские» общинные партии, согласно всем опросам общественного мнения, имели абсолютный приоритет на «русской» улице. Впрочем, при более

детальном анализе ситуации можно заметить, что и в 2003 г. большая часть избирателей традиционно голосующих в 90-е гг. за общинные списки, поддержала не столько общенациональные партии, сколько русские партии в составе общенациональных блоков (с неизбежной потерей голосов, вызванной этими объединениями).

Так, из 7 «русских» мандатов, полученных списком НЕ, около 5, как отмечалось, было отдано НДИ. В свою очередь блок «Мерец» благодаря присутствию «левой русской» партии «Демвыбор» также получил какую-то часть «русских» голосов (по разным оценкам, от четверти до почти целого мандата). Если к этому прибавить электорат ИБА (он де-факто соответствовал 2,5 мандатам), то общая сумма — примерно 8–8,5 из тогдашних 19 мандатов, или 42–45% голосов, и в этом случае реальная картина не слишком отличалась от установившейся в последнее десятилетие тенденции. В свою очередь, выборы 2006 г. вернули общину выходцев из СССР/СНГ к «нормальной ситуации» конца 90-х гг., в очередной раз почти поровну поделив ее на сторонников общенациональных и секторальных партий.

В-третьих, община продемонстрировала и обычное для нее (хотя и несколько «смазанное» в связи с «размежеванием», отношение к которому выходит за рамки традиционного право-левого противостояния) распределение голосов между «правым» и «левым» идейно-политическими лагерями, в соотношении 2/3:1/3. При этом еще в октябре-ноябре 2005 г. потенциальные голоса в правой части политического спектра почти поровну делились между «общенациональным» «Ликудом» и «русской» партией «Наш дом — Израиль» (НДИ). В его левой части соотношение поддержки «общенациональных» («Шинуй», «Авода», «Мерец») и «русских» списков («Демвыбор» или «другая репатриантская партия», видимо левой и/или антиклерикальной ориентации) составляло уже 3:1, а 6–7 «центристских» мандатов (как мы предположили, наследство ИБА образца 90-х гг.), разочарованные в общеизраильских партиях (в первую очередь в «Шинуе») были в массе своей готовы поддержать репатриантские движения.

«Большой взрыв» в израильской политике несколько деформировал эту картину. Тем не менее представленное в начале статьи распределение идеологических позиций репатриантов — 12–15% «левых», 60% «умеренных» (левых, правых и собственно центристов) и примерно 25% — «правых», или в пе-

решение на мандаты, 2–3; 12 и 5–6, соответственно, хотя и не вполне соответствует сегодня межпартийным границам, но очевидно сохранилось. «Левые» (2–3 мандата), как можно заметить, проголосовали за «Аводу», осколки «Шинуя», «Мерец», либо вместе с «Демвыбором» не приняли участия в выборной гонке. «Правые» (5–6 мандатов) распределили свои голоса между «право-идеологической» фракцией НДИ, НЕ-Мафдал, и, в меньшей степени, «Ликудом» (где все еще имеются выражено правые фракции, такие как «Еврейское руководство»). Наконец, «центристы» в соответствии со своими идеологическими оттенками, а также общинными, экономическими и прочими симпатиями и антипатиями поддержали «Кадиму», «Ликуд» и «социально-центристский» лагерь НДИ.

В-четвертых, итоги выборов позволяют по-новому посмотреть на процессы политической интеграции репатриантов в израильском обществе. В 90-е гг. общинные фракции, представляющие основные тенденции – «ассимиляцию» (полное растворение в израильской еврейской социально-культурной среде), «интеграцию без аккультурации» (включение в израильскую среду и принятие ценностей местного общества с сохранением русско-еврейской идентичности) и «изоляцию» (формирование «русских» культурных островков на периферии местного общества) и на политическом уровне представленные соответственно партиями НДИ, ИБА и «Демвыбор», соотносились примерно как 30:50:20%⁴⁵.

На этих выборах границы между этими лагерями существенно сместились – как отмечалось, 50:33:12. Говорит ли это об усилении изоляционизма в политике и обществе? На наш взгляд, такой вывод был бы поверхностным и неточным. Доминирующей тенденцией в русскоязычной общине остается вера в возможность воспринять культуру израильского общества и одновременно сохранить действенную связь с культурой страны исхода⁴⁶.

Факт, что эти 50% голосов получили не откровенно изоляционистские субобщинные списки, а «русская партия с израильским акцентом» – НДИ, которая сегодня представляет новый тип «израильской русско-еврейской» (с акцентом на первое слово) идентичности, существование которой – к лучшему или к худшему – вполне легитимизировано в современном постмодернистском, мультикультуральном и полисоставном израильском обществе.

¹ Vladimir Khanin. Israeli «Russian» Community and Immigrants Party Politics in the 2003 Elections // *Israel Affairs*, Vol. 10, № 4 (Summer 2004), с. 178–180; Владимир (Зеэв) Ханин. «Русские» и власть в современном Израиле: становление общины выходцев из СССР/СНГ и ее роль в политической структуре страны на рубеже XX и XXI веков. – М.: ИИИБВ, 2004.

² Более детальный анализ этих факторов см.: Владимир (Зеэв) Ханин. «Русские» партии в Израиле – второе издание? // *Ближний Восток современность*. Вып. 25. – М.: ИБВ, 2005, с. 89–110.

³ Анализ, проведенный в 2004 г. Центром исследований и информации Кнессета по инициативе тогдашнего председателя комиссии Кнессета по внутренним делам, одного из лидеров партии НДИ Юрия Штерна, показал, что в то время как доля русскоязычных израильтян среди трудоспособного населения страны превышает 15%, а доля лиц с высшим образованием среди них в полтора-два раза превышает долю обладателей академических степеней среди уроженцев страны и старожилов, выходцы из СССР/СНГ составляют лишь 4,4% сотрудников и 0,8% руководящих кадров государственных ведомств. (Наиболее вопиющая ситуация была отмечена в полиции, в министерствах обороны, просвещения, науки, спецслужбах, на дипломатической службе и в Институте национального страхования – «Битуах Леуми»). Весомым исключением, отчасти балансирующим картину, являются медицинские структуры (больницы, поликлиники и т.д.), где репатрианты составляют 27,3% работников этих учреждений, но при этом только 1% на руководящих должностях. При этом в шести министерствах, когда-либо возглавлявшихся русскоязычными министрами, средняя численность сотрудников – выходцев из СССР/СНГ 1989–2004 гг. оказалась более чем в два раза выше, чем в тех 14 министерствах, где русскоязычных министров никогда не было (6,8% против 3,2%) См.: Алек Эпштейн. Неиспользуемый человеческий капитал: профессиональная интеграция репатриантов алии 90-х на израильском рынке труда (По материалам отчетов сотрудников Центра исследований и информации Кнессета Михаль Кора, Эллы Хелер и Дины Цадок «Ецугам шель олей хеве ха-мединот бе-шерут ха-тсибури б'Израэль» – по запросу депутата Кнессета д-ра Юрия Штерна). Иерусалим: ЕСОД, 10 января 2005 г., с. 8–11, 13.

⁴ Так, «русские» члены Ликуда сыграли немалую роль в поражении Шарона на внутрипартийном референдуме, который должен был подтвердить план одностороннего отделения от Газы и Западного берега израильских деревень. Согласно существующим данным,

более 80% членов русской партии голосовали против плана в отличие от аборигенных членов партии, которые, по сведениям Института Дахав поделили свои голоса почти в соотношении 50:50. (See *NRG-Ma'ariv*, 23 April 2004 at <http://www.maariv.co.il>; *Yediot Ahronot*, 23 April 2004).

⁵ См. результаты опроса на www.ispr.org.

⁶ Репатрианты продолжают жаловаться на полицейский произвол в Ашкелоне // *Горские Евреи в Израиле*, <http://www.mountain-jews.co.il/Community/Community29.htm>; Юрий Штерн: «Полицейский произвол необходимо остановить!» // *Пресс-служба партии НДИ*, 15.11.2005.

⁷ *Israeland News*, <http://www.isra.com/news/48603>.

⁸ Таково, в частности, было объявленное мнение практически всех «русских» депутатов Кнессета и видных политиков вне зависимости от их партийной принадлежности – Ю.Штерна, И.Ясинова, В.Брайловского, Р.Бронфмана, А.Либермана, М.Нудельмана, М.Солодкиной и т.д. См.: «Русские» политики о банковском скандале в Израиле // *MIGnews*, 9 марта 2005; Avraham Shmulevich. Мир в обмен на Невзли: «Олигархический аспект» российско-израильских отношений [Peace for Nevzli: an «Oligarchic Angle» of Russian-Israeli Relations] // *Русский Журнал*, 10 Марта 2005; Yossi Melman. «Me? An oligarch?» // *Ha'aretz*, 18 March 2005.

⁹ Lily Galili. Breaking the Iron Curtain to hit a glass ceiling // *Haaretz*, 13 March 2005.

¹⁰ Цит. по: Прилуцкий А. Черный январь // *Новости Недели*, 21.01.2004.

¹¹ Либерман и Щаранский затевают новую «русскую» партию // *ISRALAND новости*, 23.05.2004. Репрезентативный опрос общественного мнения выходцев из СССР/СНГ, проведенный в конце 2004 г., показал, что 65% респондентов поддерживали эту идею, хотя 58% при этом не верили, что подобное объединение когда-либо состоится.

¹² Зубарев Я., Вставайте, люди «русские» // *Русский израильтянин*, № 43/407 (26.10 – 1.11.2004), с. 1, 12–13; Lily Galili. Is Lieberman becoming Russian again? // *Ha'aretz*, June 29, 2004.

¹³ Барух Кляйн. Обновленная концепция // *Вестн*, 11.11.2004.

¹⁴ Илан Кфир. «Русский список» без Щаранского // *Глобус*, № 630 (8–14.11.2004), с. 6.

¹⁵ Lily Galili. Lieberman: Likud, Labor officials back transfer of Arab villages to PA // *Ha'aretz*, 7 June 2005.

¹⁶ См. Владимир (Зеэв) Ханин. «Русские» и власть в современном Израиле, с. 172–200.

¹⁷ Интервью автора с Р.Бронфманом, Москва, сентябрь 2005.

¹⁸ Интервью автора с бывшим депутатом от ИБА Г.Риггером, 28 марта 2006 г. См. также: Зубарев Я. Вставайте, люди «русские» // *Русский израильтянин*, № 43/407 (26.10 – 1.11.2004), с. 1.

¹⁹ Ликуд и «Израэль Ба-Алия» слились воедино // Заявление Пресс-службы Министра по делам Иерусалима и диаспоры Н.Щаранского, январь 2005.

²⁰ Подробнее см. Владимир (Зеэв) Ханин. *Вокруг размежевания*, с. 119–122.

²¹ Интервью автора с З.Элькиным, февраль и май 2006 г.

²² См. Владимир (Зеэв) Ханин. «Русские» и власть, с. 53–61.

²³ Солодкина: список Щаранского ослабляет влияние «Ликуда» на «русской улице» // Пресс-служба депутата Кнессета доктора Марины Солодкиной 23 февраля 2000.

²⁴ Передача «Суть дела», радио РЕКА, 28 февраля 2005 г.

²⁵ Русскоязычная маевка в Аводе. Пресс-релиз Пресс-службы объединения репатриантов партии «Авода», 03.05.2005, <http://cursorinfo.co.il/pr/2005/05/03/avoda/>.

²⁶ См. результаты опроса на www.ispr.org.

²⁷ Подробнее см.: Владимир (Зеэв) Ханин, *Вокруг размежевания: общество и политика Израйля в 2005 г.* – М.: ИБВ, 2006, с. 89–134.

²⁸ Интервью автора с Я.Кедми, апрель 2006.

²⁹ Lily Galili. So futile, this labor // *Ha'aretz*, 10 June 2005.

³⁰ 11 марта 2005 г. лидер «С Вами и для Вас» собрал в Тель-Авиве всеизраильский съезд, который, по свидетельству организаторов, представлял тысячу членов со всей страны и который должен был утвердить «новую структуру движения» и пополнить список действующих под его эгидой «отраслевых» комиссий – муниципальной, по делам малого бизнеса, по проблемам молодежи, форума молодых адвокатов и т.д.

³¹ См. опросы института «Мутагим» на www.ispr.org.

³² Vladimir (Ze'ev) Khanin. Israeli «Russian» Parties and the New Immigrant Vote // *Israel Affairs*, London, Vol. 7, № 2–3 (Winter 2001), с. 101–134.

³³ According some data, the immigrants' campaign budget of Likud was some NIS 6 million, opposite to about NIS 1,5 million the Labor immigrant's headquarter budget. Lily Galili. Labor considered closing immigrants' campaign team? // *Haaretz*, 19.02.2006.

³⁴ См. результаты опроса на <http://www.intersol.co.il/ispr/index.php?page=1203>.

³⁵ Mazal Mualem. Army of foreign strategists shaping Israel's election campaign slogans // *Haaretz*, 19.02.2006.

³⁶ Цит. по: Война за «русский» голос // *Едиот Ахронот*, 25.01.06 [на иврите].

³⁷ Такие оценки, в частности, следуют из результатов опроса, опубликованного в начале декабря 2005 г. проф. Эфраимом Яиром, главой Программы изучения социально-политических конфликтов (The Evans Program for Conflict Resolution) Тель-Авивского университета. Цит по: Lily Galili. Hard-boiled, this Russian salad // *Haaretz*, 08.12.2005.

³⁸ См. Владимир (Зеэв) Ханин. *Вокруг размежевания*, с. 124–127.

³⁹ Подробнее см.: Vladimir (Ze'ev) Khanin. The New Russian Jewish Diaspora and «Russian» Party Politics in Israel // *Nationalism & Ethnic Politics*, Boulder, Vol. 8, № 4 (December 2002), с. 38–51, 81–83.

⁴⁰ Интервью лидера партии «Наш Дом – Израиль» Авигодора Либермана программе «Обратный отсчет» 9-го канала Израильского ТВ, 6 июня 2005 г.

⁴¹ Цит. по: Бавли С. Караваны судьбы Марины Солодкиной // *MIGnews*, 18.05.2006.

⁴² Ответ на открытое письмо депутата Кнессета от партии НДИ Ю.Штерна. – Пресс-служба депутата Кнессета Марины Солодкиной, 17.05.2006.

⁴³ Цит. по: Открытое письмо депутату Кнессета от партии Кадида Марине Солодкиной. – Пресс-служба депутата Кнессета Юрия Штерна, 17.05.2006.

⁴⁴ Владимир (Зеэв) Ханин. «Русские» и власть в современном Израиле: становление общины выходцев из СССР/СНГ и ее роль в политической структуре страны на рубеже XX и XXI веков. – М.: ИИИБВ, 2004.

⁴⁵ Vladimir (Ze'ev) Khanin. The Jewish Right of Return: Reflections on the Mass Immigration to Israel from the Former Soviet Union / in Lustick, Ian and Lesch, Ann (eds.) // *Exile and Return: Predicaments of Palestinian Arabs and Jews*. – Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 2005, с. 183–203.

⁴⁶ Согласно данным опроса ИСПИ (15.05.2006), в возможность такого сочетания верили 68,8% респондентов (11,6% не верили и 19,6% не высказали определенного суждения).

ПРИЛОЖЕНИЕ

А.Н.Андреев

К ВОПРОСУ О ВОССТАНОВЛЕНИИ СУДЕБНО-ПРАВОВОЙ СИСТЕМЫ АФГАНИСТАНА

После принятия конституции, избрания президента и формирования парламента на повестке дня афганского руководства стоит вопрос о восстановлении дееспособной судебно-правовой системы. При этом афганским законодателям и юридической общественности приходится учитывать как традиционные, давно сложившиеся в стране общеправовые нормы, так и новые конституционные требования. В то же время, чтобы стать полноправным членом мирового сообщества, Афганистану потребуется привести свою правовую базу в соответствие с международными стандартами.

Судебная власть призвана обеспечивать единые критерии определения законности в государстве и обществе, добиваясь верховенства закона на всей территории Афганистана. Кроме того, по Конституции ИРА (статья 121) в компетенцию Верховного суда входит рассмотрение дел и подготовка соответствующих заключений на предмет соответствия издаваемых парламентом (а ранее и президентом) законов и законодательных актов, а также межгосударственных обязательств и международных норм Основному закону страны.

В настоящее время судебно-правовая система страны малоэффективна. Повсеместная коррупция и некомпетентность судей, медленное судопроизводство, многочисленные случаи оказания силового давления на судебные органы – яркие примеры отсталости и несоответствия афганской судебной системы современным реалиям. Из 380 действующих судов только 15 имеют собственные здания. В удаленных районах они практически не функционируют. Правовой вакуум там занимают местные племенные судьи.

Согласно данным опроса, проведенного Афганской независимой комиссией по правам человека в 2004 г., почти 58% респондентов не доверяют афганской судебной системе, вы-

носящей решения по делам о нарушении прав человека на территории Афганистана. Поэтому 49,6% опрошенных уверены, что лиц, нарушивших права человека, должен судить суд, состоящий из афганских и международных судей, 27,6% доверяют лишь международным судьям и только 21,5% респондентов полагают, что судить должны сами афганцы.

Система исправительных учреждений в Афганистане также находится в стадии становления. Она располагает на сегодня местами содержания осужденных, функционирующими в четырех крупных городах Афганистана: Кабуле (центральная тюрьма Пули-Чахри, сооружена в 1975 г.), Герате, Желалабаде и Кандагаре. Все они, по имеющимся экспертным оценкам, далеки от соответствия международным стандартам как по техническому оснащению, так и по условиям содержания осужденных. Исключения составляют лишь 2 из 11 блоков тюрьмы Пули-Чахри, реконструированных за два последних года на международные донорские средства. Из периферийных городов лишь тюрьмы в Герате и Желалабаде могут считаться пригодными для отбывания наказания лицами, приговоренными к длительным срокам лишения свободы. В других городах и провинциальных центрах в качестве мест содержания осужденных используются дооборудованные охранными средствами помещения, с точки зрения экспертов, малоприспособленные для выбранных целей.

Активизация деятельности правоохранительных органов (полиция, прокуратура, суд) приводит к росту числа осужденных. В условиях острого дефицита тюрем это приводит к переполнению мест их содержания, что негативно отражается на эффективности действия системы исправительных учреждений. В центральной кабульской тюрьме к тому же имеются заключенные, в отношении которых долгое время не выносятся судебные решения, либо осужденные по шариатским законам.

В Афганистане не существует специализированных мест заключения для отбывания наказания женщинами и несовершеннолетними. Осужденные женщины содержатся в отдельных от мужчин помещениях, а где позволяют условия, – в блоках. Однако в большинстве провинций места для содержания осужденных женщин вообще отсутствуют, и для отбывания наказания они направляются в переполненную тюрьму Пули-Чархи в Кабуле.

Приоритетным направлением реформирования и укрепления судебной-правовой системы афганское руководство совме-

стно со странами-донорами и международными организациями избрало создание эффективной инфраструктуры и подготовку соответствующих юридических кадров. Только в провинциях на эти цели, по оценке министерства юстиции ИРА, в текущем году потребуется до 100 млн. долларов.

Наибольший вклад в восстановление афганской правовой системы вносит Италия. За истекшие три года ее взнос на эти цели составил 17 млн. долл. При содействии Италии на донорские средства создан учебный центр для переподготовки персонала региональных исправительных учреждений. Основной упор здесь делается на обеспечение соблюдения прав осужденных и гуманного отношения к ним. В учебном центре состоялось 6 выпусков по 100 слушателей каждый.

Канада выделила 5 млн. долл. на финансирование программ по подготовке юридических кадров. В различных обучающих программах участвуют также Франция и Германия. В декабре 2005 г. французскими и германскими экспертами были проведены 10-дневные курсы по переподготовке 150 судей, прокуроров и старших офицеров полиции из провинций.

В 2005 г. были приняты законы о тюрьмах и о судах низшей инстанции, занимающихся мелкими преступлениями. В соответствии с ними вся пенитенциарная система Афганистана была переведена под юрисдикцию Министерства юстиции, в стране было образовано 36 судов низшей инстанции по уголовным, гражданским и торговым делам, а также суды общественной безопасности.

Министерство юстиции совместно с Верховным судом, Прокуратурой и международными экспертами разработало проект правовой реформы под названием «Справедливость для всех», который был вынесен на рассмотрение международной конференции, состоявшейся в Кабуле в августе 2005 г. Данный проект предусматривает проведение правовой реформы в три этапа сроками в три, пять и десять лет и охватывает пять основных направлений: изменение законодательства, развитие институтов юстиции (включая административную реформу, обучение, оборудование, строительство, финансирование), предоставление юридических услуг (обеспечение доступа населения к судопроизводству, юридическую помощь и т.п.), консультирование по вопросам религиозного и гражданского права, осуществление взаимодействия с правительственными программами в области политики, безопасности, проблем

женщин и детей, наркотиков, коррупции, прав человека, собственности и земли.

В целях реализации этой стратегии к настоящему моменту созданы рабочие группы по вопросам законодательства, парламента, административной реформы, обучения, инфраструктуры, юридической помощи. После одобрения программы «Справедливость для всех» со стороны иностранных доноров начата реализация международных проектов содействия судебно-правовой реформе страны. К ним, в частности, относятся:

1) Трехлетний план под эгидой Италии на 2006–2008 гг., включающий реформы судов, управления, обучения, строительство зданий (100 млн. долл.);

2) Проекты Программы развития ООН, направленные на обеспечение доступа населения к органам юриспруденции в провинциях на период 2006–2008 гг. (7,2 млн. долл.);

3) Проекты по линии американского Агентства международного развития, Управления по наркотикам и преступности ООН, ЮНИСЕФ и др.

В целях унификации религиозного и гражданского правового законодательства и приведения его в соответствие с международными стандартами в настоящее время при президенте ИРА создается специальная группа с участием представителей Независимой комиссии по правам человека Афганистана, которая займется разработкой параметров и методов постепенного внедрения международных правовых механизмов в Афганистане. Группе поставлена задача в течение двух лет разработать и представить президенту конкретные предложения по совершенствованию судебно-правовой системы страны.

В соответствии с принятым 1 февраля 2006 г. на Лондонской конференции Соглашением по Афганистану реформирование системы правосудия станет одним из приоритетных направлений деятельности Правительства и международного сообщества в этой стране на ближайшие пять лет. Цель реформы будет состоять в том, чтобы гарантировать всем афганцам равный, справедливый и прозрачный доступ к правосудию на основе принятых законов. Реформа будет включать завершение преобразований в законодательной области как в государственном, так и в частном секторе, построение дееспособной судебной системы с подготовленным персоналом; обеспечение прав человека и правовой грамотности населения, воссоздание судебной инфраструктуры. Правительство ИРА и между-

народное сообщество в этом документе подтвердили свои обязательства по защите и расширению прав, предусмотренных Конституцией Афганистана и международными нормами, включая международные соглашения по правам человека и другие документы, участником которых является Афганистан.

К концу 2010 г. планируется введение в действие конституционных норм в области гражданского, уголовного и коммерческого права, при этом предполагается, что органы правосудия будут работать в полном объеме в каждой провинции Афганистана. Имеется в виду, что к этому сроку реформы укрепят профессионализм, надежность и целостность ключевых институтов системы правосудия (Министерство юстиции, Судебная власть, Генеральная прокуратура, Министерство внутренних дел и Государственное управление национальной безопасности), а инфраструктура системы правосудия будет полностью реанимирована.

Очевидно, что создание безопасности в Афганистане невозможно обеспечить только военными средствами, многое будет зависеть от прогресса в становлении судебно-правовой структуры, реформирования юридических служб, включая осуществление плана совершенствования правосудия. При этом главным здесь представляется достижение легитимности и авторитета юридических институтов в глазах населения, что подвигло бы основные политические силы и государство к принятию ответственности за страну перед собственным народом.